

001.1
4-87
-К
СЕМЕН ЧУЙКОВ

ОБРАЗЫ ИНДИИ

СЕМЕН
ЧУЙКОВ

ОБРАЗЫ ИНДИИ

записки
художника

СЕМЕН ЧУЙКОВ

ОБРАЗЫ ИНДИИ

ЗАПИСКИ
ХУДОЖНИКА

Издание 2-е, исправленное и дополненное

«ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО». МОСКВА—1976

Ч87
75С2

Ч 80101-0023 13-76
024(01)-76

© Издательство «Изобразительное искусство». 1976

Книга Семена Афанасьевича Чуйкова «Образы Индии» не является простым описанием поездки в Индию.

В книге приводится много записей из дневника, но значение ее гораздо шире описаний встреч и пейзажей, которые сами по себе имели важное значение и способствовали главной задаче, которую ставил перед собой художник. А задача эта заключалась не в простом наблюдении, а в глубоком замысле картин, показывающих Индию сегодняшнего дня, людей этой сегодняшней Индии во всей широте их характеров, во всей живописной их глубине.

Он сам пишет об этом: «Живые люди Индии с их заботами и лишениями, с их радостями и мечтами постепенно брали верх. Перед моим взором возникали то идущая мать с детьми, то кули с флейтой и его молодая подруга, то беженка с ребенком и робко протянутой рукой, то веселый праздник весны в Джайпуре, праздник красок в городе красок, то подметальщица, сидящая у стены, то гордая голова молодого кули с огненными глазами, то толпы гуляющих по набережной вечернего Бомбея...»

И в результате поисков и непрерывной большой работы художника, работы вдохновенной и неутомимой, советские зрители увидели такие замечательные картины Чуйкова, как «Песня кули», «В пути», портреты студентки из Калькутты, молодого кули, индийской невесты, увидели неповторимый гималайский пейзаж. Множество этюдов сопровождало основные картины.

Эта встреча выдающегося советского художника с Индией, впечатления, которые глубоко запали в его сердце и в его память, можно выразить одной очень верной фразой, которая родилась, когда он рисовал в Дели молодого кули-чернорабочего. «Работая и изучая его лицо,— пишет Чуйков,— я думал: «Сколько же красоты и величия в тебе, великий, непокоренный индийский народ!»

Книга Чуйкова раскрывает перед нами ту тайную лабораторию создания его картин об Индии, проникнуть в которую является для нас большой радостью, потому что мы следим за рождением и развитием замыслов художника, ростом его требовательных попыток отразить с наибольшей силой жизнь, смотрим его глазами на сменяющиеся перед нами картины индийской жизни, наблюдаем чудесные лица сыновей и дочерей великого народа, ищем красок для изображения виденного. Чтение книги Чуйкова дает нам возможность путешествовать не с холодным наблюдателем, не со случайным человеком, а с мастером, который остро наблюдает, видит самое главное и смело делает интереснейшие выводы. Автор — прекрасный рассказчик. Он не повторяет проходных, служебных фраз, которые так часты в очерках впервые видящих Индию. Он смотрит своим зорким глазом, и мы видим так же хорошо

все то, что он хочет нам представить. Когда он пишет о том, как мальчики, охранявшие его работу, «спасли» этюд «Джайпурской улицы», посменно держа над его головой черный дождевой зонтик, или описывает краски Джайпура: «...оранжевое покрывало, голубовато-зеленоватая юбка и малиновая или пунцовая кофточка». Или: «...бледно-сиреневое покрывало, светло-голубая кофточка, а юбка смугло-оранжевая, и ко всему этому бронзовое лицо, руки, живот... джайпурцы с исключительно тонким вкусом подбирают цвета своих одежд, и они действительно то пылают, то тлеют, то сверкают, то мерцают в жемчужно-сером окружении улицы»,—всюду он дает нам чувствовать то неповторимое, индийское, что им обнаружено и будет утверждено его кистью мастера. Он, как настоящий прозаик, умеет изобразить пейзаж. Возьмите нарисованную им скупыми чертами, верными и впечатляющими, картину наводнения в долине По лунной ночью, когда он проезжает по Италии, или его описание Гималайских гор утром в Дарджилинге... Это описание сделает честь любому писателю.

Когда вы читаете страницу за страницей эту содержательную книгу, вы находите в ней путь, который ведет от первого замысла до законченной картины. Вы должны согласиться с художником, что все своеобразие мирового искусства должно приниматься во внимание при разговоре об индийском искусстве, иначе и быть не может.

Книга С. А. Чуйкова читается с большим интересом, потому что она написана ищущим художником, мастером острого глаза и большого сердца. Пробыться к настоящей жизни, к индийскому народу сквозь толщи случайных впечатлений и обычных, трафаретных наблюдений мог только человек, поставивший себе целью большой, настоящий, серьезный творческий замысел.

И в тех немногих картинах «Индийской сюиты», что мы увидели, замысел художника выражен смело, правдиво и неотделимо от жизни великого индийского народа. Тем интереснее нам узнать, каким путем шел художник к этой правдивости и к этой жизненности. Книга Чуйкова будет хорошим чтением и для молодых художников, потому что она учит, как смотреть, как выбирать, как добиваться самого главного в искусстве.

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Свидетелями былой славы многих древних цивилизаций остались лишь памятники искусства. Но Индия сохранила за пять тысячелетий исторического пути живую преемственность жизни и культуры. В колониальную эпоху индийский народ остался духовно непокоренным и добился независимости, пронеся через двухвековой мрак свои неповторимые духовные качества: величие и красоту души, стремление к добру и миру, мудрость, великий гуманизм и чувство мирового братства. Недаром Рабиндранат Тагор, как истинный индеец, считал себя гражданином всего мира.

Носителем чудесных душевных качеств и подлинной человеческой красоты в Индии является ее трудовой народ.

Вот эту-то драгоценность сумел увидеть и полюбил художник Семен Чуйков уже в свой первый визит в страну в 1952 году.

«Вот Индия, не экзотическая и не этнографическая, народная Индия! — восклицает он. — Здесь живые люди, труженики Индии, образы реальные и высокопоэтические. Здесь сама душа Индии». И какой прекрасный отклик своему чувству он находит в потрясшем его описании талантливым Кришаном Чандром молодой пары новобрачных из бедной крестьянской семьи — «двух прекрасных цветков земли!»

Неожиданно для себя художник с первых же шагов нашел в Индии нечто общее с родной Средней Азией прошлых времен.

«Головокружительный этот калейдоскоп сказочно пестрой толпы восточной улицы под глубоким черно-бархатным небом, с крупными яркими звездами при всей своей почти фантастической красоте был мне опять-таки странно знаком. Где же я видел подобную картину? В Ташкенте и Самарканде в 1920-х годах... Образы Востока, яркие и пряные, как аромат розы, взволновавшие меня когда-то, воскресли в этот час на улицах Бомбея... И я был рад, что в первый же день пребывания на индийской земле напал на эту связь, нашел то общее, что приближает меня к Индии, роднит с нею. Это должно было стать ключом, который поможет правильно увидеть и понять Индию».

Художественный замысел у Чуйкова был всегда глубок: найти и выразить сокровенные душевные качества и переживания людей из народных масс.

Проницательным взором взыскательного исследователя он увидел в статных фигурах простых индийских женщин, в их осанке, в свободных, полных сдержанного достоинства движениях, в том вкусе, с каким они драпируются в свои сари, некий отзвук античности и восхитился этой красотой, донесенной до нас из глубины веков. «Сколько их, ослепительно красивых мужчин и жен-

щин, пластичных, как античные скульптуры, проходило мимо!..» И потому с таким увлечением читается эта книга и мною — индологом, много раз бывавшим в Индии, ибо владеющий «глазом карандаша» видит больше и острее!

Киргизия и Индия — два цикла творчества художника, во многом родственные друг другу. Он открыл в этой новой для него стране то же, что привлекало его и вдохновляло на родине — красоту трудового народа и природы с ее девственными горами и бескрайними просторами равнины.

Глядя на Гималаи, художник вспоминает Тянь-Шань. Величайшие в мире горы, увиденные им из Дарджилинга, ассоциируются у него с величием духа индийского народа, и он вдохновенно, со страстной горячностью воплощает новые образы в своих полотнах. А такая ассоциация глубоко оправдана самим индийским народом в поговорке: «Кто не видел Гималаев, тот не знает Индии!» В этой великой азиатской стране художник находит печальные пережитки колониализма, угнетавшего народ, и прежде всего бедность трудящихся. Но видит и достижения, результат недавнего освобождения страны, когда ее народ воспрянул к новой жизни. И с каждой поездкой контуры новой Индии вырисовывались все четче и шире.

Символом этого пути к лучшему будущему является выразительно обобщенный образ: женщина с детьми и с ношей на голове, идущая по знойной дороге. По этюдам на эту тему потом была создана впечатляющей силы картина «В пути».

Да, Киргизия пришла, а Индия в пути, она твердо идет трудной дорогой к светлому будущему. И теперь в Индии всюду встречается смешение нового, быстро вторгающегося в жизнь, и отголоски седой древности. И это так типично для Индии: автомобили среди упряжек зебу и верблюдов, храмы священных обезьян в Бхилаи, печальные вдовьи дома и жизнерадостные, жаждущие знаний студенты — всюду контрасты.

Все это Чуйков тонко подмечает и красочно описывает в своей книге «Образы Индии», изданной впервые в 1956 году, расширенной и углубленной в настоящем издании.

Но рисует он лишь то, что близко и дорого его сердцу, и в избранные им образы Индии вкладывает всю свою глубокую нежность к индийскому народу и свой талант со свойственной ему красочностью и благородной простотой.

Вот поэтому, когда индийские люди увидели у себя одну из выставок картин С. Чуйкова, они отзывались о ней с восхищением. «Можно почувствовать биение доброго и сострадающего сердца». «Это действительно праздник для глаз и для души, долгожданный

праздник, пришедший сюда, как летний дождь после засухи, после долгого периода абстрактного искусства. Эти поэмы в цвете — лучшие культурные послы между Индией и СССР».

«Мои поздравления и пожелания дальнейших успехов. Пусть бог благословит Вас».

«С. Чуйков первый художник из иностранцев, который изобразил наших простых людей в их истинном свете, не совершая несправедливости к изображаемым темам».

И все это понятно, ибо индийская общественность увидела не поверхностные зарисовки, не экзотику, всегда привлекающую европейских туристов и художников, но раскрытую перед нею душу народа, раскрытую чужеземцем, но истинным братом, понимающим и сочувствующим простому человеку, оценившим его духовную и физическую красоту.

Действительно, доходчивость и убедительность созданных художником образов Индии велики, в этом сила реалистического искусства Чуйкова. Это подтверждает реакция и советского зрителя на его произведения, такая же восторженная, как и в Индии.

«Дорогой Семен Афанасьевич, сегодня Вы подарили мне счастливые минуты побыть среди милых моему сердцу тружеников Индии, воспетых Вами со всей силой большого художника. Ваше жизнеутверждающее искусство нашло широкое признание в нашей стране и за рубежом».

«С огромным наслаждением посмотрела выставку С. Чуйкова. Знала раньше его индийские сюжеты. Тогда потрясли его вещи: «Черная мадонна», «Песня кули», «Набережная в Бомбее вечером». И сейчас, как к старым знакомым, пришла и с радостью заметила: нет, очарование не ушло».

Ценность такого искусства, таких выставок еще и в другом: мало кто до сих пор силою своей кисти не перекинул такой мостик дружбы и взаимопонимания между двумя великими народами, как Чуйков, более чем заслуживший звание лауреата премии имени Джавахарлала Неру.

И художник продолжает работать, верный своей теме Индии, как и Киргизии. В каждую новую поездку, как и дома, он продолжает углублять свои познания страны. Вот уже более двадцати лет снова и снова он возвращается к теме Индии. Да он никогда и не покидал ее, у него все время рождаются новые замыслы сюжетов на основе богатого материала, этюдов.

Глядя на картины Чуйкова с такими простыми сюжетами, как «Подметальщица из Джайпура», «Молодой кули», «В пути» и другие, трудно представить себе, какой сложный и напряженный труд прodelывал художник, начиная с замысла и поисков натуры,

создания этюдов и кончая воплощением основной идеи. Сколько разнообразных трудностей приходилось преодолевать в процессе работы донельзя требовательному к себе художнику, которому нередко какая-нибудь черта или деталь вдруг оказывалась неподходящей: она была «не то».

Зато иногда попадался такой типаж, что художником овладевал подлинный экстаз: «...я так был захвачен, так волновался, что ничего не помню, как будто во время работы был без сознания...» Этюд мог быть закончен за полтора часа. Но творческий акт мог длиться не один год, замысел разрастался: так, картина «Песня кули» превратилась в триптих «О простых людях Индии», вынашивание картины «В пути» заняло два года.

Нечего и говорить, что раскрытие тайны личного творческого процесса исключительно интересно для читателя и полезно для начинающих художников, оно чрезвычайно обогащает и зрителя картин, заставляя смотреть на них по-иному, понять и оценить их лучше и глубже.

Чтобы так воспеть красоту трудового народа Индии, мало одного художественного таланта, как недостаточно было посещать страну, чтобы написать эту книгу, нужна была еще истинная, не сентиментальная любовь к человеку, которого Чуйков и считает самым большим чудом Индии, тот самый «простой» народ, который не замечают европейские туристы и художники!

Помимо показа человека труда — главного сюжета картин и содержания книги, автор описывает многие стороны жизни и природы страны, великие творения древней архитектуры и скульптуры Индии. Художник задумчиво повествует, как его очаровали высочайшие вершины «Обитатели снегов», трудноуловимые жемчужные и перламутровые переливы красок под палящим солнцем, полные страсти и очарования танцевально-музыкальные представления любителей этого искусства, а такими любителями в Индии оказываются все. Описывает он и дружеские встречи с местными художниками и деятелями искусства — талантливыми и обаятельными людьми. Диапазон его впечатлений чрезвычайно широк и выражен емким ясным языком, порой с подлинным вдохновением.

В пещерном храме Элефанты «высился колоссальный бюст прекрасного трехликого существа. Нечеловеческой силой, царственным величием и покоем дышало это изваяние». Барельефы, «сгруппированные в живые и динамичные сцены, и отдельные статуи, полные величавой загадочной красоты, высечены рукою гения. Одни из них стоят в покойных и изящных позах по сторонам какого-нибудь входа, как бы охраняя его, другие как буд-

то стремительно уносятся в вихре ритуального танца, третьи будто сосредоточенно и проникновенно размышляют о чем-то. Гранит на глазах превращается в живое теплое тело и как будто отделяется и отходит от стен храма».

Когда художник возвращался с танцевального спектакля, он «испытывал такое чувство, будто побывал в утреннем саду, полном расцветающих роз,— такой свежестью, чистотой, любовью к искусству веяло от молодых энтузиастов».

Вся книга наполнена живыми, яркими впечатлениями о многообразной жизни Индии, описанной с проникновенным вниманием и любовью.

Об этой книге хотелось бы многое сказать, и тем более о Чуйкове как о художнике. Он — наша национальная гордость.

Художественная деятельность С. А. Чуйкова укрепляет дружбу народов Советского Союза и Индии. Этому служит не только живопись — дело его жизни, но и эта прекрасная книга, неотделимая от его замечательных картин из современной индийской действительности.

Доктор искусствоведения,
лауреат премии имени Джавахарлала Неру

С. ТЮЛЯЕВ

ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА
В ИНДИЮ

1952 год

ЕСЛИ ЕСТЬ НА ЗЕМЛЕ СТРАНА,
ГДЕ НАШЛИ МЕСТО ВСЕ МЕЧТЫ ЛЮДЕЙ
С ТОГО ДНЯ, КОГДА ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК
НАЧАЛ СНОВИДЕНИЕ ЖИЗНИ,— ЭТО
ИНДИЯ.

Ромэн Роллан

ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ

Когда мне сказали, что я включен в состав делегации для поездки в Индию с выставкой советского изобразительного искусства, я был сильно озадачен. Я ответил, что боюсь, позволят ли мне сердце предпринять такое путешествие, и к этому добавил, что Индия меня как художника вовсе не интересует...

— Как? — удивленно воскликнул товарищ. — Да ведь вы всю жизнь Восток изображаете, а тут чего уж лучше? Сплошная экзотика!

— Вот именно, экзотика, — возражал я. — К сожалению, я тоже представляю себе Индию как нечто экзотическое, а экзотика никогда меня не привлекала. И Восток в моих работах, согласитесь, вовсе не экзотический Восток.

В отношении жары меня успокаивали тем, что выехать мы должны в декабре и пробыть в Индии декабрь, январь и февраль, то есть самые прохладные месяцы, когда температура воздуха там не превышает 25—30 градусов. Однако отъезд задержался, и эти прохладные месяцы незаметно проходили. Зато я имел достаточно времени на размышления.

Что может дать мне как художнику поездка в Индию? Чем больше я размышлял об этом, тем больше убеждался в том, что ничего она мне дать не может. Почему? Да очень просто: произведения подлинного искусства рождаются ведь тогда, когда художник в изображаемом видит не одну внешнюю оболочку, не только самый факт, а нечто большее, видит внутренний смысл, «душу» данного явления. А это может быть в том случае, если художнику изображаемое им (будь то вид природы, человек, бытовая сцена) хорошо

известно. Мало сказать «известно» — если оно для него родное, близкое и дорогое. Стасов так об этом сказал: «Что может удасться художнику? Только то, что ему бог знает как близко и твердо знакомо, *что претворилось в его плоть и кровь*».

Только в таком случае художник видит в явлении больше, чем другой человек, и, выразив в своем произведении это увиденное и прочувствованное, он открывает тем самым что-то новое в нем. Работа художника тогда лишь и является произведением подлинного искусства, когда она открывает зрителю какую-либо новую сторону или черту в давно известном и знакомом. Тогда мы говорим, что тут не просто срисовано с натуры то-то и то-то, а создан впечатляющий образ.

А что можно открыть нового, какой внутренний смысл можно обнаружить в явлении, которое художник сам-то видит впервые, которое художнику меньше известно, знакомо и понятно, чем нехудожнику, живущему рядом с этим явлением и видящему его ежедневно? Как можно создать углубленный и проникновенный художественный образ из материала, который для художника не только не родной и не близкий, а, наоборот, «экзотический», то есть непонятный, удивительный?

Но если для меня пальма в пустыне — экзотика, то для африканца она не представляет собою ничего экзотического, и наоборот: елка на снегу будет для него экзотикой. И как трудно представить себе африканца, воспевающего в живописи, поэзии или музыке русскую зиму, так же трудно представить себе и русского художника, воспевающего пески Сахары или индий-

ские джунгли. Следовательно, если европейцы называли экзотическими страны Востока потому, что они для них непонятны и удивительны, то на том же основании люди Востока могут называть экзотическими страны Европы и всего Запада. И таковыми они для них и являются до тех пор, пока они не сживутся, не сроднятся со всем европейским. Точно так же и европеец может сжиться и сродниться с Востоком, и тогда уже он для него перестанет быть экзотическим. Вот с этого момента, и не раньше, он может надеяться создать настоящее произведение искусства на материале Востока. «Лишь после того, как длительная привычка устранил удивление, сможет зародиться симпатия», — замечает Стендаль. И правильно. Когда художник говорит: «Это экзотично», нужно посоветовать ему не писать этого, так как работа его выйдет если не банальной и пошлой (что чаще всего бывает), то, во всяком случае, поверхностной.

Но не только экзотический материал так коварен для художника. Все то, что не претворилось в плоть и кровь художника, все, что не до конца близко, знакомо и дорого, не может послужить материалом к созданию подлинного, правдивого и волнующего произведения искусства. По этой причине даже такие художники, как Левитан и Шишкин, создавшие на темы родной им русской природы бессмертные полотна, не создали такие же шедевры на темы альпийской или итальянской природы. Может быть, работы их, писанные там, и хороши, но в истории искусства они не занимают заметного места, а большинство их даже малоизвестно.

Пример Александра Иванова, создавшего потрясающие пейзажи Италии, не опровергает, а, наоборот, подтверждает сказанное, так как великий русский художник жил в Италии и изо дня в день изучал ее природу в течение двадцати восьми лет, то есть почти всю свою сознательную жизнь. Природу Италии (в особенности окрестности Рима), с которой он сжился, Иванов понимал так глубоко, как вряд ли кто из итальянских художников ее понимал. И потому он мог создать не поверхностные, географически-описательные наглядные пособия и не «экзотические» картины, а реалистические, проникновенно-правдивые и поэтические произведения о природе Италии. Я всегда считал, что художник лучше всего может воспеть то, что ему знакомо с детства, что окружало его в молодые годы и что породило в молодой душе те восторги, которые живут в человеке, пока живет он сам. Поэтому для себя я считал правильным оставаться верным киргизским мотивам и мотивам киргизской природы, среди которых вырос.

В детстве и юности я не видел средне-русской природы и, в частности, леса. Поэтому красота и поэзия лесной жизни мне непонятны. Вот уже более пятидесяти лет я живу в Москве. За этот срок я сжился с нею и полюбил ее. Жизнь большого города перестала для меня быть чем-то непривычным и странным, как это было первое время, а стала родной средой. Природа же среднерусская, которую я вижу мало (так как зимой живу в Москве, а на лето обычно уезжаю в Киргизию), осталась непривычной и непонятной. Меня до сих пор тянет в степь и в

горы. Находясь в лесу, я испытываю чувство тесноты и как будто духоты и всякий раз чувствую облегчение, выходя на опушку леса или хотя бы на поляну. Часто тот или иной мотив русской природы напоминает моей русской душе о чем-то трогательном, родном и поэтическом. Но когда я делал попытки передать эти чувства живописным языком, я вспоминал образы, уже созданные Левитаном, Куинджи, Шишкиным. И это вполне понятно; по их картинам (вернее, репродукциям с их картин) я узнал русскую природу раньше, чем увидел самую эту природу. Именно поэтому я не мог увидеть *по-своему* ни лес, ни луга, ни березки, а видел их только через картины Шишкина, Левитана, Куинджи и других художников, а не видя мир по-своему, нельзя создать произведение искусства.

Другое дело среднеазиатские горы или степь. Тут природа сама наполняет меня неповторимым чувством красоты, величия и гармонии. Тающая вдали горная цепь так мне с детства знакома, так дорога, близка и понятна, я так хорошо знаю и «чувствую» те законы, по которым она каждый час меняется, что, конечно, о ней, о ее жизни, о ее «душе» я могу больше, лучше и интереснее рассказать, чем, например, о пальме, о море и даже о березке.

Наоборот, тот, кто вырос в средней полосе России, попав к нам в Азию, долго не может свыкнуться с ее природой и никогда не перестанет тосковать по русским лесам и лугам.

Впечатления детства и юности — самые свежие, самые яркие и долговечные. Они никогда не стираются и не увядают и в творчестве художника (лю-

бого вида искусства) всегда играют определяющую роль.

А как я представлял себе Индию? Так же, как все, не видевшие ее, а составившие себе о ней представление по учебникам географии, литературе и т. п. Слоны, обезьяны, пальмы, джунгли, темные полуголые люди с неопределенными, бесформенными повязками на бедрах и в тюрбанах тоже неопределенной формы.

К этому представлению присоединилась банальная картина, возникшая из плохих «экзотических» фильмов и случайных халтурных иллюстраций: беломраморные, сказочно ажурные дворцы фантастической «восточной» архитектуры с обязательными пальмами на фоне обязательного темно-синего, ультрамаринового неба...

Эта сусальная и фальшивая картина так навязала в зубах, что как ни стараешься, никак не можешь выбросить ее из головы.

Я знал кое-что об Индии и ее истории, об эпохе высокого расцвета культуры индийского народа, а также о его недавнем колониальном прошлом и освободительной борьбе. Я был уверен, что ни природа, ни живые люди Индии, их жизнь и быт нисколько не похожи на те экзотические картинки, которыми наводнены все страны мира, но правильного зрительного представления обо всем этом не мог себе составить, мешали эти штампы.

Так как по изложенным причинам я — противник всякой экзотики, а реальную Индию представить себе тогда не мог, не имел для этого материала, то, естественно, я был убежден, что Индия меня как художника заинтересовать не может.

Правда, для художника-туриста, не могущего проникнуть в дух новой для него страны, а наблюдающего ее жизнь со стороны, возможна еще одна точка зрения — этнографическая. Когда художник по натуре своей не склонен увлекаться экзотикой романтической и делать ее содержанием своих работ, он чаще всего подходит к жизни данной страны этнографически. При таком подходе художник изучает и объективно, документально отображает быт, обычаи, костюмы, типы, то есть всю внешнюю сторону жизни страны и народа, не претендуя на создание художественного образа. Зритель воспринимает такие работы тоже, конечно, как экзотику, но экзотику «научную», «этнографическую экзотику». Работы такого рода, будучи выполнены добросовестно или даже талантливо, часто имеют большую или меньшую познавательную ценность и могут служить наглядным пособием при изучении страны, но волновать зрителя, внушать ему какие-либо идеи они не могут и потому не являются произведениями подлинного искусства (тогда как произведения подлинного и большого искусства могут служить и служат наилучшими наглядными пособиями, хотя художник, создавая их, и не ставит себе такой задачи).

Насмотревшись на этнографические картины из жизни стран Востока, я к ним тоже не чувствую ни склонности, ни симпатии, так как заметил, что они дают понятие о действительности такое же, как ореховая скорлупа об орехе. Поэтому после двухмесячных размышлений я пришел к твердой уверенности, что как художник в Индии ничего не сделаю, и если решил все-та-

ки не отказываться от поездки, то только потому, что самый факт включения меня в состав делегации был в моих глазах настолько значительным и обязывающим, что хотелось сделать все для оправдания этого доверия.

Я решил ехать, хотя было уже ясно, что поедем мы не на прохладное, а на жаркое время года (март, апрель, май).

Не рассчитывая на творческую работу, я утешал себя тем, что все же эти три

с половиной (а с дорогой и все четыре) месяца не пропадут для меня даром: многое придется увидеть, во многих местах побывать, многое узнать.

По этой же причине я решил не брать из своего рабочего инвентаря ничего, кроме маленького дорожного ящичка с красками, одевающегося на большой палец, — «напальника», как мы его называем. Не взял ни стульчика, ни зонтика, а только самое необходимое, на всякий случай.

МОСКВА — БУДАПЕШТ — ВЕНА — РИМ

В ночь с 6 на 7 февраля 1952 года мы вчетвером (два художника, искусствовед и секретарь делегации) выехали поездом через Киев и Львов на Будапешт — Вену — Рим. Из Рима наш путь лежал по воздуху через Каир и Бомбей в Дели. Директор нашей выставки с экспонатами отправился морем несколько раньше. Волнений было много: как-никак, уезжали на три-четыре месяца и... куда же? В Индию...

Бескрайние просторы Украины, покрытые снегом, Киев, Львов, Карпаты. Заснеженные косматые великаны, у подножия которых красиво расположились домики с мирными дымками из труб. Проводники говорят, что летом ехать по этим местам одно наслаждение, так как «воздух очень ароматный». На станции Чоп пересели в поезд Чоп—Вена, и, как только он тронулся, мы почувствовали, что покинули пределы Родины... Вокруг непонятная венгерская речь, в окне не похожий на наш пейзаж с отдельными домиками-фермами и прилегающими к ним небольшими полосками полей, начинающих освобождаться от снега.

В Будапешт мы прибыли в полночь и стояли там больше двух часов. За это время мы погуляли по привокзальной площади. Как здание вокзала, старое, массивное, строгой архитектуры, так и площадь и прилегающие к ней улицы носили какую-то неуловимую печать своего особого стиля, духа, колорита, присущего каждому городу. Этот дух и этот колорит, без сомнения, были уже западные.

Булыжная мостовая и асфальтированные тротуары; трамвай, делая круг повизгивает, пешеходы спешат домой все как будто так же, как у нас в Мос-

кве, но нет, общий характер, стиль неповторимо своеобразный, и мы явственно чувствуем, что находимся за границей. Для меня это ново, так как раньше я за границей не бывал.

* * *

В Вене мы остановились в «Гранд отеле», занятом нашими советскими служащими, и так как до отхода поезда на Рим было еще почти двое суток, стали знакомиться с городом.

Несмотря на мое сильное предубеждение, в силу которого я всегда удивлялся, когда слышал отзывы о Вене как о «красивейшем» городе, должен признаться, что действительно Вена не может не понравиться. Она почему-то напомнила мне южные города. Впоследствии я даже находил в ней что-то общее с Римом. Замечательно в Вене гармоническое сочетание растительности с архитектурой. Много хороших, вполне художественных монументов, со вкусом и тактом размещенных в архитектурных ансамблях. Много красивых уголков, обжитых, благоустроенных и уютных.

Здание музея искусств, к которому мы прежде всего направились, входит в грандиозный дворцовый ансамбль и производит внушительное впечатление. К сожалению, лучших вещей в это время в музее не было. На мой вопрос о том, где же работы Веласкеса и Тициана, служащий сказал, что они на выставке в Америке.

Очень было досадно не увидеть знаменитых инфант Веласкеса. Из того, что в музее оставалось, наибольший интерес представляли два автопортрета Рембрандта, несколько прекрасных ра-

бот Питера Брейгеля и несколько маленьких мадонн Рафаэля.

У здания оперы (еще не восстановленного после войны) мы видели оркестр престарелых музыкантов. На перекрестке двух улиц стояли убеленные сединами, с благообразными и невеселыми лицами старые музыканты и играли Штрауса, а какая-то встрепанная женщина крикливо убеждала в чем-то прохожих и раздавала им листовки. Но не нужно было ни чтения листовок, ни знания языка, чтобы с первого взгляда понять, в чем смысл этой печальной сцены: женщина просила жертвовать в пользу безработных музыкантов, выгнанных нуждой на улицу.

Улицы ночной Вены очень красивы. Движутся, мигают и трепещут многоцветные огни реклам, снуют оживленная масса пешеходов, сверкают витрины магазинов. Кстати, довольно часто в магазинах встречаются продавцы и продавщицы, которые говорят на русском языке.

Весь следующий день мы бродили по Вене, открывая все новые красивые и своеобразные уголки.

Поздно вечером мы подкатили к вокзалу. Перед нами, как из земли, выросли два дюжих, степенных австрийца и, ни слова не говоря, начали выгружать наши чемоданы из машины в свою тележку, а мы пошли на перрон. Подойдя к своему вагону, мы увидели наших носильщиков: один из них хозяйничал уже в нашем купе, другой окно подавал ему чемоданы. Через несколько минут поезд тронулся на Рим. Поезд шел с большой скоростью, а на станциях стоял не больше одной-двух минут, и вскоре мы въехали в Альпы. Спутники мои спали, а я еще долго

сидел, записывая в дневнике впечатления этого дня и время от времени, погасив в купе свет, смотрел в окно на зимний альпийский пейзаж. Ночь была лунная, светлая, сильно заснеженные горы были голубыми. Густые темные пятна хвойного леса чередовались со светлыми пятнами снега. По временам мелькали золотистые огоньки селений. Склоны Альп начинаются так близко от Вены, что, говорят, венцы в воскресенье на машинах ездят в Альпы кататься на лыжах.

Когда я часа в два ночи укладывался спать, поезд все еще шел на подъем, но я был уверен, что завтра утром мы проснемся по ту сторону Альп уже в Италии. Однако, проснувшись рано утром, я убедился, что мы по-прежнему едем по Альпам, только уже не поднимаемся, а спускаемся с гор. Поезд несся с огромной скоростью по извилистой колее, и вагон немилосердно швыряло из стороны в сторону.

При дневном свете еще интереснее было смотреть на Альпы. Хвойные леса густой щетиной покрывают горы. То и дело близко от линии проносились мимо нас аккуратные домики с метровым слоем снега на крышах и трубах, похожего на белые пуховые шапки. Домики эти напоминали мне старинные рождественские открытки и елочные игрушки.

Вот незамерзшая горная речка с прозрачной, как хрусталь, водой. По виду своему эта речка, струящаяся по камням, очень похожа на горные речки Киргизии, только какая-то она более «ручная», более домашняя.

Оказалось, что ночью мы на какой-то станции простояли два часа, так как впереди нас произошло крушение по-

езда. Зима в Альпах была слишком обильна снегом, и частые обвалы и заносы увеличили число крушений.

Бешеный спуск по спирали продолжался много часов, и только к полудню горы стали расступаться, равнина все больше расширялась, и снег стал попадаться все реже и реже. Наконец, он исчез вовсе, и я понял, мы ехали по Северной Италии, где была уже ранняя весна. Проехали станцию Удине. Листья на деревьях еще не распустились, только ветви их были как будто окутаны легкой зеленоватой дымкой. Зато весенняя травка на сырой земле была видна уже совсем определенно. Люди работали на виноградниках. Занятный вид имеют виноградники. Похоже, что они одновременно выполняют и роль изгороди, отделяющей один приусадебный участок от другого. Лишенные пока еще листы, виноградные кусты напоминали своим видом ребят, взявших за руки и образовавших таким образом цепочку хоровода. Прямоугольники земли, обрамленные этими виноградными «цепочками», как правило, очень малы и тщательно возделаны. На многих из них стояли копны кукурузных стеблей.

День был пасмурный и сырой, но по весеннему теплый. Сочные плоские дали с отдельно возвышающимися холмами, увенчанными старинными замками с острыми черепичными кровлями и высокими башнями, напомнили мне те ландшафты, на фоне которых мы привыкли видеть рафаэлевских мадонн. По одну сторону еще была видна далекая и легкая полоска гор, по другую их уже не было видно.

Поезд несся, «как угорелый», и в нашем окне то были видны дальние пла-

ны североитальянского пейзажа, то близко, у самой линии мелькали дома с черепичными кровлями, зелеными жалюзи на окнах, беседками, балконами и сохнущим бельем, неизменным украшением чуть ли не каждого дома. Виноградники, виноградники, отдельные домики, группы домиков. И всюду развеивается, сушится белье. Почему-то, как только мы попали на территорию Италии, всюду стало бросаться в глаза это сохнущее белье.

Несмотря на пасмурную погоду, на улице ходят без пальто. Видимо, не меньше 10 градусов тепла. На платформах и на путях станций воробы расклеивают апельсиновые корки.

Проехали станцию Местре, скоро Венеция.

Эпоха Древней Греции и Древнего Рима, а также эпоха Возрождения в Италии занимают такое исключительное место во всеобщей истории и особенно в истории искусства, что всякий художник еще со школьной скамьи знает и глубоко чтит имена великих греков — Фидия, Мирона, Скопаса, Праксителя, а также славных сынов итальянского народа — Леонардо, Микеланджело, Рафаэля, Тициана и других, возродивших высокие традиции античности после многовекового упадка.

Художники всех стран, изучая их жизнь и творчество в художественных школах, проходят как бы некий профессиональный минимум. Изучение это продолжается в течение всей жизни художника, и в каждом возрасте он находит в них новое для себя. И хотя произведения древних, как и произведения мастеров Возрождения, находят не только в Италии, а рассеяны теперь по всему свету, все же у нас,

художников, слова: «Италия», «Рим», «Флоренция», «Венеция» ассоциируются прежде всего с именами великих художников и их бессмертными произведениями.

Поэтому, когда в вагоне стали говорить: «Скоро Венеция», то мне в этом послышалось как будто: скоро Тициан, Веронезе и Тинторетто. А когда говорили: «Рим, Ватикан», я думал о Рафаэле и Микеланджело.

Через море по дамбе, мимо паромов и лодок наш поезд прибывает на станцию Венеция. «Вот уж теперь, — думаю, — я окончательно почувствую, что нахожусь в Италии...»

Но не тут-то было! Вокзал в Венеции новый и в точности похож на все другие, виденные нами на территории Италии. Все эти станции и вокзалы от самой границы построены, как видно, в одно время и чуть ли не по одному проекту какого-то архитектора-конструктивиста и похожи на картонные или фанерные макеты, окрашенные в один и тот же голубовато-белый цвет. Еще на предыдущих станциях неприятно поражали эти стандартные здания, так как хотелось видеть своеобразие, индивидуальный характер станций, соответствующий данной местности. Ну, а уж для Венеции такая постройка казалась прямым оскорблением. Кроме вокзала, с перрона ничего не было видно, а пойти в город мы не решились, не зная точно время отправления поезда, так как слышали, что он вышел из графика.

Но вот и Венеция осталась позади. Из-за крушения, бывшего впереди и задержавшего нас в Альпах, от Венеции наш маршрут изменился, и потому в Рим мы должны были прибыть не ве-

чером, как полагалось по расписанию, а только утром следующего дня. Таким образом, почти весь путь от Венеции до Рима приходилось проделывать ночью. Это было очень досадно, так как я надеялся из окна увидеть много интересного на этом пути.

Падуя. Опять та же станция, тот же макет. Те же крытые платформы, те же бело-голубые стены и та же реклама «Pasta Agnessi» и «Chlorodont». Все то же, что и на всех станциях. Мы решили погулять по перрону в надежде увидеть что-нибудь другое и лучше «почувствовать Италию».

На платформах станции почему-то были навалены доски, кирпич, строительный мусор. Не успели мы как следует оглядеться, как поезд наш бесшумно тронулся, и мы чуть было не отстали от него.

Вечерело. Мы ехали по долине реки По, совсем недавно пострадавшей от жестокого наводнения.

Взошла луна, и мы, погасив свет в своем купе, могли наблюдать в окно следы стихийного бедствия. Проводник-австриец, видя нашу заинтересованность, начал быстро и возбужденно рассказывать нам о наводнении, но, почувствовав, что мы не понимаем по-немецки, решил испробовать итальянский и стал твердить «аква, аква, аква» и, показывая рукой выше своей головы, добавлял «капут, капут».

При скупом свете луны, пробившемся сквозь облака, мимо нас проходили, как призраки, полуразрушенные, брошенные дома без кровель, сломанные или прижатые к земле и занесенные илом деревья, поблескивающие лужи и даже целые болотца воды, оставшейся от наводнения, и другие следы бедствия.

В зияющих окнах домов ни одного огонька, все они покинуты людьми, вокруг домов ни пристроек, ни оград, ни виноградников — все снесено. Пустыня и молчание. Один только раз где-то далеко залаяла собака, и снова ни звука. Зловещая картина.

Незадолго до нашего отъезда из Москвы в газетах сообщалось о том, что советский пароход «Тимирязев» прибыл в Геную с продовольствием для населения, пострадавшего от катастрофы.

Вот теперь, когда передо мной была эта затопленная область, изуродованная, истерзанная земля, когда я увидел не стандартные безликие вокзалы станций и рекламу «Chlorodont», а ил, лужи, обломки и руины, почему-то реальной стала для меня страна, по которой я ехал.

Река По вошла уже в берега, но все еще была мутна и выглядела слишком напряженно полноводной. Она произвела на меня внушительное впечатление, когда мы переезжали ее близ Феррары. Было уже очень поздно. После Феррары я лег, но долго не мог заснуть и не раз еще выглядывал в окно и всматривался в смутную белесую ночь, слабо освещенную луной, стараясь узнать родину великих Рафаэля и Тициана.

В воображении моем проходили чередуясь, то их картины и эпизоды их биографий, то описания Рима и солнечного Неаполя, читанные не раз, то работы Александра Иванова, запечатлевшие окрестности этих городов, то мелодии неаполитанских песен...

Когда я проснулся, поезд наш с грохотом несся уже по окрестностям «Вечного города», и товарищи мои укладывали вещи. Я кинулся было к окну, но смотреть было некогда, нужно было собираться.

Поезд прибыл не по расписанию, и нас никто не встретил (встречали накануне вечером). Тем не менее, через каких-нибудь двадцать минут мы уже были в советском посольстве, откуда нас повезли в пансионат «Примарозе» на улице Монтебелло.

Билеты на самолет Рим — Бомбей нам были заказаны на 14 февраля. Следовательно, в Риме нам предстояло прожить два дня, и мы решили использовать их для осмотра музеев.

И вот, оставив вещи в пансионате, мы идем по улице Рима. Моросит мелкий теплый весенний дождичек, и сквозь его прозрачную сетку мы рассматриваем римские улицы, где современные дома чередуются с палаццо Ренессанса и даже кусками древнего Рима, сохраняемыми как экспонаты исполинского музея.

Статуи, фонтаны и памятники, гармонически сочетающиеся с архитектурой, чуть ли не в каждом квартале. В то же время улицы не отличались чистотой: тут и там виднелись то обрывки бумаги, то размокшая пачка от сигарет.

Меня поразило удивительное ощущение, что я не впервые приехал в Рим, а будто бывал здесь, и не один раз, и теперь только возвратился сюда после отлучки. Все, начиная от архитектурных ансамблей и кончая атмосферой и картинами уличной жизни, так хорошо знакомо, что я, как говорится, рот рас-

крыл от изумления. И эта древняя, полуразрушенная стена, поросшая мхом и тем не менее странно гармонирующая с автомашинами и трамваями, и эти чернополые и круглоголовые монахи францисканцы, доминиканцы и бенедиктинцы, группами и в одиночку, словно черные жуки, вкрапленные в уличную толпу, и купол собора св. Петра, видный отовсюду, где бы ты ни находился, и фруктовые ларьки на каждом углу — все это как будто видано было много раз когда-то. Но где? Когда? Мы посмотрели Сикстинскую капеллу и собор св. Петра, Капитолийский музей и музеи Ватикана, кафе «Греко» и площадь Испании, микеланджеловского «Моисея» в церкви Сан Пьетро ин Винколи и галереей Боргезе, Форум и Колизей, улицы, фонтаны и площади Рима и, наконец, выставку произведений современных художников Италии. С раннего утра и до ночи бродили мы по городу-музею и возвращались к себе в «Примарозе» еле живые.

Но вот кончилось наше краткое пребывание в Италии, мы входим в огромный четырехмоторный самолет «Эйр Индия Интернейшенл», через несколько минут поднимаемся в воздух и летим по маршруту Каир — Бомбей — Дели.

*Из дневника 14 февраля
Самолет Рим — Бомбей*

Италия осталась позади. Два дня, прожитые в Риме, были как во сне. Сейчас все пассажиры поужинали и уже спят в откидных креслах, укрывшись легонькими одеяльцами, только я, верный своей привычке, сижу под лампочкой, которую стюардесса любезно оставила непогашенной, и пишу.

Так как в час 30 минут ночи мы должны быть в Каире, то до Каира я решил не спать. Летим хорошо, качки нет. Пассажиры все европейцы, говор в основном английский. Стюардессы, милостивые девушки в европейских костюмах, но явно восточного происхождения (какой национальности, я сначала не мог определить), очень внимательны, заботливы, любезны. Поминутно они проходят мимо и что-нибудь предлагают: то прохладительные напитки, то конфеты, то вино. За ужином мой сосед несколько раз спрашивал коньяк, и с каждым разом голос его звучал увереннее и веселее... Сейчас он храпит вовсю.

...Только что покинули Каир и снова в воздухе. Теперь нам лететь без посадки не то одиннадцать, не то двенадцать часов. В Каире мы отдыхали часа полтора. Всех нас попросили выйти из самолета и повели в ресторан. При входе в ресторан отобрали паспорта для проверки виз, и мы расселись за

столики, а официанты-арабы (те самые, которые столько раз были описаны нашими делегациями, ездившими в Индию по этому же маршруту) подавали нам кофе с бутербродами.

Эти египтяне-официанты, первые представители Востока, встреченные нами, произвели на меня большое впечатление. Темно-шоколадного цвета лица с ослепительно-белыми зубами и черными глазами, статные фигуры в длинных белых бурнуссах и красных фесках были очень ярки и красивы. Они бесшумно, незаметно делали свое дело и как будто не занимали собою места в пространстве.

При входе в ресторан обязательный ларек с сувенирами: ювелирные изделия, резьба, игрушки, открытки и т. д. Цены бешеные. Купил несколько открыток с видами Каира и его окрестностей — пирамиды (которых мы не увидели, так как пролетели над ними темной ночью) и пр. Летим в Бомбей.

ИНДИЯ

Утром я проснулся от шума голосов. Перед каждым пассажиром установлен поднос с едой, и все с аппетитом завтракают, громко переговариваясь. Выглянув в окно, я увидел, что и под нами и над нами одна и та же бледно-голубая бездна. Ни земли, ни воды, ни облаков или туч, ничего определенного — один воздух. Видимо, мы над океаном. Летим на большой высоте.

— Часа через три будем в Бомбее, — говорят мои товарищи.

Покончив с завтраком, я по примеру других стал перелистывать иллюстрированные журналы. Проходит час, другой, и вот на двери пилотской кабины вспыхивает красная надпись: «Не курить», стюардесса проходит по рядам, указывая, что нужно застегнуть ремень. Самолет начинает снижаться.

«Через несколько минут мы будем в Бомбее, в Индии... Какова-то она, — с волнением думал я, — как-то она нас встретит? Не слишком ли жестокой будет жара?»

Выйдя из самолета, мы, казалось, окунулись в раскаленные волны воздуха. От земли, как от печки, отдавало жаром, и в первые же минуты мы взмокли в своих зимних шерстяных костюмах. Легковые машины разобрали всех пассажиров и понеслись по асфальту шоссе к Бомбею. Они неслись по левой стороне шоссе, и это было с непривычки очень страшно, особенно при виде встречных машин, шедших также с большой скоростью.

На первых километрах Индия предстала перед нами как ослепительный свет, белое раскаленное небо и выжженная пустынная земля.

Вскоре справа от шоссе мы увидели лагерь беженцев¹. Их лачуги кое-как соб-

раны из всяких отходов и отбросов: тряпок, щепок, жестянок, обрывков и обломков. Многочисленное население этого «поселка» было тут же: стирали, варили и хлопотали женщины, играли полуголые и голые темно-бронзовые дети, сидели или лежали в короткой тени мужчины.

Лагерь, растянувшись почти на километр, кончился, и началось предместье Бомбея. Пошли домики, лавчонки, пальмы. Незаметно шоссе превратилось в улицу, и на ней все больше становилось людей: мужчин в тюрбанах и белых шароварах, женщин в цветных сари, детей в трусиках, смуглых, курчавых, веселых и глазастых...

Быстро промчались мы по улицам Бомбея, которых я не успел даже рассмотреть, заметив только неожиданное сходство их с улицами европейских городов, и машина остановилась на набережной у подъезда огромного отеля «Тадж-Махал». Пока наш секретарь объяснялся с администрацией отеля относительно номеров, мы, стоя в тени и наслаждаясь прохладой после духоты в машине, смотрели на гранитную набережную, залитую ослепительными лучами жгучего солнца, на водную ширь Аравийского моря с гористыми островами и на прохожих.

На набережной против отеля высится монументальная гранитная арка. Это знаменитые «Ворота в Индию», построенные в свое время англичанами-колонизаторами. В ее тени отдыхало несколько индийцев. Прохожих на набережной встречалось мало: был обеденный час. Да и вообще здесь в жаркое время дня почти никого не бывает, как я потом убедился. Это место для вечерних прогулок. Когда солнце прибли-

жается к горизонту и набережная погружается в тень от гостиницы «Тадж-Махал», она бывает запружена толпами гуляющих и жаждущих прохлады людей.

Два мальчугана вертелись у каменного парапета, торгуя, видимо, чем-то. Я с интересом наблюдал за ними, так как это были первые люди Индии, которых я видел вблизи. Один из них был в трусах, когда-то, видимо, белых, другой одежды на нем не было. Черноволосая голова его не покрыта, фигура худощавая, стройная, вся какая-то темно-смуглая. На другом подростке, кроме трусов, был остаток рубахи, когда-то голубой, а на ремне через плечо висело нечто вроде лукошка. Они топтались у парапета, четко вырисовываясь на фоне моря и являя собою резкий и выразительный контраст фешенебельному отелю и лакированным бесшумным автомашинам. Серовато-смуглый колорит этой маленькой группы придавал ей какой-то своеобразный и в то же время жизненно убедительный характер и был чем-то знаком и близок... Это первое впечатление от двух босоногих мальчиков на набережной крепко засело и осталось в памяти. Я тогда подумал, что, когда мы приедем в Бомбей с выставкой, нужно будет написать этот мотив.

Свободных номеров в «Тадж-Махале» не оказалось, и мы поехали на квартиру нашего уполномоченного Совэкспортфильма В. И. Белова.

Вскоре мы ехали по другой набережной, застроенной особняками и доходными пятиэтажными домами богатых англичан. Дома со множеством балконов похожи один на другой, как две капли воды, мостовая асфальтирована,

и вдоль нее тянется ряд высоченных кокосовых пальм. Такие же пальмы были и во дворе дома, куда нас доставил шофер-сикх² в сиреновой чалме, с черной густой бородой и красивыми строгими глазами.

В просторной квартире дома на набережной Каф-парейд нас радушно встретили наши соотечественники и сообщили, что несколько дней назад здесь ночевали члены делегации киноартистов, вылетевшие затем в Калькутту, — Б. Чирков, А. Борисов, В. Марецкая, П. Кадочников и другие.

К обеду на столе было блюдо со свежими красными помидорами и подан свежий арбуз... Правда, арбуз был не сладкий, далеко не такой, к каким привык я в Средней Азии, и все же появление его на столе 15 февраля произвело на нас, новичков, сильное впечатление.

* * *

После отдыха гостеприимный хозяин повез нас на своей машине показывать Бомбей. В то время в Бомбее еще функционировала международная промышленная выставка. В первую очередь мы решили посетить ее.

Вот где она, Индия, народная Индия! Территория выставки была запружена шумной, празднично бурлящей, разноцветной толпой. Женщины с детьми, мужчины, девушки, подростки, старики — вся эта пестрая веселая людская масса с жадным любопытством перебивалась из одного павильона в другой. Вдоль проходов по всей территории тянулись ряды, торгующие всевозможными национальными кушаньями и сладостями. В воздухе стоял густой букет их специфических, острых аро-

матов и разноголосый хор возгласов поваров-продавцов, зазывавших народ. В павильонах толпа зрителей была настолько плотной, что только с трудом можно было пройти — особенно в советском павильоне.

Не имея времени на обстоятельное ознакомление с выставкой, мы поехали дальше. Густые сине-сиреневые сумерки начинали уже окутывать город, а зажигающиеся уличные огни превращали их в темно-бархатную южную ночь. Машина плавно катила нас по ровному асфальту центральных улиц Бомбея, огромного портового города, где встречаются культуры различных стран, народов и континентов.

На возвышенности Малабар-хилл мы вышли из машины и вошли в кафе, чтобы осмотреть окрестности. Оттуда было видно знаменитое «Жемчужное ожерелье». Золотая россыпь бомбейских огней, сверкавшая в ночи, изящным полукольцом охватывала огромную бухту Аравийского моря. Огни дрожали, искрились, переливались, как драгоценное украшение роскошной тропической ночи. Картина эта была в самом деле незабываема.

Вскоре улицы стали уже, народу, шуму и движения становилось все больше, и мы поняли, что едем по улицам старого Бомбея. Бомбей не делится на две части, как это бывает на Востоке, — на новый (европейский) город и старый (туземный), так как является сравнительно молодым городом, но отдельные кварталы и даже районы в отличие от новых, ярко выраженных европейских улиц и районов, населенных преимущественно европейцами, носят характерные черты индийского города. Здесь уличная толпа была настолько

густа, что не вмещалась в русла тротуаров, а текла и клокотала по всей мостовой так, что машина чудом пробиравась сквозь нее. Наш хозяин, любезно взявший на себя роль шофера и гида, объяснял, что с заходом солнца люди выходят на улицу подышать относительно прохладой, отдохнуть от дневного зноя и духоты.

Мелькали темно-бронзовые лица с ослепительными улыбками, огромными красивыми глазами и такие же смуглые обнаженные плечи, руки, ноги, белые, светло-голубые и светло-розовые одежды. Женщины и девушки с цветами в черных волосах, в струящихся складками цветных сари, мужчины в красочных тюрбанах, изумительно сочетающихся с оливковыми, бронзовыми и шоколадными лицами, в светлых рубашках и белых дхоти³ или вовсе без рубаш, дети, почти вовсе обнаженные, с маленькими повязками на бедрах. Смех, говор, гирлянды цветов и тут же заклинатели змей, какие-то полуобнаженные раскрашенные длинноволосые люди со шкурами через плечо. Теплый воздух душно насыщен всевозможными запахами, исходящими от ароматных курений, цветов и сточных канав. Головокружительный этот калейдоскоп сказочно пестрой толпы восточной улицы под глубоким, черно-бархатным небом с крупными яркими звездами при всей своей почти фантастической красоте был мне опять-таки странно знаком. Где же я видел подобную картину? В Ташкенте и Самарканде в 1920-х годах, в дни мусульманского праздника «ураза»... Тогда была такая же ночная, узкая, ярко освещенная фонарями азиатская улица под бархатным звездным небом, такая же многоцвет-

ная толпа с мелькающими белыми чалмами и смуглыми красивыми лицами, то же обилие цветов и запахов. Все так же, не хватает только звуков зурны и барабанов, доносившихся с плоской кровли. Но вот и они! Гулкие звуки барабана, сопровождаемые нежным пением арабской флейты, долетают до моего слуха, и я улавливаю мелодию, которая в первое мгновение кажется мне очень похожей на узбекскую.

Образы Востока, яркие и пряные, как аромат розы, взволновавшие меня когда-то, воскресли в этот час на улицах Бомбея. Я словно перелистывал в своей памяти страницы юношеских впечатлений. И я был рад, что в первый же день пребывания на индийской земле напал на эту связь, нашел то общее, что приближает меня к Индии, роднит с нею. Это должно было стать ключом, который поможет правильно увидеть и понять Индию.

* * *

Взбудораженный всем виденным и слышанным, я долго не мог заснуть. Лежа в постели и размышляя, я понял: опасения, что Индия будет для меня чужой, непонятной и «экзотической», оказались напрасными. С первых же шагов я нашел в ней много знакомого и понятного.

В самом деле: уже первые километры индийской земли от аэропорта до Бомбея представляли собою до боли знакомую картину. Еще мальчиком, делая свои первые шаги к искусству, бродя с самодельным фанерным ящиком кра-

ДЕВУШКА-ИНДУСКА. 1952

сок по окрестностям городов Верного и Пишпека в бывшем Туркестане, далекой окраине царской России, где я родился и вырос, я наблюдал жизнь киргизской и казахской бедноты. Рваные, прокопченные дымом многолетних кочевков войлочные юрты, казалось, состояли из одних заплат, и все же дыр в них было еще больше. Ночуя в них, я без труда созерцал звездное небо. Обитатели этих юрт были так же оборваны, закопчены и обуглены от дыма костров и солнца, как их жилища, их земля. Голая детвора почти сливалась своим цветом с землей и войлоком. Но в этих же юртах я слышал хватающие за сердце песни о любви, дружбе, счастье; видел, как проходит в радостях и печалих человеческая жизнь. Эти мотивы серых бедняцких аулов с юртами и кострами, баранами и пастухами я писал со страстным увлечением, в эти этюды, сделанные на кусочках клеенки в ладонь величиной, я вкладывал всю свою душу.

Не знаю, под влиянием ли русских писателей-классиков, которыми я зачитывался, или художников-передвижников, с картинами которых был знаком по хрестоматии и журналу «Нива», под влиянием ли всего демократического русского искусства, я тогда уже ничего другого не хотел писать, инстинктивно понимая, что воспеть душевную красоту человека из бедноты, которую не убийли ни нужда, ни полудиккий образ жизни, — благородная задача.

Товарищи мои по средней школе и учителя удивлялись:

— И охота тебе писать одни эти вшивые юрты? Разве мало у нас красивых видов? Написал бы наш городской парк, какие чудные аллеи! А какие

красивые дачи есть у подножия гор! Но я был захвачен одной идеей и оставался ей верен, а к аллеям и паркам ни тогда, ни после никакого интереса не проявлял.

С Великой Октябрьской революцией все быстрее и все дальше в прошлое стали уходить бедняцкие, кочевые, полудикие окраины, и скоро от них не осталось и следа. В окрестностях городов, где на выжженных солнцем пустырях стояли рваные юрты, теперь раскинулись благоустроенные колхозные села с электричеством и водопроводом, с клубами и кинотеатрами. А на высокогорных пастбищах пасутся тысячи отар тонкорунных овец и табуны чистокровных коней, обслуживаемые знатными чабанами и табунщиками...

Я продолжал писать тружеников Киргизии, бывших кочевников, глядя теперь на них с восхищением и гордостью. Картины жизни кочевой азиатской бедноты остались лишь в воспоминаниях. И вдруг в Индии в 1952 году увидел их вновь в еще более драматическом варианте — лагерь беженцев. Так же здесь среди пестрых от дыр и заплат шатров бегали голые и полуголые дети. Так же хлопотали, кипятя что-то в котелках или стирая, женщины. И так же, спрятав голову в короткую тень, лежали или сидели в вынужденном бездействии мужчины. Все это было мне понятно как давно пережитое. Так размышлял я, лежа в жаркой постели, в духоте тропической ночи, и будущие картины о жизни индийских тружеников грезились моему засыпающему сознанию, картины, полные драматизма и поэзии, человеческой теплоты и сочувствия.

В ДЕЛИ

*Из дневника 16 февраля
Самолет Бомбей — Дели*

Переночевав в Бомбее, мы сегодня рано утром вылетели в Дели. Под нами холмистая земля, изрезанная то извилинами рек и дорог, то прямоугольниками возделанных полей и темно-зелеными пятнышками деревьев. Преобладающий цвет — рыжий. Трудно судить с такой высоты: цвет ли это выгоревшей травы или цвет грунта. Но если в феврале трава выгоревшая, то интересно, когда же она бывает здесь зеленой? Вот под нами проходит гряда каких-то невысоких гор, и наш самолет начинает встряхивать и покачивать, благо, он в два раза меньше и легче того, который доставил нас из Рима в Бомбей. Напротив меня сидят двое. Один из них, видимо, американец, другой индеец в тюрбане. Когда я делал в своей записной книжке набросок с индийца, американец не поленился встать и подойти ко мне. Некоторое время он молча смотрел через мое плечо, потом сказал «вери гуд» и отошел.

В полдень наш самолет опустился на аэродроме Дели, где нас встречали генеральный секретарь Всеиндийской ассоциации изящных искусств Барада Укил и представительница Министерства просвещения Индии, а также работники нашего посольства.

*Из дневника 17 февраля
Дели*

Сегодня утром мы уже встали в гостинице, находящейся на границе Старого и Нового Дели. До обеда ездили по старому городу, смотрели. Город похож на

огромный восточный базар, где теснота и пестрота, шум и галдеж, где животные, люди, машины, велосипедисты — все спуталось в один огромный, пестрый клубок. Животные кричат, кузнецы куют, столяры стучат, цирюльники бреют, нищие гнусавают, факиры и заклинатели змей показывают свои номера, автомашины, чудом пробираясь сквозь плотную толпу, гудят, легионы юрких велосипедистов беспрестанно звонят.

Жалкие лозмотья и ослепительная пышность, красота сказочная и столь же сказочное уродство, беспечное, шумное веселье и деловая суета — такие контрасты на каждом шагу.

Идут в белоснежных дхоти и цветных тюрбанах мужчины, девушки и женщины в сари красивейших оттенков и сочетаний. Еще красивее и наряднее выглядят те, что едут на тонгах (извозчиках) с бубенцами и на педикэбах (велорикшах).

Для глаза живописца все тут захватывающе интересно: какие краски, какое богатство оттенков! И звонкие, ликующие, и нежные, и насыщенно смуглые, жемчужно-серые и в самых изумительных сочетаниях! О форме же и говорить нечего — одни складки сари чего стоят! Бесформенных или бестхарактерных, неинтересных складок не видно вовсе. Все красивы, все пластичны и интересны. В особенности же красиво драпируются не новые, а старые и поношенные сари бедных трудящихся женщин. Индийские женщины напоминают мне античные статуи, настолько гармонично располагаются складки на их фигурах. Это говорит как о красоте сложения индийцев, так и о их врожденном чувстве пластики и вкусе. Кроме того, сари, представляющее собою ку-

сок ткани, и одевается так же, как древнегреческий пеплум.

Работать с натуры здесь будет очень трудно. Невозможно представить себе эту работу на улице: толпа мгновенно окружает, как только остановишься и возьмешься за альбом, люди теснятся, возбужденные, любопытные, и в минуту набирается сотня зрителей. Все загоразживают, останавливается даже движение транспорта.

Отель наш переполнен англичанами и американцами. В холле, куда мы спускаемся три раза в день питаться, всегда полно и шумно от громкой английской речи. Это обилие иностранцев меня как-то раздражает (хотя здесь я и сам иностранец). Они как будто мешают мне видеть Индию и индийцев. Зато эти последние мне с каждым часом все больше и больше нравятся.

В ожидании прибытия нашего груза — картин и скульптур — мы познакомились с прекрасной столицей Индии и ее художниками.

С первых же встреч мы почувствовали, что находимся среди друзей. Искренняя, неподдельная симпатия светилась в их глазах и улыбках. Делийские художники старались предупредить всякое наше желание. Они жадно расспрашивали нас о Советском Союзе, показывали свои работы.

Посетили мы небольшую выставку работ группы делийских художников. На ней были представлены акварели в духе древнеиндийской миниатюры и пейзажи маслом в плане французской школы. Эти два направления имеют наибольший спрос у покупателей-меценатов. По этой выставке у нас сложи-

лось впечатление, что одна группа богатых людей, покупателей, следуя европейской моде, желает украшать свои особняки пейзажами и натюрмортами в духе французского формализма, другая группа меценатов, считая, что этим содействует развитию национального искусства, покупает только подражания древнеиндийской миниатюре. Кстати, подражание в этих работах не ограничивается стилизацией формы, но распространяется и на выбор тематики. Преобладают сюжеты мифологические и религиозные. Большое место занимает тема женской красоты.

После мы познакомились с более широким кругом художников и убедились, что есть в Индии и реалисты, идущие разными путями, но к одной благородной цели, к отображению народной жизни, к воспеванию простого человека. На этой небольшой выставке художников Дели на нас наибольшее впечатление произвели талантливые работы С. Мукерджи, Д. Бадри, безвременно умершей А. Шер-Гил. Яркая индивидуальность, свежесть восприятия, тонкое чувство композиции и колорита — все эти прекрасные качества присущи каждому из художников. На С. Мукерджи и А. Шер-Гил, видимо, в свое время сильно влияли Дерен, Матисс и Гоген. Это влияние не преодолено до конца, но за ним нельзя все же не видеть и образов родного народа, и души самого художника.

Только три дня мы прожили в гостинице и при первой возможности перебрались в посольство: очень уж там шумно и беспокойно, а главное, мы уже успели соскучиться по русской кухне. В посольстве же — своя столовая, и повар-индиец прекрасно готовит наши блюда.

В посольстве за садом находится двор, где живут рабочие-индийцы, обслуживающие сад, двор и всю территорию посольства. Так как почти все рабочие многосемейные, то на этом просторном дворе я нашел целый индийский поселок: мужчины, женщины, дети, особенно много детей.

Каждую свободную минуту я забегал с альбомом в этот уголок, с интересом наблюдал быт рабочих и пытался делать зарисовки. Здесь я снова убедился, как трудно работать в толпе: все бросались ко мне, окружали, заглядывали, шумели, смеялись, расспрашивали и закрывали собою того, кого я рисовал. Впрочем, через несколько минут рисовать было уже некого, так как мой «объект» тоже оказывался за моей спиной и, вытягивая шею, с любопытством и обезоруживающей улыбкой рассматривал только что начатый набросок.

* * *

Меня беспокоило то, что дни, оставшиеся до прибытия экспонатов и до начала работ по выставке, проходили, мы были свободны, а серьезной творческой работой еще не занялись и не знали, как ее начать, как организовать, «с какого конца» приступить. Правда, прошло всего три дня, как мы приехали в Дели, но мне казалось, что уже много времени пропало даром, и не терпелось скорее начать работать — настолько интересно было все то, что мы видели в эти дни. В особенности, конечно, люди. Не видя пока других возможностей, мы решили написать по этюду с кого-либо из обитателей нашего двора. С помощью сотрудников посольства договорились с молодым индийцем-прачкой Бабулал и

девушкой, дочерью шофера, и 20 февраля, то есть на четвертый день нашего пребывания в Дели, начали свои первые этюды.

В. П. Ефанов решил писать Бабулала, а я девушку. Это была тоненькая и хрупкая, большеглазая застенчивая красавица 17 лет. Пришла она в розовом сари и белоснежной кофточке, с висячими серьгами и темным круглым пятнышком над переносицей. Я усадил ее на одном из балконов нашего общежития на фоне белой стены и, волнуясь, начал работать.

Мотив смуглой черноволосой головки на белом фоне давно импонировал моему глазу живописца. Можно даже сказать, что в принципе он был «задуман» давно и ждал своего осуществления. На этот раз перед моим взором было это очаровательное воплощение моего замысла. Но не только живописная сторона мотива трогала меня: когда девушка уселась и оправилась от смущения, ее лицо стало жить своей внутренней жизнью. Устремленные вдаль прекрасные глаза говорили о чистой девичьей душе, детские губы — о наивности и невинности ее мечтаний. И задумчивый тихий покой и нежная гармония были во всем ее облике.

Это было так глубоко содержательно, так человечно и так прекрасно, что у меня от волнения даже рука начала дрожать. Позировала она превосходно, как умеют позировать только люди Востока — словно изваяние. Зная, как утомляет такая неподвижность, и смертельно боясь, как бы не отбить у нее охоту позировать и не сорвать завтрашний сеанс (на который я главным образом возлагал надежды), я вскоре отпустил девушку.

Когда она ушла, я долго смотрел на начатый этюд и размышлял: правильно ли, хорошо ли я ее посадил? Не противоречит ли эта поза ее характеру, ее образу? Как будто правильно: такая она слабая, милая, скромная и тихая, и поза ее вполне как будто отвечает этому характеру. Не отразится ли в этюде случайность той обстановки, в которой я ее пишу? Удастся ли мне за два сеанса сделать что-либо дельное? Полагаются, говорят, первому блину быть комом. Жаль было бы. Уж очень пленил меня этот поистине поэтический облик индийской девушки, и так хотелось передать ее трогательное обаяние.

Весь остаток дня я думал о начатом этюде и мысленно продолжал его писать. С нетерпением ждал утра следующего дня, когда должна была прийти моя «натура». И она пришла. На этот раз я работал часа три, работал с упорством, с большим волнением и напряжением. Привыкнув ко мне и к позе, она стала сидеть без всякого напряжения, словно забыв обо мне, задумавшись и прислушиваясь к каким-то движениям своей души.

Хотя этюдом я не был вполне доволен, считая его «недотянутым», незавершенным, все же в качестве первого «блина» это было уже кое-что. Под названием «Девушка-индуска» он теперь находится в Государственной Третьяковской галерее.

* * *

22 февраля день пропал, работать не удалось, и это было очень досадно. Зато на следующий день, 23 февраля, мы троим, включая переводчицу, поехали к одному из знаменитых памятников

древней архитектуры в окрестностях Дели, минарету Кутб-Минар, с твердым намерением сделать по эту сторону.

На полпути я обратил внимание на один пейзажный мотив с какими-то руинами вдаль и красивыми кучами деревьев вокруг них. Я взял его на заметку на тот случай, если сам прославленный Кутб-Минар придется почему-либо мне не по вкусу или «не по зубам». Кутб-Минар стоит среди руин какого-то другого здания. Как я узнал несколько позднее, при вторичном посещении памятника, это руины древней мечети, которая была построена когда-то на месте еще более древнего джайнистского храма.

Уцелевшие каменные колонны богато украшены мелкими сложными барельефами. Барельефы эти изображают религиозные, мифологические и бытовые сцены, праздники, танцы. Несметное количество человеческих фигур, одетых, полубогаженных и обнаженных, а также фигур животных участвуют в этих сценах, живут и движутся, оживляя древний серый камень. Тут и там по всей территории валяются большие и малые обломки, насыщенные такими же барельефными изображениями людей и животных в самых разнообразных движениях, выражающих самые разнообразные переживания. Удивительное мастерство, огромный талант и любовь индийского народа к искусству, а также высокая культура этого народа живут в каждом таком обломке. Сам минарет Кутб-Минар, стройная, огромной высоты башня, уступами сужающаяся кверху и уходящая далеко в голубое пространство неба, покоряет своей простотой и величавой гармонией. Вместо изображений живых существ

ее поверхность украшает орнамент, высеченный в светло-красном песчанике, и причудливое орнаментальное переплетение надписей, изречений из корана (эти надписи-орнаменты вновь напомнили мне памятники старого Самарканда).

Налибовавшись всем этим, мы стали бродить по территории, ища точку зрения, подходящую для выполнения односекансного этюда. Как я и предвидел, задача эта оказалась нелегкой: мы могли этак пробродить и проискать дотемна, и я решил вернуться на то место, которое подсмотрел по дороге. Оставив своих товарищей и условившись, что к моменту захода солнца за ними заеду, я поехал обратно.

Доехав до того места, я попросил шофера ждать меня на шоссе, а сам хотел тронуться по тропинке в сторону видневшихся вдаль руин, поискать подходящую точку зрения и место, где было бы на что сесть, так как стульчика у меня не было.

— Я только съезжу на пять минут в Дели и сейчас же вернусь обратно, — сказал шофер.

Это заявление изрядно меня озадачило. — Как... Значит, я один тут останусь? А если кто подойдет и начнет спрашивать? Я ведь ни слова...

— Да вы не беспокойтесь, пожалуйста. Никто тут не подойдет. Видите — ни души кругом.

Он сел за руль, ободряюще улыбнулся мне на прощанье и укатил, а я неуверенными шагами пошел по тропинке. Она привела к холмику, у подножия которого высилось огромное одинокое дерево. Глиняный холмик оказался колыслом для полива поля, а под деревом

стояла деревянная кровать с веревочной сеткой.

С тревожным чувством огляделся я вокруг и, не видя в самом деле ни души во всей окрестности, решил сесть на эту койку. Оставшись впервые один в чужой, незнакомой стране, не зная к тому же ни языка, ни порядков, я очень волновался.

Передо мною в нескольких шагах началось зеленое ячменное поле, за ним полоса глины с таким же розоватым холмиком, как и за моей спиной (по всей вероятности, тоже колодец), дальше опять какое-то зеленое поле, а за ним полуразрушенные стены не то какой-то крепости, не то храма, окаймленные курчавыми деревьями и позолоченные косыми лучами солнца. За всем этим видна была синеватая линия далекого горизонта, и над нею светлое, прозрачное и ровное предвечернее небо. Покой царил над землей. Тишина была такая, что я слышал удары своего сердца.

Начав работать, я стал успокаиваться и забывать о своей тревоге, как вдруг увидел идущего по полю в мою сторону крестьянина-индийца в тюрбане и с мотыгой на плече. «Вот сейчас подойдет из любопытства и спросит что-нибудь, а я ни слова не понимаю», — с беспокойством подумал я. Но крестьянин только издали посмотрел на меня и молча прошел мимо.

Такое неожиданное безразличие — полная противоположность тому, что мы видели в городе, — меня и удивило и обрадовало. Я окончательно успокоился. А тут приехал и наш шофер, да еще не один, а с товарищем — тоже шофером, только что прибывшим из

Москвы в Дели на работу. Ему первое время полагалось не водить машину, а кататься и привыкать к левостороннему движению.

Оставив машину на шоссе, они подошли ко мне и, присев на корточки за моей спиной, стали молча смотреть, как я работаю.

Я терпеть не могу, когда во время работы следят за моей рукой, но на этот раз приходилось не только с этим мириться, но еще и радоваться.

Проработав часа два, я заметил, что солнце уходит за горизонт и, закрыв свой ящикек, поспешил к Кутб-Минару за моими товарищами.

Этот день как начался, так и закончился хорошо, интересно и содержательно. В посольстве состоялся вечер, посвященный Дню Советской Армии. После короткого доклада выступил с воспоминаниями о фронтовой жизни в дни Великой Отечественной войны корреспондент «Правды» С. Борзенко. В его волнующем и красочном рассказе, как живые, вставали дела и люди эпохи всенародной борьбы и героизма.

Потом был концерт, да какой! С участием Чиркова, Борисова, Кадочникова и других советских артистов. Большую радость доставили они нам, а в особенности сотрудникам посольства, которые находились вдали от Родины уже два и три года.

На меня как никогда потрясающее действие произвел рассказ А. П. Чехова «Ванька» в исполнении Б. П. Чиркова. Я подумал, что так воссоздать классический образ Ваньки Жукова мог только актер, вышедший из народных низов, сам бывший когда-то таким же Ванькой.

Из дневника 23 февраля Дели

Сегодня ездили в Старый Дели. Конечно, как я и думал, работать опять не удалось, хотя видели массу замечательных мотивов. Половину времени мы затратили на осмотр древней крепости «Красный форт» и ее дворцов. Построенный в XVII веке «Красный форт» был резиденцией Великих Моголов. Внутри крепости — мраморные дворцы, много павильонов и дворцовых служб, прекрасно разбитый сад с бассейном. Дворцы эти — одно из чудес архитектуры. От пола до потолка они богато украшены инкрустацией и резьбой по мрамору. Проходя по комнатам дворца, предназначенным для приемов, для принятия пищи, для сна, для одевания, для купания (с бассейном), легко представляешь себе протекавшую здесь некогда жизнь шаха и его гарема. Показали нам, конечно, и то место над аркой в «Жемчужной мечети», откуда англичанами был «заполучен» самый большой в мире бриллиант.

Повеяло знакомым мусульманским духом, седой азиатской стариной. Вспомнились самаркандские медресе. И вспомнилась также книга воспоминаний французского врача Ф. Бернье, жившего много лет при дворе Великого Могола Аурангзеба. Большинство событий, описанных им, происходило в этих дворцах — но только позднее, в середине XVII века.

Посетителей в «Красном форте» было очень много. Веселая любопытная толпа выглядела такой нарядной, разнообразной и живописной, что я не знал, на что смотреть: на стены и потолки, выдавшие исторические события, или на

живых зрителей. Особенно интересны были приезжие, как видно, из деревень и из других провинций, женщины с детьми в одежде самых причудливых цветов и фасонов. А сколько различных типов, какие лица, глаза, улыбки! В дворцовом саду я обратил внимание на то, что в густых ветвях некоторых деревьев кто-то возится так, как это бывает, когда мальчишки заберутся на дерево. Подойдя ближе, мы увидели обезьян, игравших и прыгавших с ветки на ветку.

Окончательно выяснилась программа нашего пребывания в Индии. До 25 марта мы пробудем с выставкой в Дели. Потом переезд в Калькутту, весь апрель мы — в Калькутте, а в начале мая выставка должна открыться в Бомбее. В конце мая отправляемся домой. Таким образом, один из жарких здесь месяцев — апрель — мы будем жить в Калькутте. Все в один голос говорят, что в апреле и мае там сильная жара да еще в сочетании с очень высоким процентом влажности воздуха трудно выноσιма.

В эти же дни мы были приглашены на заседание парламента, посвященное вопросу создания художественного фонда для организации в Дели Государственного художественного музея.

Собрание имело целью призвать присутствовавших и всю общественность содействовать фонду путем пожертвований и всеми другими способами. Незадолго до этого заседания правительством было издано два указа: один о запрещении вывоза за границу произведений искусства и другой — о создании музея и Комитета содействия,

в который вошли и виднейшие политические деятели страны.

Доклад делал министр образования Индии Абдул Калам Азад.

Доклад был отпечатан на английском языке и разложен на столиках, за которыми мы сидели, и наша переводчица перевела нам его содержание еще до начала заседания.

Как в докладе, так и в выступлениях говорилось о важности этого мероприятия для дела культурного строительства республики. Все выступавшие говорили по-английски, только докладчик — на языке хиндустани. Первым выступал премьер-министр Джавахарлал Неру.

Это была наша первая встреча с выдающимся государственным деятелем Индии. Обаяние его было огромным и неотразимым. Простота, естественность, отсутствие какой бы то ни было позы — все в нем подкупало и вызывало симпатию. Конечно, нас очень трогало и то, с каким воодушевлением он доказывал важность создания Государственного художественного музея и призывал присутствовавших богатых людей жертвовать произведения искусства для музея и средства для строительства здания.

* * *

Однажды мы организовали с утра поездку в Старый Дели для работы. Мы решили договориться с хозяином какого-либо балкона и с него писать вид старого города. После длительных поисков и переговоров нам это удалось, и мы устроились на балконе. Перед нами раскинулись многолюдные, запруженные толпой улицы, лавки, лавчонки, навесы, балконы, уступы, выступы — все

это лепилось тесно и плотно одно к другому, все мелькало, струилось, двигалось и сверкало на ослепительном, жгучем солнце.

Переводчица наша уехала, сказав, что через три часа машина придет за нами, а мы, повернувшись в разные стороны, стали писать с одного балкона два разных вида.

Я досадовал на себя за то, что взял слишком маленького размера кусочек картона; в натуре все было так измельчено, и этих мелочей, как лапши, было так много, так густо, что я просто терялся. Самый маленький мой мазочек был равен человеческой фигуре. Но раздумывать и досадовать было некогда — нужно было пользоваться представившейся возможностью и работать. Интересную жизнь наблюдал я с этого балкона во время работы. Рокочущая, пестрая толпа, как лава, нескончаемым потоком текла, заполняя всю улицу. То и дело гущу этого потока рассекала двуколка тонги с бубенцами, автомашина или корова. Справа из переулка доносились беспорядочные металлические звуки ударов кузнецов и жестянщиков. Наперебой раздавались со всех сторон выкрики торговцев различными товарами. Через каждые две-три минуты почти под самым нашим балконом проходили два полуобнаженных ремесленника, держа в руках натянутое, ярко окрашенное в лимонно-желтый цвет полотнище. Промаршировав в одну сторону, они поворачивались кругом и шли обратно. Это они так просушивали только что окрашенное вручную не то покрывало, не то сари.

За нами приехали, и работу пришлось кончать. Этюдом «Улица в Старом Дели» я был недоволен, так как он полу-

чился слишком суммарным. Разобраться в огромном количестве мельчайших элементов мотива с домами, лавками, балконами, деревьями, навесами, движущимися людскими фигурами, извозчиками было невозможно из-за размера картона и недостатка времени.

На следующий день я приехал на этот балкон с картоном большего размера и добился лучших результатов. С того же балкона я написал второй этюд улицы. Он в два раза больше размером и несколько больше удовлетворил меня.

Первый этюд теперь находится в Музее искусств в Ташкенте, а второй подарен в фонд будущего Музея интернационального искусства в Дели.

Возвращаясь с этюда, я думал: «Не знаю, как на юге Индии, может быть, там и есть тропическая экзотика, которой я боялся как чего-то чуждого (с джунглями, слонами, крокодилами и пр.). Здесь же, еще больше, чем в Бомбее, я вижу Индию, понятную мне, как тот Восток, где я родился и вырос. Здесь все мне интересно, все захватывает».

В самом деле: континентальная природа, а также отдельные черты среднеазиатской культуры в облике городов обуславливают характер и колорит, близкий к тому, который мне издавна знаком по Ташкенту и Самарканду. Конечно, слово «понятно» в данном случае условно. Мне нравится все это и напоминает что-то давно знакомое, то есть зрительно «понятно», близко, и это уже много, для художника это важно, так как без этого, по-моему, нельзя работать. По существу же, наряду со знакомым много встречалось непонятного в нравах и обычаях народа, — и это стало в дальнейшем предметом моего

постоянного наблюдения и изучения. Люди Индии покорили меня сразу. Обаятельные своей непосредственностью, добротой и незлобивостью, ласковостью и одухотворенностью, они в то же время невероятно живописны и пластичны, особенно женщины. Каждую из них хочется писать. Одеваются они, от аристократки до нищей, с поразительным декоративным вкусом. Их цветные одежды рядом со смуглой кожей различных оттенков, от оливкового до темно-шоколадного, составляют изумительную по красоте и характерности гармонию. Об их искусстве драпироваться и говорить нечего. Прирожденное чувство пластики позволяет им носить сари так, что при любом движении складки ложатся красиво и благородно, как на античных статуях.

Кроме того, я увидел, что индийские женщины (как, впрочем, и мужчины) сами по себе очень красивы. На редкость красивый народ. В особенности же они хорошо сложены. Некрасивое лицо еще можно встретить, но нескладной фигуры я не видел ни одной.

Как только я попадал на улицу, особенно в Старом Дели, глаза у меня разбегались. Неудержимо хотелось писать, писать, писать. И то, и это, и все... Я понял, какую сделал ошибку, не взяв весь необходимый рабочий инвентарь. Я предчувствовал, что эта оплошность послужит дополнительным тормозом в работе. За время пребывания в Дели я много раз принимался за поиски рабочего зонта, стульчика, этюдного ящика. Но ничего мне купить не удалось. Складной стульчик мне сделали, в отношении же остального пришлось жить надеждой на Калькутту. Говорили, что там я найду все, «что душе угодно».

НАША ВЫСТАВКА В ДЕЛИ

Еще до прибытия наших экспонатов началось переоборудование выставочного зала Всеиндийской ассоциации изящных искусств.

Ежедневно с утра мы на посольской машине отправлялись в павильон, находящийся против здания радиостанции. По зеленым тенистым улицам Нового Дели потоком неслись автомашины, извозчики, велосипедисты. Велосипедисты катили по тротуарам, и я долго не мог понять, где же и каким образом ходить пешеходам?

Поразительна ловкость индийцев в обращении с велосипедом! Часто можно видеть, как на одном велосипеде едет вся семья: отец (водитель), мать, часто с грудным ребенком, и двое детей постарше. Однажды я видел, как на одном велосипеде ехало шестеро ребят от шести до пятнадцати лет. Интересное зрелище также представляют собою седобородые старцы в широких, развевающихся одеждах и тюрбанах, стремительно мчащиеся на велосипедах.

Генеральный секретарь ассоциации, высокий статный мужчина, одетый всегда с иголочки, встречал нас радушной улыбкой и приветствием: «Гуд морнинг!»

Когда картины и скульптуры наши прибыли в Дели, мы наблюдали за тем, как столяры и кули распаковывали ящики. Затем мы с помощью местных художников натягивали на подрамники самые большие картины, сняв их с вала, на который они были нака-таны.

Большая группа делийских художников ежедневно с утра приходила в зал и вместе с нами работала до вечера. Веселые, общительные, милые люди! Работая целыми днями бок о бок, мы все

время пытались друг с другом говорить. Но мы не знали ни английского, ни какого-либо из индийских языков, так же как они не знали русского, а переводчица наша большей частью отсутствовала, так как была занята переводом на английский нашего доклада на открытии выставки. Мы объяснялись знаками, мимикой, жестами... Немало было забавных сцен, от которых все мы то и дело покатывались со смеху.

Меня поражало удивительно открытое, ясное и детски наивное выражение лиц наших друзей. Судя по этому выражению, известному художнику Сайлозу я давал не больше 20 лет, хотя я видел у него седые виски. Так же и с художником Бадри. Когда я, изловчившись, задал им вопрос об их возрасте, оказалось, что одному из них было 42, другому 44. Они тоже поинтересовались, сколько лет мне, есть ли у меня дети и какого возраста. Обо всем этом мы сумели «переговорить» и, хотя не без труда, все же понимали друг друга к общему удовлетворению.

Интересно было наблюдать за работой столяров. Пилят они, например, без верстака, сидя на земле и придерживая дерево пальцами босой ноги. Казалось бы, что такой примитивный способ обрекает на грубую, неуклюжую работу. Не тут-то было! Виртуозно владея инструментом, они быстро и хорошо делают любую столярную работу.

В особенности обратил на себя наше внимание с первых же дней один молодой столяр. Он не только мастерски и молниеносно изготавливал различные поделки, но и очень быстро, на лету схватывал и понимал все процессы монтажа выставки: и сборку подрамников и рам, и изготовление подставок

для скульптур, и развеску картин, и т. д. и т. п. Любую работу он делал так, как будто всю жизнь занимался устройством выставок.

Вскоре без него нигде не обходились. То и дело слышался крик: «Абдул-Маджид!»

Он мгновенно являлся и немедленно устранял неполадку, проявляя при этом нередко чисто акробатическую ловкость. В это время с другого конца зала доносилось:

— Абдул-Маджид!

Мы поняли, что в его лице имеем незаменимого, талантливого работника, и стали называть его «стахановцем».

Другой столяр-сикх работал с сыном, юношей лет 15 на вид (оказалось, ему было уже 19). У этого тихого и молчаливого работника было удивительно благородное, чистое и ясное лицо и особенно глаза. Большие, черные, красивые и глубокие, они излучали какой-то мирный, ласковый свет, свет детски чистой души. Несмотря на его густую черную бороду и на присутствие юноши сына, мне, глядя на него, казалось, что я смотрю на красивого, обаятельного ребенка... Мне очень хотелось написать его.

Однажды, придя в павильон, я увидел своего столяра в новом ярко-розовом тюрбане. Поразительной красоты было это сочетание бледно-смуглого лица и розового тюрбана, а главное, как-то это шло к его характеру. Еще глубже, влажнее и прекраснее казались его черные добрые глаза. Мне в них чудилась душа самой Индии.

Объяснив кое-как свое намерение, я усадил его в укромном уголке и начал торопливо писать маленький этюд его головы. Позировал он идеально, как

окаменевший. Я работал с большим напряжением и максимальной быстротой, так как меня ждала работа по развеске картин порученного мне отдела выставки. То и дело меня отзывали, и я часто прерывал работу. Хуже всего было то, что не только мы с моим сикхом, занимаясь этюдом, переставали работать по выставке, но и большинство кули останавливались за моей спиной и с любопытством наблюдали за моей работой. Кое-кто из художников тоже присоединился к зрителям. Приходилось прерывать работу и идти к картинам и скульптурам, приглашая с собой и других. Наладив работу, я со столяром незаметно ускользал в свой уголок и делал еще несколько мазков, стараясь передать пленившее меня одухотворенное выражение его лица. Так урывками был написан этюд «Столяр-сикх в розовом тюрбане», находящийся ныне в Русском музее в Ленинграде.

Целая артель кули работала в эти дни с нами. Замечательные это были ребята! Молодые, с бронзовыми мускулами, сложенные, как античные боги, веселые, в майках и белых широких дхоти, они таскали тяжести как бы шутя. Почти любую вещь кули носят на головах (говорят, даже пианино), только наши картины и скульптуры они никак не смогли приспособить на голову и первое время работали как-то неуверенно. С утра до вечера, работая вместе, я не переставал наблюдать их и любоваться ими. Такое яркое, такое законченное пластическое выражение образа трудового народа Индии! Тяжкий труд, бедность и другие, еще далеко не изгла-

дившиеся следы колониального прошлого, и в то же время какая сила, какой оптимизм, какая вера в будущее, какая физическая и духовная красота в этих юношах кули! Вот оно, олицетворение многострадальной, но непокоренной трудовой Индии, вот он, образ рабочего класса современного Востока.

Очень хотелось мне написать и того и другого кули, но как ни изловчался я, до открытия выставки мне не удалось этого сделать. В голове же сложился замысел — образ молодого кули — и ждал своего осуществления. Я по опыту знал, что это хорошо, что это уже почти полдела. Образ этот изо дня в день будет в моем воображении все больше уточняться, новые встречи и наблюдения будут его обогащать, желание и нетерпение осуществить, написать его будут все накаляться, и поэтому, когда мне представится, наконец, возможность «наброситься» на натуру, подходящую к этому моему замыслу, тут уж работа пойдет.

Накануне открытия выставки мы провели пресс-конференцию. Корреспондентов и журналистов собралось человек пятьдесят. Хотя и не все еще на выставке было закончено, все же веселее стало глазу, когда картины в рамах висят на стенах, скульптура на своих местах; во дворе, под огромным тентом на щитах развешено около 150 репродукций русской и советской живописи, фасад павильона украшается флагами и лозунгами, двор подметается. За чаем и орешками мирно и дружно прошла наша пресс-конференция, и мы поехали домой отдохнуть, с тем чтобы вечером заканчивать мелкие недоделки. В этот вечер было завершено оформление фасада павильона, и когда к ночи

включили свет и он запылал алыми, голубыми цветами, народ бросился к зданию. Огромная толпа с любопытством рассматривала яркое зрелище, сверкая глазами и оживленно переговариваясь.

Из дневника 5 марта *Дели*

Сегодня, наконец, открыли выставку. Народу на открытии было очень много. Во дворе, под тентом проходил митинг. Выступали министр образования Индии Абдул Калам Азад и глава нашей делегации А. И. Замошкин.

Министр, почтенный старец в национальном костюме, черной шапочке и темных очках, говорил о том, что великий индийский народ, имеющий пятитысячелетнюю художественную культуру, но ослабивший лучшие свои традиции в период колониального подчинения, теперь вновь обрел свою независимость и начинает возрождение своей культуры и искусства. Что это новое рождение национального искусства должно сопровождаться обменом опытом, дружескими связями народов Индии с другими народами. Что одним из первых, как равный с равным, заговорил с Индией могучий Советский Союз, и сегодняшнее торжество является одним из ярких проявлений его дружбы. Народы Индии, говорил он, с радостью и любовью приветствуют посланцев страны социализма, с интересом будут изучать ее искусство и, без сомнения, извлекут из этого большую пользу для себя. Такое культурное сближение будет укреплять дружбу между двумя великими народами и тем содействовать укреплению мира во всем мире.

Присутствовали дипломатические представители ряда стран, фотографировали нас без конца, и еще до окончания митинга проворные фотографы уже предлагали нам готовые фотоотпечатки.

После митинга министр, перерезав ленту, открыл выставку и вместе с нами обошел ее всю, смотрел каждую работу, задавал массу вопросов, фотографировался с нами. Почти все сегодняшние газеты Дели поместили статьи о выставке и снимки с картин и членов делегации. Статьи все благожелательные, теплые.

Из дневника 6 марта *Дели*

Утром ездили на выставку. Снова нас без конца фотографировали и требовали автографов.

Сегодня на выставке побывало около двух тысяч человек. Зрители, в том числе члены парламента и члены правительства, известные артисты и писатели подолгу ходят, внимательно смотрят каждую работу, знакомятся, вступают в беседу с нами — членами делегации. Постоянно мы окружены большой группой людей, которые с ласковыми, приветливыми улыбками рассматривают и расспрашивают нас.

Я, в свою очередь, с жадностью рассматривал зрителей, представлявших различные слои индийского народа. Одна молодая и очень красивая женщина была во всем розовом: густо-розовое сари и светло-розовая кофточка, бледно-смуглое лицо с огромными черными глазами и темно-красными губами, и в

МОЛОДОЙ КУЛИ. ЭТЮД. 1952

черных волосах бледно-розовый цветок. Другая была в интенсивно-фиолетовом сари и малиновой кофточке. Сочетание самое неожиданное. И этих сочетаний видишь столько, сколько встречаешь людей. Удивительнее же всего то, что все эти сочетания хороши. Тюрбаны у мужчин всех мыслимых и даже немыслимых цветов и оттенков. А так как лица тоже имеют бесконечное множество оттенков, от бледно-смуллого (лимонного, я бы сказал) до шоколадно-фиолетового, то колористическое богатство получается неопишное.

На территории выставки царит веселое оживление, а вечером, когда зажигаются огни наружного оформления, оживление вокруг выставки разрастается, превращаясь в праздничное гулянье.

Горжественно колышутся государственные флаги СССР и Республики Индии, пылают алые шелковые щиты, залитые морем электрического света. На фоне глубокого черного неба это выглядит как ослепительно красивое зрелище.

Масса людей весь вечер, не уменьшаясь, стоит и гуляет вокруг выставки, любуясь знаменательной и волнующей картиной дружбы великих народов.

С быстротой фокуса вокруг выставки выросли палатки с фруктами и прохладительными напитками, на земле разложены для продажи книги, журналы, газеты. Наперебой кричат продавцы. Сотни велосипедов поставлены у забора и десятки автомашин — напротив.

Интересно, что наши друзья, делийские художники, работавшие с нами по организации выставки в течение почти двух недель, всегда одеты были по-европейски (кроме одного, С. Саркара), а вчера на открытие пришли в своих национальных костюмах: в широчайших бе-

лоснежных дхоти и длинных, особого покроя рубахах, вдобавок к этому у некоторых еще плечи и грудь задрапированы куском ткани, вроде шали. Очень красиво.

Из дневника 7 марта
Дели

Сегодня с утра ездил в Старый Дели и писал мотив, который заметил еще в первую поездку в Старый город.

Фоном для лачуг переселенцев служит панорама великолепных храмов, дворцов и особняков, простирающаяся вдаль. К сожалению, я сижу слишком низко, и с моего места задний план еле виден. Если бы не это обстоятельство, то мой вид еще ярче, выразительнее представлял бы собою законченную композицию на тему о социальных контрастах Индии.

Хотя этюдом я пока очень недоволен, все же чувствую сегодня некоторое удовлетворение, так как работал почти четыре часа внимательно и напряженно. Построил и прописал все лачуги; фигуры людей не начинал, рассчитываю завтра поработать над ними.

Несмотря на то что мое появление было событием для населения квартала, как ни странно, мешали мне меньше, чем я ожидал. Я устроился в тени, под навесом почтового отделения, около багажных весов. Таким образом, «тыл» у меня был защищен, главное же то, что я находился, как-никак, на территории учреждения. Мужчин в лагере было мало, и они все, конечно, пришли и сидели за моей спиной. Поэтому ни одна женщина не подошла. Так что осаждала меня только детвора, которую взрос-

УЛОЧКА В ИНДИЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ. 1952

лые сами отгоняли. На утоптанной глиняной площадке между палатками играли дети. Некоторые из них заботливо и терпеливо нянчили младенцев. Тут же женщины на подстилках месили тесто, делали и сушили на солнце лапшу. Проехала мимо тонга с индийскими девушками. Маленькая мартышка прицепилась к подпорке навеса, и я видел, как извозчик безуспешно пытался ее согнать, пугая взмахами кнута. Бесплатный пассажир продолжал кататься, зная, что никто его не ударит.

На следующий день я продолжал писать этот этюд. Очень строгая и сложная гармония многочисленных серых оттенков палаток, чуть розоватой глинистой земли и светлого, почти белого неба требовала большого внимания к цвету, чтобы не впасть в мутную, белесую или грязную живопись. Кроме того, фигуры женщин и детей, которые должны были заниматься каждый своим делом, тоже трудно давались, так как не позировали, переходили с места на место и то и дело исчезали вовсе из поля зрения.

Работая, я все время вспоминал свои юношеские этюды. Казалось, что равные юрты дореволюционного бедняцкого киргизского аула с их населением перенесли и поставили на одной из улиц старого Ташкента...

Уточняя сложный, еле уловимый цвет раскаленного добела неба, я вспомнил, как часто приходится слышать от некоторых критиков требование пресловутого темно-синего, ультрамаринового неба в картинах, изображающих Восток. Это всегда раздражало и меня и моих товарищей, коренных среднеази-

атских художников, постоянно наблюдавших в природе обратное: тем бледнее небо, чем жарче климат.

Вспомнилось, как летом 1922 года, будучи в Самарканде, еще девятнадцатилетним студентом я впервые слышал, как местные художники зло высмеивали приезжих из России живописцев за то, что те изо всех сил старались, вопреки действительности, усиливать синеву неба, яркость зелени и писали пейзажи, нисколько не похожие на природу Средней Азии. Вывод о том, что природа Средней Азии не только не красочнее, как принято почему-то считать между людьми, не видевшими ее, а, наоборот, сдержаннее, бледнее по цвету, чем, скажем, природа средней полосы России, это наблюдение я проверял в течение тридцати лет, и всегда оно подтверждалось. Подтвердилось оно и в Индии. Уже в Дели, в описываемый момент, я обратил внимание на то, что пишу четвертый пейзаж, и все они — с белыми небесами... Не только ультрамаринового и темно-синего, но даже обыкновенного голубого неба я к тому времени в Индии не видел. А было ведь еще прохладное время года — был всего только март месяц... Что же в мае, июне? Наблюдение среднеазиатских художников, что сильное солнце и жара выбеляют и нивелируют все цвета в природе, было безусловно правильным, и не только в отношении Средней Азии, но и в отношении Индии.

По-видимому, небо более или менее интенсивной голубизны бывает в Индии (и то только в центральной и северной, то есть в континентальной части ее) в самое сухое и прохладное время года, а именно, в декабре, январе и иногда в феврале. В это время, очевидно, и на-

писаны Верещагиным такие этюды, как «Тадж-Махал», да и в нем синева неба кажется темной от соседства с белоснежным мрамором мавзолея. В остальные, жаркие месяцы ни голубым, ни тем более темно-синим небо в Индии не бывает и быть не может.

Откуда же взялось столь распространенное мнение, что природа стран Востока как-то по-особому «красочна», «ярка», «пестра» и т. п.? Это мнение, а вернее, заблуждение укоренилось настолько, что иные художники, даже видя в натуре нечто противоположное, своим глазам не верят, а верят этому привычному предрассудку и пишут сознательно не так, как видят, а так, как «положено» для Востока, и тем самым еще больше утверждают ложное представление.

Мне кажется, что это недоразумение происходит, во-первых, оттого, что многие путают красочность природы с *красочностью быта*. Действительно, многие народы Востока в одеждах и обстановке жилья проявляют любовь к декоративности, цветистости. Поэтому сцена с участием людей Востока большею частью действительно будет очень красочной, насыщенной и даже пестрой. (Выражения «пестрая восточная толпа» и «пестрый, красочный Восток» как раз правильны, хотя и избиты не меньше, чем «темно-синее небо».) Невнимательные же люди перенесли эту «пестроту» и на природу.

Во-вторых, недоразумению этому способствовало, по-моему, неправильное отождествление понятий «яркость света» и «яркость цвета». Помню, как на одной из дискуссий некий горе-критик, требовавший от художников Узбекистана, как полагается, «ультрамаринового»

неба и «яркой красочности» природы, доказывал, что в «природе Узбекистана» все краски ярче, так как солнце там ярче, чем в средней полосе России.

— Но ведь яркость света как раз убивает силу цвета, высветляет, выбеляет его! — возражал ему один из художников.

— Что вы чужь говорите! — возмутился «искусствовед» и не захотел ничего понять...

Он продолжал наивно думать, что чем ярче освещен предмет, тем «ярче», то есть интенсивнее будет его цвет, не подзревая, что в действительности дело обстоит как раз наоборот. Он продолжал считать, что для передачи более яркого солнечного света художник должен употреблять и более «яркие», то есть интенсивные краски, не догадываясь, видимо, о том, что картина, написанная чистыми, цельными красками, вовсе не будет передавать освещения, так как будет декоративной.

Понятно, казалось бы, что для передачи более сильного света (освещения) нужно употреблять и более *светлые* краски. А чем мы любую данную краску делаем светлее (то есть чем больше ее разбавляем), тем она становится бледнее — этого может не знать только тот, кто сам никогда красок не смешивал. Следовательно, одно из двух: или «яркость», то есть интенсивность красок, или «яркость», то есть интенсивность света, освещения, в картине.

К сожалению, немало людей, которым лень продумать до конца эти простые вещи, и они, поучая, часто путают художников. Из-за этой путаницы понятий и, следуя привычному ложному представлению, пишется много «восточных» и «южных» пейзажей нарочито

«красочных», а вернее, крашеных и фальшивых, так как в них из-за стремления соединить эти два взаимоисключающих момента нет (да и не может быть) ни того действительно слепящего света, ни того прозрачно-серебристого, отнюдь не пестрого колорита, которые характерны для природы стран, опаленных знойным южным солнцем.

* * *

Однажды вечером устроена была встреча и беседа наша с художниками Дели. Она проходила тепло, душевно и непринужденно, тем более, что со многими из художников мы были уже близко знакомы.

Жадная любознательность наших друзей была ненасытна — обо всем они расспрашивали, все им хотелось знать: и как продают свои картины советские художники, и как их оплачивают, и имеют ли наши художники собственные мастерские, и кто в СССР может получить художественное образование. Рассказы наши о жизни и работе советских художников слушались с напряженным вниманием и производили большое впечатление.

Особенно сильное впечатление на художников Дели произвело сообщение о том, что в СССР существует Художественный фонд, располагающий большими средствами для творческой и социально-бытовой помощи художникам (творческие командировки, приобретение произведений, конкурсы, заказы, строительство и ремонт мастерских, медицинское обслуживание художников и их семей, санатории, дома отдыха и дома творчества для художников и т. п.), а также то, что государство на закупку

произведений искусства ежегодно ассигнует миллионы рублей.

— Для вас созданы идеальные условия, — с восхищением говорили художники, многие из которых для заработка служили кто на парфюмерной фабрике, кто в типографии, кто в конторе.

— Вы приехали из страны чудес! — с улыбкой говорили другие.

Со своей стороны, мы возражали, что «страной чудес» у нас издавна принято называть Индию...

В конце беседы наши гостеприимные хозяева пригласили нас принять участие в экскурсии по окрестностям Дели, которая была назначена на следующий день.

На другой день рано утром подкатил автобус, из открытых окон которого выглядывали приветливо и весело улыбающиеся лица наших друзей.

Сперва мы остановились у соборной мечети Джама Масджид. Внутри мечети под открытым небом оказалась огромная площадка для молящихся, вымощенная гранитными плитами и лишенная каких-либо украшений. Вообще эта мечеть произвела впечатление строгое, даже суровое. Никаких излишеств.

По улицам, ослепительно сверкавшим на солнце, мы покатили через Старый Дели к месту кремации Ганди. За чертой города мы вышли из машины и очутились на территории мемориального парка, который в это время благоустраивался и озеленялся.

Мы подошли к огромной прямоугольной мемориальной плите и возложили венки. Тут же нас познакомили с архитектором проекта будущего памятника. Он рассказал нам о своем замысле и о ходе работ по его осуществлению.

Оттуда нас повезли к усыпальнице императора Хумаюна — отца Акбара. Это замечательное архитектурное сооружение XVI века произвело на меня сильное впечатление своими мощными массами, гармонично сочетающимися в пространстве, тяжелыми, большими формами, обогащенными мельчайшими украшениями. Побродили мы по пустынным пыльным переходам и закоулкам, в которых, казалось, притаилось далекое прошлое, полазили по наружным выступам мавзолея, полюбовались открывающимися оттуда далями и поехали к знакомому уже Кутб-Минару.

Знаменитый минарет снова предстал перед нами, и снова мы любовались, запрокинув головы, этой уходящей далеко в небо и как будто падающей башней, похожей на колоссальный обелиск. Снова я восхищался обломками древнего храма с их чудесными барельефами. Пройдя площадку с известной железной колонной, «приносящей счастье» тому, кто обхватит ее руками за своей спиной, мы нашли в саду за минаретом уютный уголок и, раскинув огромный ковер, расселись и разлеглись на нем в кружок на траве в тени деревьев.

На ковре появились закуски и прохладительные напитки, тут и там послышались шутки и смех. Художник Бадри, усевшись по-индийски, сложил ноги непостижимым образом (как в изображениях Будды), показал несколько примеров невероятной гибкости тела, какие показывают в Индии уличные факиры и акробаты. Молодежь резвилась и дурачилась. Те из нас, кто захватил с собой альбомы и краски, пытались делать наброски, но оживленный разговор, раскаты смеха и всеобщая несерьезность не способствовали работе. Незабываемо воспоминание об этом дне, проведенном в окрестностях Дели. Ничего особенного, казалось бы, в этот день не происходило: мы вместе ездили в автобусе и осматривали памятники древности, потом мы в тени деревьев на ковре закусывали. Потом отдыхали, шутили, фотографировались. Вот и все. Но за эти часы мы еще сильнее почувствовали теплоту дружбы наших индийских друзей, и еще больше открылись навстречу ей наши сердца.

Вечером того же дня мы в такси, нанятом на девять дней, выехали для творческой работы в Джайпур.

ПО ДОРОГЕ В ДЖАЙПУР

До Агры мы ехали ночью. Ночь эта была лунная, светлая, но придорожные деревья, деревенские домики и живые существа, пронесившиеся мимо окон машины и укутанные голубоватым светом, были полны неясности и тайны.

В Агру мы приехали в двенадцатом часу ночи и, наскоро устроившись в отеле, поехали смотреть прославленный Тадж-Махал при луне, ибо считается счастливым тот турист, которому повезло увидеть это чудо в лунном освещении. Впечатление от этого посещения тогда же было записано в дневнике. Вот эта запись:

*Из дневника 9 марта
Агра*

Город спал. Южная ночь с темным небом, униженным крупными мерцавшими звездами, была объята тишиной. Бело-снежный мраморный мавзолей, как сказочное видение, стройно возвышался, украшая собой эту и без того прекрасную ночь. Словно охраняя гробницу, неподвижными часовыми стояли у подножия ее ряды стройных черных кипарисов.

Построенный в память любимой жены императора Шах-Джехана, мавзолей Тадж-Махал своей красотой похож на невесту. Очарование ли лунной ночи и тишины или красота мавзолея создавали это поэтическое настроение (скорее всего гармоническое сочетание того и другого), но обаяние этой картины действительно было велико.

Внутренность усыпальницы нам показали два мусульманина в белых тюрбанах со старинными фонарями в руках. Внутри впечатление было еще сильнее.

Где-то далеко сверху, в темноте пропада-
л невидимый свод. Роскошная отдел-
ка смутно мерцала при слабом колеб-
лющемся свете фонарей. Старик му-
сульманин, рассказывая вкратце исто-
рию создания мавзолея, подвел нас к
надгробию царицы, сверкавшему и
вспыхивающему в полутьме.

Говоривший до сих пор шепотом старик
упомянул о чудесной акустике здания
и вдруг сильным тенором взял высокую
ноту и протянул ее 3—4 такта. После
того как он умолк, звук его красивого
голоса, еще более чистый и прозрач-
ный, где-то высоко под невидимым ку-
полом звенел в продолжение шестна-
дцати секунд, постепенно замирая.

На краю пышного надгробия были раз-
ложены кисточки белых ароматных
цветов, похожих на нашу черемуху.
Старик преподнес всем нам на память
по кисточке, и мы, невольно заражаясь
настроением, овеянные дыханием XVII
века, бесшумно шагая и говоря шепотом,
тронулись к выходу.

Мы вернулись в гостиницу.

Впечатления дороги, и в особенности от
посещения Тадж-Махала, не позволили
сразу заснуть, и я размышлял о мно-
жестве вещей.

Вспомнилась опять книга Франсуа
Бернье, служившего в течение девяти
лет у императора Аурангзеба, сына того
самого Шах-Джехана, который построил
Тадж-Махал в память своей жены Мум-
таз, умершей от родов. Сам Шах-Дже-
хан был при Бернье еще жив, но, от-
страненный от власти сыном Аурангзе-
бом, жил заключенным в своем дворце
в Агре.

В этой книге воспоминаний Бернье, в
частности, пишет и о Тадж-Махале, ко-
торый тогда только что был закончен.

Популярность Тадж-Махала исключи-
тельна: все о нем слышали или читали,
все мечтают его увидеть. В чем же се-
крет этой популярности? Ведь художе-
ственные достоинства его хотя и несом-
ненны, все же не выше достоинств мно-
гих других памятников в Индии, кото-
рые, тем не менее, почему-то лишены
такой популярности?

На другой день мы встали рано и, на-
скоро позавтракав, прежде чем продол-
жать свой путь в Джайпур, поехали
снова к Тадж-Махалу, чтобы при днев-
ном свете еще раз взглянуть на него.

Чистота и порядок на территории Тадж-
Махала образцовые. Сам мавзолей то-
же чистенький, как будто только что
вымытый. Руслó реки Джамны, проте-
кающей по ту сторону у самых стен
мавзолея, было совершенно сухо, так
что того вида на Тадж-Махал, отра-
жающийся в реке, который изображен
Верещагиным, не было: храм отражался
только в мелком искусственном бассей-
не с кипарисами со стороны входа.

Снова мне представились самарканд-
ские медресе, я невольно сравнивал
Шах-и-Зинда, Биби-Ханым и Улугбек
с Тадж-Махалом, и мне казалось, что
более ранние сооружения Самарканда
(XV и XVI веков), влиявшие, вероятно,
на архитектуру более поздних му-
сульманских построек в Дели и Агре,
в художественном отношении не усту-
пают Тадж-Махалу. Шумная слава по-
следнего, я думаю, объясняется тем,
что красота его более понятна европей-
ским туристам, которые сильно содей-
ствовали этой славе.

Позднее, познакомившись с такими ше-
деврами индийского творчества, как

пещерный храм на острове Эльфанта и другими, я убедился, что, действительно, еще более совершенные памятники Индии не так широко известны за ее пределами, как Тадж-Махал, видимо, в силу их своеобразия.

* * *

Купив на базаре Агры бананов и мандаринов на дорогу, мы тронулись на Джайпур.

Машина понеслась по шоссе, обсаженному с обеих сторон огромными деревьями, обгоняя то пешеходов с ношами на головах, то караван верблюдов, то двухколесную повозку с парой волов. По сторонам шоссе чередовались поля каких-то посевов, деревья и выжженные солнцем пустыри со вспаханymi глинистыми полосами.

К одиннадцати часам в нагретшейся на солнце машине стало так душно, что только с открытыми для сквозняка окнами можно было в ней ехать. Шоферу часто приходилось объезжать целые семейства марышек, игравших посреди шоссе и не обращающих никакого внимания на мчащуюся на них машину. Кроме обезьян, по дороге попадалось множество птиц: павлины, грифы, вороны и другие. Все они преспокойно разгуливали между людьми, работавшими на полях, нисколько их не опасаясь.

Пейзаж по дороге Агра—Джайпур мне определенно не понравился. Он какой-то «бородавчатый», как я его определил, странный какой-то, как будто после пожара и страшной засухи. Сезон, правда, был засушливый, да и близость пустыни Тара сказывалась. Впечатление «бородавчатости» создавали беспорядочно разбросанные одинокие де-

ревья, пестревшие на серо-желтой земле темными круглыми пятнышками. Воздух пыльный, небо белесое.

Попадались поля пшеницы, начинающей желтеть, в другом месте на току молотили каменным катком какие-то злаки, в третьем — поливали ярко-зеленое поле при помощи колеса, движимого волами.

Это непривычное и непонятное состояние природы, когда не поймешь — весна, лето или осень, почему-то очень беспокоило меня, так же, как беспокоила всегда потеря ориентации в отношении стран света на новом месте. Бывало, пока не привыкну, все мне кажется, что солнце всходит на юге или севере, и не могу войти в нормальную колею. Много индийских селений и деревушек промелькнуло мимо нас, когда мы с В. П. Ефановым решили, что нельзя упустить случая написать по этюду, оставившись в какой-либо из них.

Так мы и сделали. Мы остановились в одной маленькой деревушке, стоявшей на шоссе, и, взяв краски, разошлись на поиски мотивов.

Обойдя все закоулки деревушки, я уселся на своем походном стульчике посреди узенькой кривой улочки, извивавшейся между глинобитными стенами крестьянских домиков с соломенными кровлями, почерневшими от времени и дождей, и начал набрасывать этюд. Скоро вокруг меня собралась небольшая толпа. Первой, конечно, пришла детвора, вскоре к детям присоединилось несколько женщин с детьми.

ПОДМЕТАЛЬЩИЦА ИЗ КАСТЫ
«НЕПРИКАСАЕМЫХ». 1952

Со стоявшими сзади меня я уж готов был примириться — ничего не поделаешь. Тех же, что становились передо мной и закрывали собою вид, я всякий раз жестами и мимикой просил посторониться. Зрителей собиралось все больше, вновь пришедшие, как правило, останавливались против меня, не догадываясь, что мешают, и каждому я жестами растолковывал это, так что рукам моим больше приходилось жестикулировать, чем работать.

Вдруг по команде пожилой крестьянки, стоявшей за моей спиной с ребенком, вся детвора выстроилась передо мной плечом к плечу и плотной стеной закрыла от меня мой пейзаж. Я пробовал, как умел, уговорить их разойтись и дать мне работать, но они только улыбались и не трогались с места. Только старуха не улыбалась, а когда я повернулся к ней, она посмотрела на меня с ненавистью и отвернулась.

Я понял, что работать мне больше не дадут, и, сложив свой инвентарь, обиженный и расстроенный пошел к машине. Этюд был начат неплохо.

Проходя мимо В. П. Ефанова, я увидел, что он спокойно работает, а возле него, сидя и лежа, расположились четверо крестьян, и ни детей, ни женщин около не было. Я справился, долго ли он еще намерен работать.

— Да с часик еще поработаю. А ты что так скоро кончил?

Я рассказал, что приключилось.

— Странно, — горестно добавил я, — тебе не мешают, а мне сорвали работу.

Я решил попытаться снова наладить сорванную работу — очень уж обидно было. Такой типичный деревенский мотив, так удачно был начат... Я попро-

сил переводчицу и нашего шофера-индийца пойти со мной объясниться с крестьянами. Подойдя втроем к крестьянам, окружавшим Ефанова, мы стали беседовать с ними посредством двойного перевода: с русского на английский и с английского на индийский. Мы спросили, почему они не мешают работать одному художнику, а другому на той улице сорвали работу? — Но это же русский художник, — отвечали нам крестьяне.

— И этот тоже русский. Мы все вместе приехали.

Я видел, как при этих словах быстро изменилось выражение лиц крестьян... В их глазах засветился знакомый уже мне ласковый свет дружеской симпатии. — На той улице этого не знали и приняли его за англичанина, — сказали они улыбаясь. Передайте ему наше извинение и скажите, что мы просим его продолжать работу. Никто больше не будет ему мешать.

Я вернулся и снова уселся на старом месте, хотя и был уверен, что взвинченное состояние не позволит мне сделать ничего стоящего.

Зрители снова собрались вокруг меня, но двое молодых мужчин, пришедших со мной и усевшихся рядом, командовали и объясняли что-то ребятам, а вся толпа чинно стояла сзади и по сторонам. Я стал успокаиваться и входить в работу.

А добровольные помощники мои зажигали спичку, когда я брался за сигареты, подавали оброненную тряпку и всячески старались выразить мне свое внимание и симпатию. Настроение мое поднималось с каждой минутой, и работа снова пошла хорошо. На вновь подходивших и на возвращавшихся с поля

они грозно кричали, и те начинали жаться к стенам, чтобы не помешать мне.

Настал полдень, на улочке появлялось все больше крестьян и крестьянок, возвращавшихся с поля на обед. У большинства на голове помещался сноп ботвы, травы или тростника с воткнутым в него серпом. Я обратил внимание на то, что в облике этих людей есть новые черты, отличающие их от тех индийцев, которых я уже знал.

Черты эти были чисто крестьянские, и свойственны они, кажется, всем крестьянам мира. Эти люди, как мужчины, так и женщины, были гораздо крупнее, плотнее и здоровее горожан. Они были также более молчаливы, медлительны и степенны, как все крестьяне. В их движениях была какая-то чисто крестьянская тяжёловатость, граничащая с неуклюжестью или неловкостью.

Это резко отличало их от городских индийцев, большую часть худых и ловких, нервных и подвижных. Земля, как и профессия, накладывает свой отпечаток на людей. И в Индии и в Италии шофера легко узнать по его грубоватой надменности, монтера по молчаливости, ученого по его вежливости, а художника по простоватости. Еще легче узнать крестьянина по его медлительности и кажущейся неловкости.

Этюд был готов, но мне было жаль, что люди, сидевшие сначала в глубине улицы в тени, ушли со своего места, присоединившись к зрителям, и улочка на моем этюде получилась совсем безлюдная. Очень хотелось вписать хотя бы одну фигуру.

В нашу сторону шла девочка лет тринадцати в оранжевом покрывале поджайпурски и с ребенком на руках

(вернее, на бедре, как в Индии принято носить детей). Волнуясь, я стал кричать ей и в то же время объяснять своим помощникам, чтобы она остановилась в некотором отдалении от меня и постояла там.

Уж не помню, какими словами и жестами я объяснил свое желание, но, как это ни странно, оно было понято моими новыми друзьями и с их помощью выполнено; девочка стояла на месте минут двадцать, пока я сам ее не отпустил.

Довольный тем, что работа не сорвалась, а еще больше тем, что с крестьянами поладил таким чудесным образом, я попрощался и, насвистывая, пошел к машине, хотя пот лил с меня ручьем, рубаха была «хоть выжми» и сердце громко и часто стучало от двухчасового сидения на жгучем припеке.

Пока укладывались и усаживались, я прошел на другую сторону шоссе, к колодцу и полюбовался красивейшей жанровой сценкой: как джайпурские девушки ходят с кувшинами за водой. Девушка приседает на корточки, и подруга ставит ей на голову большой круглый глиняный кувшин с водой, на него ставится второй, а иногда и третий. Потом девушка выпрямляется, как колонна, и, сохраняя баланс, ждет, пока ее подруге таким же образом поможет третья девушка. После этого они группами по двое, трое или четверо, смеясь и весело болтая, идут домой. Яркие одежды с широкими пластичными складками, смуглые юные лица с ослепительными улыбками и гармоничная, чисто скульптурная группировка их глубоко запали мне в душу.

«Вот еще сцена, которую хорошо бы написать», — думал я, садясь в машину.

ДЖАЙПУР

Вот, наконец, и Джайпур, о котором мы столько слышали.

Город окружен цепью скалистых гор, по хребту которой извивается мощная крепостная стена с башнями и бойницами. Эта стена и множество крепостей как на горах, так и в самом городе свидетельствуют о беспокойном прошлом Раджастана.

О воинской доблести предков говорит и горделивая независимая осанка рослых, статных джайпурцев в голубых, розовых, оранжевых, красных, зеленых тюрбанах.

Своеобразны архитектурные ансамбли Джайпура со знаменитым Дворцом магараджи, Дворцом ветров, крепостными воротами и древними храмами.

Но как ни красивы, как ни интересны памятники старины, меня больше привлекали, как всегда, улицы и переулки с живыми людьми, с их сегодняшней, реальной жизнью. Если правда, что, не зная прошлого того или иного народа, его истории, нельзя до конца понять этот народ сегодня, то тем более нельзя понять и узнать народ по одним только памятникам древности. Поэтому мне странно было видеть два года спустя, уже в Москве индийский документальный фильм о Джайпуре, весь посвященный этим памятникам и фрагментам прошлого и почти вовсе не показывающий сегодняшний Джайпур, его население в быту, в труде, на улице. А между тем улицы эти, где протекает значительная часть жизни населения, — неповторимое и незабываемое зрелище. Центральные улицы Джайпура довольно прямые и широкие, узкие же и душные переулки представляют собою как бы олицетворение старого Востока. Миниатюрные лавчонки, похожие на стен-

ные шкафы с едва вместившимися в них хозяевами с поджатыми ногами, пешеходы, задевающие друг друга плечом, корова, перегородившая собою весь переулок, неожиданные повороты и тупики, пряные и острые запахи и вспыхивающие тут и там в полутьме разноцветные пятна одежд.

Уличная толпа в Джайпуре своею красочностью превосходит всякое воображение. В сочетаниях самых разнообразных и самых неожиданных текут лимонно-желтые, оранжевые, сиреневые, пунцовые, голубые, малиновые, изумрудно-зеленые, золотисто-охристые, коричневые, огненно-красные одежды. Платье джайпурской женщины совершенно не похоже на сари, принятое почти во всей остальной Индии. Оно состоит из широчайшей, пышной юбки со множеством сборок, похожей на цыганскую, короткой кофточки с короткими рукавами, оставляющей открытой часть живота, и огромного покрывала, почти всегда желтого или оранжевого. В это покрывало женщина драпируется очень красиво и множеством различных способов, то лишь накинув его, то закутываясь в него целиком. Замечательно красивые, пластичные складки образует это покрывало на движущейся фигуре — целое богатство разнообразных складок.

Мужчины также одеваются в Джайпуре более цветисто, чем в Дели: тюрбан, как правило, всегда цветной и, кроме того, рубахи часто цветные. Только дхоти всегда белые.

Мы приехали в Джайпур накануне праздника весны «Холи». Когда мы уторм садились в машину, чтобы ехать знакомиться с городом, служащие отеля посоветовали нам отложить поездку.

— Сегодня вам нельзя ехать по городу.

— Почему же?

— Обольют.

— Кто обольет? Чем? Почему?

— Красками.

Оказалось, что во время праздника весны принято обливать друг друга, прохожих и проезжих разведенными в воде красками.

— В особенности толпа любит обливать иностранцев, так что лучше вам сегодня не ездить.

Конечно, это только подогрело наш интерес.

— Закройте же, по крайней мере, окна машины, — кричали нам вслед.

Попробовав закрыть окна, мы убедились, что жара и духота в машине, успевшей, несмотря на ранний час, накалиться на солнце, были невыносимые, и снова опустили окна с одной стороны. — Ничего, пока... успеем еще закрыть, — говорили мы, выезжая из ворот отеля на окраине города.

Но не успели мы въехать в улицу, как через открытое окно нас окатили голубой краской...

Закрыв все окна, мы ехали по улице сквозь веселящуюся толпу джайпурцев. Разноцветные потоки красок стекали по нашей машине, не причиняя нам вреда, и мы спокойно наблюдали происходившее.

И без того красочная толпа была на этот раз еще больше насыщена красками: сотни ведер голубой, синей, зеленой и красной красок были вылиты на одежды и на головы прохожих. Мало того: разыгравшиеся, как дети, джайпурцы раскрашивали себе лица в самые дикие цвета. Один, например, высыпал с фунта изумрудно-зеленого порошка себе в волосы, а лоб вымазал огненно-крас-

ной киноварью и в одежде, облитой уже не однажды синей, малиновой и зеленой красками, отплясывал с друзьями, разукрашенными в этом же роде.

Толпы раскрашенных, пестрых, смеющихся джайпурцев двое суток ходили по городу с музыкой, песнями и танцами, таская за собой ведра и самодельные насосы-брызгалки, кастрюли, банки и кувшины с красками, обливая друг друга, встречая весну.

Пересекши веселящийся город, мы помчались к древней крепости Амбер в окрестностях Джайпура, а полюбовавшись ею, к так называемому «храму обезьян», о котором все туристы, побывавшие в Индии, рассказывают так охотно и подробно.

Обезьян в этом «храме» и его окрестностях действительно очень много, действительно они нахально окружают туристов, требуя подачки, но ничего интересного в этом я не увидел, может быть, потому, что мысли мои были заняты другим.

Возвращаясь из этой поездки, я мучительно думал о том, каким образом устроить, чтобы начать работать хотя бы с завтрашнего дня.

Все казалось мне интересным: люди, лавки, базары, общий вид города и вид улиц с толпой, но как устроиться писать этюд? О людях пока нечего и думать — они проходят мимо, занятые каждый своим. Хорошо бы начать с улицы, с городского вида. Но писать такой вид нельзя иначе, как с балкона. Итак, чтобы завтра начать хоть что-нибудь и как-нибудь, сегодня же нужно договориться о балконе. Во второй половине дня мы поехали втроем с переводчицей искать такой балкон, благо, их много в Джайпуре.

Один большой дом был опоясан террасой. Квартира на третьем этаже, хозяин которой любезно содействовал нам, не имела почему-то другого выхода на эту террасу, кроме небольшого окна. И нам всем, включая переводчицу, пришлось вылезать через это окно. Толпа, собравшаяся на улице при выходе нашем из машины, разрослась до того, что мешала движению уличного транспорта. Эта толпа с интересом наблюдала за тем, как мы появились в окне и спрыгнули на террасу.

Оттуда открывался вид на две стороны: на переулок, упирающийся в гору с дворцом и крепостной стеной на ее гребне, и на базарную улицу.

Другой балкон, где нам в конце концов тоже разрешили работать, был в доме призрения вдов. Против него было какое-то длинное старое здание с ярко-красным фасадом, за ним подымался конической формы индуистский храм. Перед зданием на тротуаре стояло огромное старое дерево, в тени которого прохлаждались две коровы мышиного цвета. Эти два мотива — далеко не самое интересное из увиденного за первый день нашего пребывания в Джайпуре — все же были «синицами в руках». Дней терять нельзя было, так как их оставалось в нашем распоряжении уже только семь.

* * *

На следующее утро мы должны были начать писать с большой террасы, но на улице творилось такое столпотворение, что выходить из машины в городе нечего было и думать. Веселье и обли-

НА УЛИЦЕ ДЖАЙПУРА. 1952

вание проходили еще более бурно, чем накануне. Изменив свой план, мы поехали за город, к крепости Амбер. Там мы разделились: я остался у крепости, а Ефанов поехал к «храму обезьян».

Я устроился в тени под стеной, отделяющей шоссе от глубокого высохшего русла реки, с расчетом не быть видимым с шоссе, проходившего почти над моей головой. Эта предосторожность была не лишней: по шоссе время от времени проходили группы веселящихся с ведрами и кувшинами...

Тишина и безлюдье, окружившие меня, сперва показались мне не менее «страшными», чем уличная толпа. Но, увлекшись работой, я забыл обо всем.

По ту сторону русла реки, на высоком холме, опоясанные крепостной стеной, высились мощные дворцовые стены цвета слоновой кости. Утреннее жаркое солнце заливало их потоком золотистого света, и небо за этими белыми стенами казалось интенсивно-голубым. Впервые я видел в Индии голубое (но далеко не ультрамариновое) небо.

И это объяснялось очень просто: во-первых, было все-таки утро (хотя и не раннее, правда); во-вторых, в поле моего зрения попадал участок неба, расположенный против утреннего солнца; в-третьих, интенсивность его цвета усиливалась от контраста к ослепительно белым стенам и, наконец, в-четвертых, это был участок неба, довольно далекий от горизонта, ближе к зениту. Желая проверить себя, я посмотрел на юг и юго-восток и увидел, что там небо было почти совершенно белым, а темная листва деревьев, рисовавшаяся на его фоне, еще усиливала эту белизну. Крепость Амбер многое видела на своем веку. Оставшись с нею «с глазу на

глаз» и окруженный тишиной, я погрузился в работу, «прощупывал» глазами каждую башенку, каждую впадину и выступ старинного сооружения. Строгая и величественная архитектура в сочетании с замечательно красивым местоположением представляла собою прекрасный ансамбль. Дыханием далекого прошлого повеяло на меня, и в воображении стали возникать красочные сцены жизни благородных джайпурских патриотов. Вдруг пронзительный, дикий крик над головой заставил меня вздрогнуть. Обернувшись, я увидел огромную старую обезьяну, сидевшую на стене надо мною, гневно смотревшую на меня и время от времени издававшую резкий, противный крик. Она была явно недовольна моим вторжением.

Попробовал я прогнать ее криком и взмахом руки, но не тут-то было: еще больше возмущалась и негодовала она, и я решил молчать. Продолжая работать, я искоса с опаской наблюдал за нею, пока она, взвизгивая и по-хозяйски ворча, не удалилась восвояси.

Короткая тень от стены давно исчезла, этюд мой был залит ослепительным солнечным светом, и это меня очень огорчало, так как означало, что дома этюд мог оказаться грязно-серым и темным и, следовательно, весь мой труд пропасть даром.

Но тени взять было негде, а бросать этюд — жалко, и я продолжал писать до тех пор, пока тени на крепостных сооружениях не перешли на противоположную сторону.

Этим первым джайпурским этюдом я не был доволен, хотя нужно сказать,

что за один сеанс сделано было много. А почему он мне не нравился, я и сам не знаю: все в нем как будто правильно, и закончен он был больше многих других этюдов, а чего-то в нем не хватало, какой-то «изюминки».

В этот день, к моей досаде, работать с балкона так и не удалось.

Вечером мы пошли побродить. Весь город был на улице. Пляски, песни, музыка, процессии. Карнавал, да и только. Обливания уже не было.

На небольшой площадке между домами прямо на земле сидели кружком человек триста и слушали выступление военного духового оркестра, исполнявшего индийские мелодии.

В тесном кривом переулочке, где на каждом шагу были лампы, фонари, остановились у одной из лавок, торговавшей бетелем, сладостями, ароматными курениями, орехами и всевозможными другими товарами. Кучка покупателей толпилась у прилавка.

— Смотрите, какая прелестная голова! — вскрикнул я, показывая на улыбающегося юношу в голубом тюрбане. — Вот кого я с удовольствием написал бы!

— А мы его сейчас спросим, — отвечал наш секретарь делегации, знающий немного английский, и заговорил с юношей. Молодой человек и его друг постарше, узнав, что мы советские художники, приветливо и радушно пригласили нас к себе. Они оказались студентами и жили поблизости.

Крохотная комнатка, в которой не было ничего, кроме книг, простого стола и двух стульев, да еще войлока на полу вместо ковра, была настоящей студенческой кельей. На столе тлела ароматическая соломинка, и струйка голубого

дыма наполняла комнату чудесным своеобразным запахом.

Несмотря на слабое знание английского (переводчицы с нами не было), мы просидели у этих славных юношей весь вечер, делая с них карандашные наброски и толкуя о том и о сем. Любопытные студенты без конца расспрашивали нас о нашей стране, о жизни студентов и молодежи, о советской науке и искусстве, и наш секретарь делегации, потев, практиковался в английской речи, пока мы рисовали.

Несколько вечеров подряд ездили мы к своим новым знакомым уже с красками и написали там несколько этюдов. Я писал своего обаятельного юношусикха в голубом тюрбане, а Ефанов — приглашенных хозяевами джайпурцев в национальных костюмах.

* * *

С террасы удалось начать писать только на третий день пребывания в Джайпуре. Этот день мне особенно памятен, так как дал еще одно доказательство милого, доброго и ласкового нрава индийцев и их сердечного отношения к советским людям.

В десять часов утра мы приехали к дому с террасой и, проникнув на нее через окно квартиры, стали работать. Я начал писать очень понравившуюся мне узкую улицу, упиравшуюся в гору с крепостью и белым дворцом на ней и цветистой толпой пешеходов. К счастью, на террасе нашелся кусочек тени, в которой я и расположился.

За моей спиной собралось человек десять мальчиков, высыпавших из окон и дверей, этого и соседнего домов, но они сидели тихо и мне не мешали, возмож-

но, потому, что я отрекомендовался как советский художник.

Скомпоновав и нарисовав карандашом свою улочку, я стал было разбираться в отношениях жемчужных, белых и розоватых домов, лавок, балконов и навесов, пепельно-серого асфальта и сиреневых гор к светлсму, бледно-голубому утреннему небу и тут с ужасом заметил, что короткая тень, в которой находился мой этюд и которая позволяла мне правильно видеть цвета, положенные на полотно, исчезла, и этюд мой заливают ослепительный поток безжалостно жгучих лучей солнца. Я пришел в отчаяние и проклинал свою беспечность в тот момент, когда решил не брать с собой из Москвы зонта. Работа срывалась. Что было делать?

Ни кусочка тени не было на террасе. Времени на долгие размышления не оставалось. Как утопающий хватается за соломинку, так я решил апеллировать к ребятам. Не зная, как сказать по-английски о своем затруднении, я стал жаловаться на жару.

— О, хот! Вери хот! (Ох, жарко! Очень жарко!) — жалобно занул я, обмахиваясь платком.

Ребята с минуту пошептались, и один из них стремглав умчался куда-то. Еще через минуту он уже вернулся с большим черным дождевым зонтом, раскрыл его и стал держать надо мной. Поблагодарив мальчугана и поправив зонт так, чтобы тень падала не на меня, а на этюд, я продолжал работать, горячась и волнуясь, так как боялся, что, утомившись держать тяжелый зонт, мальчик бросит все и сбежит.

Действительно, скоро зонт закачался и задрожал в усталой руке мальчика, но он... передал его другому. Этого сменил

третий. И так ребята, сменяя друг друга, держали надо мной зонт, пока я работал, то есть около двух часов.

Когда тени на домах ушли со своих мест и продолжать работать уже нельзя было, я начал складывать свой инвентарь. Ребята, все время сидевшие молча и внимательно следившие за моей работой, вскочили, окружили меня, заговорили и зашумели. Один из них настойчиво предлагал мне в «презент» джайпурские почтовые марки из своей коллекции. Сколько я ни отказывался, он настоял на своем, и мне пришлось принять подарок, обещав выслать ему советские марки, что я и выполнил впоследствии.

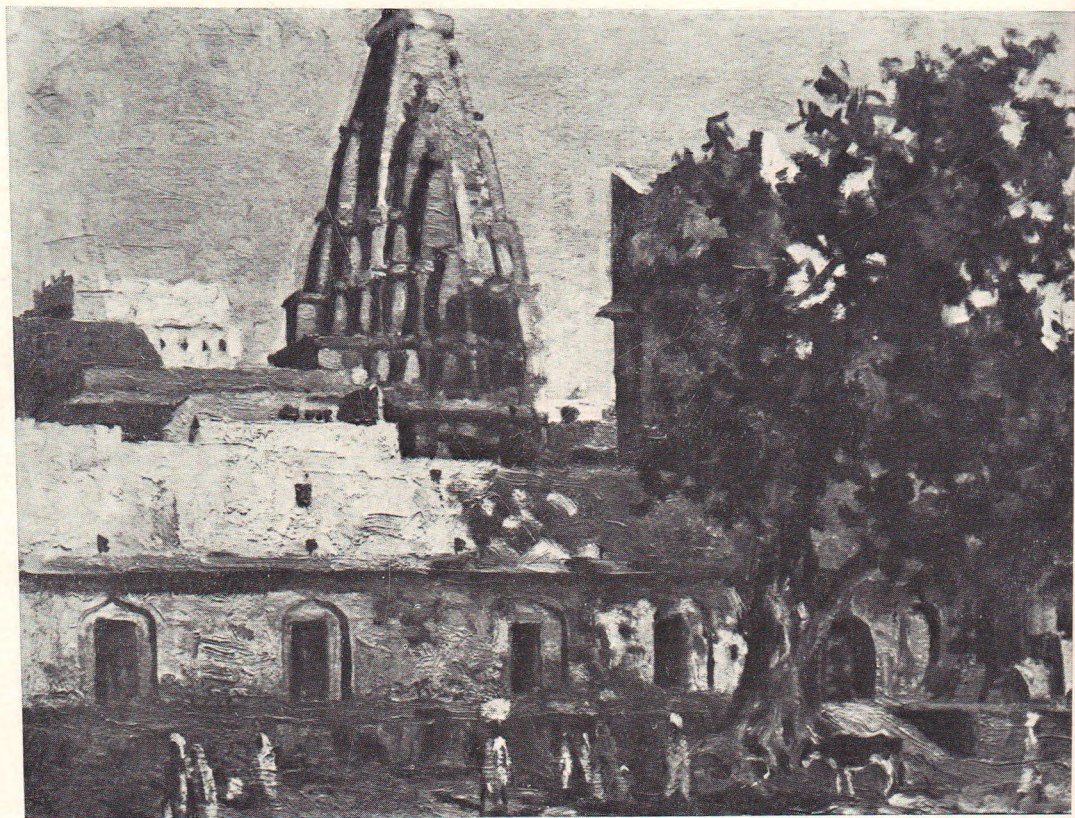
Милые ребята не подозревали, как много сделали для меня, спасши мой этюд джайпурской улицы, им хотелось сделать мне еще что-нибудь приятное.

В этот же день к вечеру я попал и на балкон «вдовьего дома».

Сидевший у ворот старый усатый сторож в красном тюрбане не сразу узнал нас и неохотно повел через комнаты на балкон. Проходя по этим комнатам, лишенным мебели, украшений и уюта, мы увидели закутанных в белые одежды женщин, сидевших на полу тут и там за какой-либо работой, группами и в одиночку. Мертвая тишина: ни разговора, ни шуток, ни смеха не было в доме.

Женщины эти были похожи на какие-то печальные призраки.

Нижняя часть лица у них закрыта картонным щитком. Голова обрита и закутана в покрывало. Вскинув на нас удивленный и испуганный взгляд, они тотчас отворачивались и закрывались. Предупредив, что мы должны будем немедленно удалиться, как только солнце коснется горизонта, старик ушел,

В ДЖАЙПУРЕ. 1952

оставив нас с переводчицей на балконе. Перед нами лежала улица Джайпура, жившая кипучей, горячей и шумной жизнью. Эта жизнь улицы была яркой противоположностью мертвой тишине «вдовьего дома».

В предвечерних лучах солнца алым пламенем горела красная стена, в светлое небо устремлялась верхушка храма, а внизу по затененному асфальту, еще более оживленно, чем днем, сновали бесконечные красочные вереницы пешеходов, извозчиков, велосипедистов, автомашин, повозок.

Парочки и целые семьи шли прогуляться и подышать вечерней прохладой, запыленные и усталые шагали другие с окрестных полей, с построек, из мастерских. Медленно двигались возвращавшиеся с поля повозки, запряженные волами, нагруженные травой или тростником. Продавцы с корзинами на головах кричали, велорикши оглушительно звонили.

Эта восточная симфония красок и звуков была красива своей яркой правдой, как народная песня.

Но как схватить что-нибудь в этом kaleidoscope?

Я работал над пейзажем, а толпу пока только наблюдал и любовался ею, оставляя ее напоследок.

Незаметно пролетели два часа, и бдительный сторож пришел выпроваживать нас.

— Солнце заходит, мастер, прошу вас. А этюд только еще начат...

Четыре дня подряд ездил я во «вдовый дом» и работал там, стараясь выразить своеобразную музыку предвечернего Джайпура.

Таинственная, невеселая тишина стояла в обители несчастных вдов. Ни одной

улыбки я не видел, ни одного громкого голоса не слышал.

Невольно вспоминались жуткие сцены из далекого прошлого Индии, описанные тем же Бернсом, сцены самосожжения вдов вместе с их умершими мужьями. Подобные жестокие обряды, к счастью, давно уже отжили, но некоторые другие обычаи, менее жестокие, но достаточно несправедливые в отношении вдов все еще живут в отсталых слоях населения Индии.

На балконе «вдовьего дома» никто не мешал мне работать: ни солнце, ни люди. Меня там как будто никто не замечал. Один только раз какая-то из его обитательниц не удержалась и выглянула из дверцы на балкон, но, встретившись взглядом со мной, смутилась и скрылась. В ее взгляде было наивное, милое, чисто детское любопытство.

Из дневника 13 марта Джайпур

После обеда писал уличный мотив с красной стеной и древнеиндустским храмом. Сделал мало и боюсь, что за завтрашний, второй сеанс не окончу.

И во время работы, и возвращаясь домой видел множество характерных и прекрасных лиц и фигур. Особенно хороши женщины с детьми. До чего это красиво и трогательно — джайпурская женщина в смугло-сиреневой юбке, малиновой кофте, в бледно-лимонном покрывале, с голеньким младенцем шоколадного цвета на бедре! Но, увы, пока этим захватывающим мотивом только любуюсь издали: организовать себе такую натуру еще не сумел и не знаю, когда это удастся.

Вчера к нам во двор отеля зашла группа бродячих танцовщиц и певиц, очень похожих на цыганок. Одна из них была с ребенком на руках и представляла собою осуществление моей мечты. Договорились, что она будет мне позировать в следующее утро, то есть сегодня. Но она, к сожалению, не пришла, и надежда моя не сбылась.

А мне все больше хочется писать именно этот мотив, очень уж он типичен и содержателен.

Еще хорошо бы написать девушку с кувшином или с корзинкой на голове, освещенную солнцем.

Из дневника 14 марта
Джайпур

Писал с утра девочку во дворе отеля (за отсутствием женщины с ребенком) — тоже очень интересный сюжет, но пока ничего хорошего не сделал, завтра буду продолжать, хотя весь этюд величиной в ладонь. Неудачу сваливаю на то, что опять «зрители» мешали работать. Вечером продолжал этюд улицы с красной стеной и храмом. Опять не кончил и опять недоволен. Такая досада! Ни одного приличного этюда еще не сделал в Джайпуре. А прошло уже четыре дня и осталось всего пять. Отсюда и настроение нервное. Целый день суетишься, волнуешься, стараешься, организуешь и как будто работаешь в конце концов, — а толку пока не видно.

Почему-то здешние этюды получаются у меня белесые, бесцветные. Правда, все те мотивы, которые приходилось пока писать, — очень сдержанные и тонкие по колориту, ничего цветистого, яркого писать еще не приходилось. В город-

ском пейзаже преобладают жемчужные и перламутровые цвета (только фигуры людей, всегда обильно украшающие улицу, вносят пестроту и яркость, но эти фигуры, к сожалению, не позируют, а проходят, и ни схватить, ни вспомнить их потом невозможно). Но в том-то и дело, что перламутровый и жемчужный колорит — это одно, а белесость и бесцветность — другое. «Жемчужности» пока не получается, а мути сколько угодно...

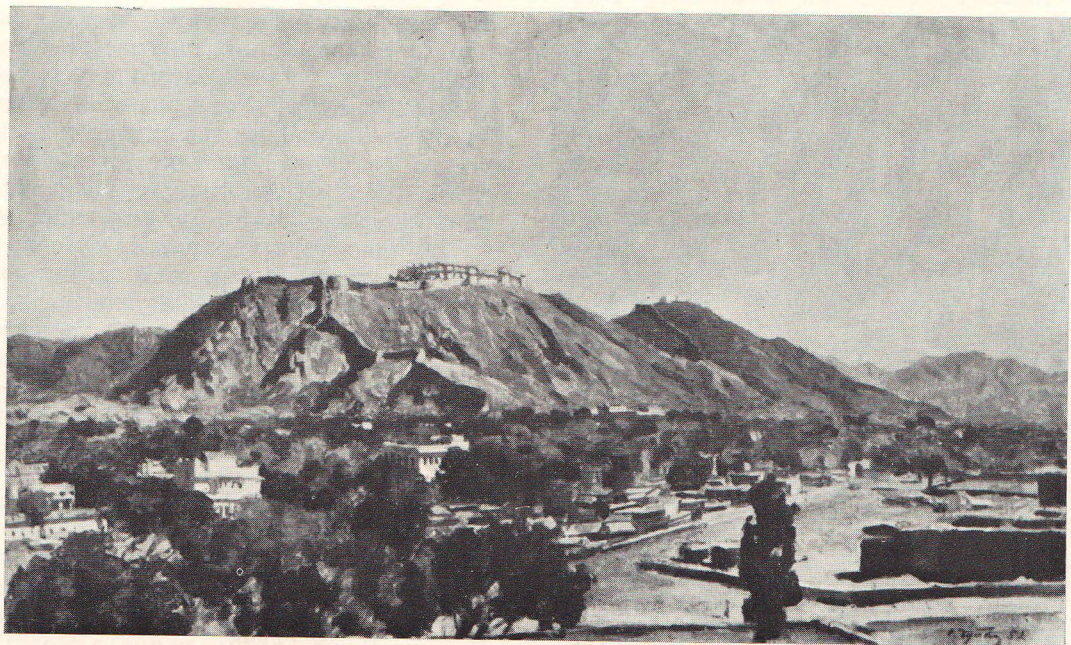
Вечером ездили опять к студентам и писали маслом при электричестве, но так как я раньше при электричестве красками писать избегал и не привык, то потерпел фиаско: опять «мыло».

Вообще, недовольство меня терзает, и с утра до вечера я зол на себя и на весь белый свет. Все мне кажется никуда не годно, все кажется пропало безвозвратно, ничего я не сделаю. В такие дни обычно я и неплохие этюды считаю дрянью и готов их уничтожить.

Прочитав свою сегодняшнюю запись, соображаю, что это то самое состояние, которое бывает у меня всегда в разгар работы. Пока до такого накала не дойду — действительно ничего не получается, а в такие вот «злые» дни как раз обычно и получаются лучшие этюды. Дай бог, как говорится, чтобы и сейчас тем кончилось.

Однажды я стал просить старушку подметальщицу попозировать.

Слуга, помогавший мне договориться с ней, толковал мне что-то по-английски про тонгу и базар, показывая на нее. Я понял это так, что старухе, прежде чем сесть позировать, нужно зачем-то съездить на базар, и, дав ей

УТРО В ДЖАЙПУРЕ. 1952

ДЕВОЧКА-ИНДУСКА. 1952

для этой цели денег, ушел к себе в номер. Прождав в комнате с час времени, я вдруг увидел, что старуха бродит по двору, как ни в чем не бывало. Ничего не понимая, я бросился к ней, кое-как усадил ее и под удивленным взглядом слуги начал писать, наверстывая потерянное время. В это время вдруг во дворе появляется и идет к нам молодая красивая девушка, одетая в цветное тряпье, настоящая джайпурка, о какой я мечтал все эти дни. Это была дочка моей старушки, и это за нею, оказывается, слуга посылал тонгу, так как считал, что художнику больше смысла писать молодую красивую дочь, чем старую и некрасивую мать.

Бросив без всякого сожаления старушку, я принялся усаживать девушку. Мать и дочь обе работали в нашем отеле подметальщицами. Они принадлежат к касте «неприкасаемых».

Как известно, люди, принадлежавшие к этой касте, по древней традиции считались в Индии «нечистыми». Они занимались самыми грязными работами. Считалось, что даже тень от «неприкасаемого» может осквернить человека из привилегированной касты. Говорят, в старину «неприкасаемые» обязаны были криком предупреждать встречающих о своем приближении.

С образованием Республики Индии издан указ об отмене кастового деления, но в быту это деление и рознь еще далеко не изжиты.

Как же мне, думал я, усадить девушку, чтобы поза ее выражала такую сложную и такую глубоко драматическую коллизию?

И в Старом Дели и в Джайпуре я повидал немало всякой бедноты, и в том числе уборщиков и подметальщиков.

Они обычно, когда не работали, сидели где-нибудь на тротуаре, у стены, прямо на земле.

Я и решил посадить свою подметальщицу у стены, на мощеном дворе отеля с метлой под руками, как бы присевшую передохнуть в тени и задумавшуюся о своей участи.

Очень трудно было усадить мою «натурщицу» в нужную позу: ни она, ни я не знали ни слова на каком-либо общем языке. Слуга же, охотно помогавший мне, не знал, чего я хочу.

Наконец, я усадил девушку и только начал было работать, как приехал из Дели наш глава делегации с сотрудниками посольства. Приветствия, расспросы, разговоры — все это помешало мне работать. Ничего сделать я не успел. Вся надежда на завтра. Не дай бог — подведет меня моя подметальщица! Ведь это первая настоящая джайпурская натура наконец-то позирует мне. Да еще какая!

Образ «неприкасаемой», образ красивой джайпурской девушки с таким сложным психологическим содержанием и такой характерный и живописный! Это ведь кусок живой жизни, это сама жизненная правда с ее противоречиями, с ее драмой и поэзией. И в то же время — это сама живопись...

* * *

Время шло. Вернее, не шло, а летело. В семь часов утра нас будили, в восемь мы завтракали и затем работали до обеда, который был строго от часа до двух. Жара в Джайпуре стояла в те мартовские дни примерно такая же, какая бывает в Средней Азии в июле — августе. Поэтому в самое жаркое время

дня, после обеда мы часок отдыхали и после этого снова работали дотемна.

С самого приезда в Джайпур я все присматривался — откуда, с какой бы возвышенности написать общий вид Джайпура с цепью сиреневых скалистых гор, опоясанных древней крепостной стеной, и с дворцовыми зданиями за ней. Возвышенность видна была только одна: отдельно стоящая круглая гора на окраине города. Все некогда было туда съездить, а время шло, и когда до возвращения в Дели оставалось всего три дня, я со страхом подумал: неужели же уехать из Джайпура без пейзажа, дающего более полное представление об этом своеобразном городе. Это было бы тем более досадно, что по утрам, как я заметил, горная цепь с синими тенями очень красива.

Видя, что откладывать нельзя больше ни на один день, я попросил нашу переводчицу поехать со мной на гору, чтобы узнать, что и как оттуда видно.

Мы поднимались на гору в своей машине по спирали асфальтированной дороги и удивлялись — для какой цели здесь такая хорошая, благоустроенная и содержащаяся в образцовом порядке дорога? Вдруг, уже поднявшись на макушку горы, мы уперлись в мощные ворота с двумя застывшими часовыми в форме раджастанской армии. Что за оканья?

Оказалось, что там на горе один из дворцов махараджи Раджастана. Смущенные, мы были озабочены лишь тем, как развернуться на узком шоссе над кручей, а в это время часовые объясняли нам, что в данный момент ни махараджи, ни махарани нет дома.

Очень не хотелось уехать из Джайпура, не написав этот мотив.

Недалеко от нашего отеля стояла небольшая, но внушительная своей монотонностью серая старинная крепость. Каждый день, проезжая мимо нее, я думал, что, наверное, с ее стен должен быть виден город с горами, но не допускал и мысли о том, чтобы залезть на них... Теперь же, когда выяснилось, что надеяться больше не на что, я решил попробовать — нельзя ли попасть на стены этой крепости.

На следующий день мы с переводчицей поехали к крепости. Оказалось, как и следовало ожидать, что крепость эта давно заброшена, все внутри нее в запустении, и только дети соседних домов иногда заходят туда играть. Огромный колодец высох, заброшен и огорожен во избежание несчастных случаев. Бетонированные стены, коридоры, ступени, бойницы и камеры — все в трещинах, из которых торчит сухой бурьян. Тихо и пустынно.

Побродив по ходам и переходам, мы вышли на площадку к одной из амбразур. У этой амбразуры стояла небольшая старинная пушка, дуло которой смотрело через окно на город. Вид из этого окна был точно такой, как я предполагал: город и горная цепь были передо мной, как на ладони. Я и устроился работать под дулом этой пушки.

*Из дневника 16 марта
Джайпур*

Сегодня, наконец, взобрался на стены крепости, с которой видна панорама Джайпура. Я давно уже заметил, что горы, украшающие и определяющие этот вид, утром очень хороши, а днем и вечером освещаются неинтересно и

теряют свою прелесть. Так вот сегодня, когда я, наконец, добрался до места, откуда они видны, утро выдалось, как на зло, пыльное, мглистое и серое после ночной бури. Все очарование этого пейзажа пропало.

Все же я эту работу начал, так как откладывать уже некуда: только сегодня и завтра в моем распоряжении, послезавтра мы уезжаем в Дели.

Писал часа два, внося поправки на основе прежних наблюдений. Начал неплохо и сделал за сегодня довольно много. Завтра продолжу, если ничего не случится.

Подметальщицу писал по возвращении из крепости. Писал, «захлебываясь» от восторга перед натурой. К сожалению, все время приходится начинать сначала, вместо того чтобы продолжать этюд, так как она меняет позу каждые пять-десять минут. Прислуга отеля и другие обитатели двора, собравшиеся за моей спиной, подшучивают над ней, а она смущается, закрывается от них и меняет позу, а следовательно, меняются и все складки одежды, которые потом, как ни усаживай, не восстанавливаются.

На эти усаживания уходит времени больше, чем на самую работу. Поэтому сегодня, после второго сеанса этюда так же далек от завершения, как и вчера.

Пейзаж с красной стеной тоже писал сегодня, но к вечеру небо затянуло какими-то пыльными тучами, и солнце не светило. Поэтому возился, в сущности, зря, ничего не улучшил и к окончанию не приблизился. Вся надежда на завтрашний последний сеанс.

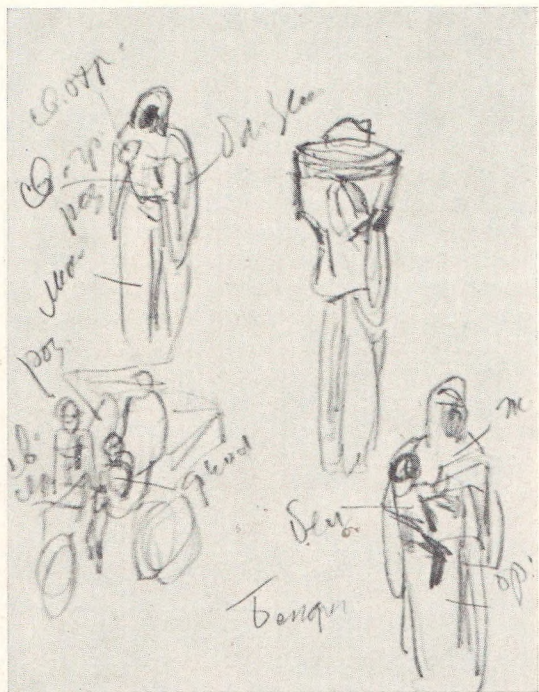
Очень жаль уезжать: только теперь работа по-настоящему наладилась — ни

одной минуты не пропадает зря. В день работает у меня четыре этюда: с девяти до одиннадцати часов утра панорама Джайпура, с одиннадцати до двух часов — подметальщица, с четырех до семи часов вечера — улица с красной стеной и с девяти до одиннадцати часов вечера при электричестве пишем с Ефановым голову того юноши, что подарил мне джайпурские марки. Не сразу в новом месте наладишь и организуешь так работу, а когда ее организуешь, наконец, глядь — уже пора уезжать.

Все больше и больше нравится мне Джайпур. Здесь, как и в Дели, много близких и понятных мне черт Среднего Востока, и вовсе не видно тех «джунглевых» мотивов, которые были бы для меня экзотичными и которых я сначала так боялся.

Народ на улицах Джайпура пестрит самыми живописными цветами и сочетаниями красок. Например: оранжевое покрывало, голубовато-зеленоватая юбка и малиновая или пунцовая кофточка. Или: бледно-сиреневое покрывало, светло-голубая кофточка, а юбка смугло-оранжевая, и ко всему этому бронзовое лицо, руки, живот.

Иногда я спохватываюсь, что все эти проходящие мимо сочетания уходят и не повторяются. Тогда я в блокноте или альбоме, начертив схему фигуры, записываю эти понравившиеся мне сочетания. Но часто я это забываю делать. И это большое упущение. Я убедился, что вспомнить их потом, даже через полчаса уже невозможно: их так много, что они пугаются и не удерживаются в памяти.

*Из дневника 17 марта
Джайпур*

Сегодня дал себе отчет в том, чем в особенности пленил меня Джайпур. Не только многообразием и богатством красок. Кстати, это многообразие и богатство не в яркости заключается, как некоторые думают (рекламы кинотеатров тоже пишутся очень яркими красками), а в красоте и тонкости их сочетаний. Джайпурцы с исключительно тонким вкусом умеют подбирать цвета своих одежд, и они действительно то пылают, то тлеют, то сверкают, то мерцают в жемчужно-сером окружении улицы.

Особенно меня поражало и очаровывало сочетание красочного богатства с пластическим. Какое великолепное обилие крупных, свободных, струящихся, разнообразных, характерных и благородных складок на движущейся фигуре. Нигде в мире не может быть ничего подобного! Это просто клад для художника. В особенности в сочетании с обнаженными частями тела красивого бронзового цвета. Все это кажется прежде всего женской одежды, но и мужская одежда джайпурцев очень живописна. Особенно хороши по складкам дхоти. И потому очень досадно, что, кроме подметальщицы, так и не удалось написать ни одной из тех типичных женских или мужских фигур, о которых все время думал: с ребенком на руках или с ношей на голове. С утра писал панораму Джайпура. И нужно же такое невезение! Вчера от бури в воздухе стояла серая муть, а сегодня в мою амбразуру со свистом дул такой холодный и резкий ветер-

сквозняк, что я дрожал и то и дело прерывал работу, чтобы выбраться из своего окна в затишье и погреться на солнышке. Лист картона, на котором наклеен мой холст, я во время работы крепко держал левой рукой, чтобы его не унесло ветром. Картон дрожал, трепетал и качался в моей руке...

Хотя оба сеанса работал над видом Джайпура в безобразных условиях, работа эта идет довольно хорошо. Горы с небом, утренний свет, несмотря на неблагоприятную мутную погоду, получились с первого же сеанса (вероятно, потому, что я каждый день внимательно наблюдал это состояние со дня приезда, и в голове уже сложилось определенное решение). Начал разбираться во множестве мелких деталей, домов, деревьев и т. п. Уезжаем мы завтра в четыре часа дня, так что с утра еще можно будет пописать с часик. Очень жаль, что приходится комкать: уж что-то, а этот пейзаж я мог написать как следует, если бы имел на это хотя бы четыре-пять сеансов.

После работы в крепости писал подметальщицу, которая опять без конца меняла позу и которую опять приходилось много раз усаживать и столько же раз переписывать, вместо того чтобы заканчивать. Когда никто из посторонних на нее не смотрел, она успокаивалась, задумывалась и, бедняжка, становилась сама собой. Тогда она казалась мне обиженным ребенком, и становилось до слез жалко ее. Можно было бы еще раз пописать ее до отъезда, но я боялся, что опять придется начинать сначала, то есть переделывать то, что сделано.

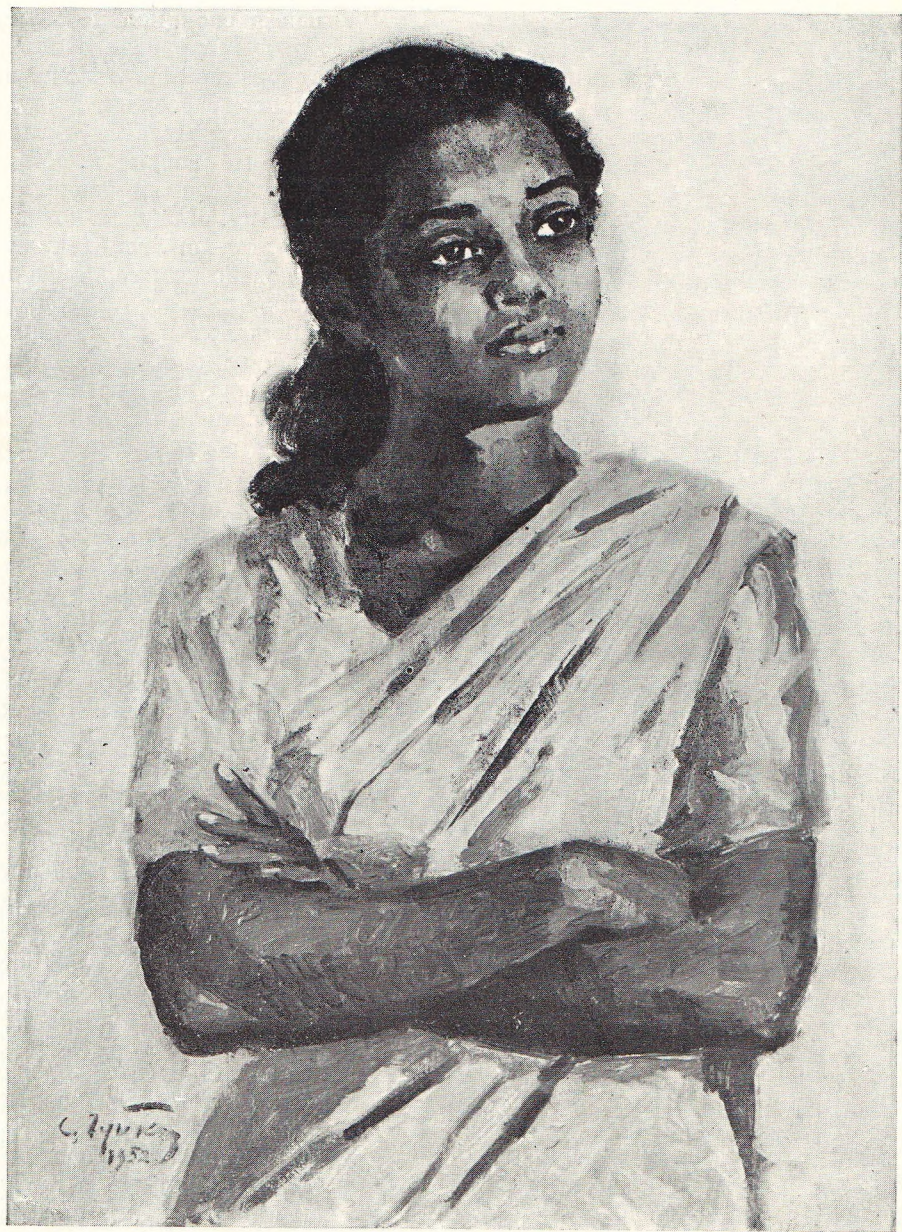
БЕНАРЕС. СУШКА БЕЛЪЯ НА БЕРЕГУ ГАНГА. 1952

На «вдовьем балконе» работал уже нерешительно, так как это последний сеанс — если что испортишь, то исправлять будет некогда. Написал несколько мелких фигурок пешеходов и кое-что подправил.

Выйдя из дома призрения вдов ровно в семь часов вечера, как того требует бдительный сторож, я стоял у ворот в ожидании машины. Последние угасающие лучи солнца золотили верхушки храма и высокого соседнего дома. Все остальное было погружено в прозрачную синевато-сиреневую тень. В этой свежей вечерней тени в обе стороны мимо меня растекалась разноцветная джайпурская толпа. Что ни фигура в этой толпе, то картина, но фигура промелькнет, ее закрывает другая, третья, десятая...

Вот идет мать с ребенком на бедре и с корзиной на голове. Сколько величия, покоя и красоты в этой стройной, как колонна, подлинно античной фигуре простой индийской женщины! Вот пожилая женщина в запыленной одежде (зеленовато-лимонное покрывало и кирпично-красная юбка), со снопом какой-то травы на голове, видимо, возвращающаяся с поля. Старик в бледно-голубом тюрбане и с темно-оранжевым шарфом на шее прогуливается, держа младенца на бедре и забавляя его. Там медленно движется, возвращаясь с поля, двухколесная арба, запряженная парой усталых, розовато-серых волов, а на ней неподвижно восседает темнолицый и усатый, закутанный в белое покрывало крестьянин в розовом тюрбане. Велорикша проехал, оглушительно названи-

вая в свой колокол, продавец бананов в голубой рубаше и сиреневом тюрбане, с корзиной на голове, выкрикивая нараспев, рассекает толпу, как челнок воду, и скрывается с глаз. Две коровы, которые вошли в мой этюд, улеглись под деревом и неспеша пережевывают жвачку. Людской поток наполнен говором, смехом, топотом, звоном, трудовым человеческим теплом и движением, движением в обе стороны без остановки. Прощаясь с этой нарядной джайпурской улицей, я жадно ловил проходившие фигуры, чертил в блокноте схематические наброски с них и помечал цвета одежд. Таких набросков накопилось уже порядочно.

* * *

В день отъезда из Джайпура с утра я еще писал в крепости «Утро в Джайпуре», потом подметальщицу (не удержался) и только после обеда начал сборы и упаковку сырых этюдов, чем изрядно задержал отъезд. Выехали уже под вечер. Как только скрылся из виду Джайпур, начало темнеть, местность становилась все более пустынной, и на душу легла какая-то легкая грусть. Перед глазами вставали яркие и солнечные картины Джайпура, который отодвигался все дальше и дальше: уходили от нас шумные улицы с их тонким жемчужным колоритом и гордые, статные джайпурские женщины и мужчины в их изумительных одеждах, с такими веселыми, солнечными улыбками и теплым, приветливым гостеприимством.

Я мысленно подводил итоги своей работы в Джайпуре и, хотя никак не мог обвинить себя в лени, работ насчитал

немного: «Утро в Джайпуре» (самый большой этюд), «На улице Джайпура», «Подметальщица из касты «неприкасаемых», «Юноша-сикх», «Девочка», «В Джайпуре» (с красной стеной), несколько рисунков и десятка три схематических набросков с записями цвета одежд... и все.

Было обидное ощущение, что вся неповторимо своеобразная прелесть Джайпура осталась и уходит от меня в нетронутым виде, а я увожу с собой ничтожно бедные и бледные крохи, в которых, может быть, ничего типично джайпурского и нет. Особенно обидно было, что даже такое подмеченное, задуманное и облюбованное, как женщина с ребенком и женщина или мужчина с ношей на голове, не удалось ни написать, ни даже нарисовать.

Эти два мотива, да еще джайпурские девушки с кувшинами, идущие от колодца, и сцена праздника весны остались в голове как яркие, но еще не вполне конкретные образы. Это были замыслы, которые, как и «молодой кули», возникший в Дели, требовали еще

встречи с натурой и работы над этюдом. Пока же меня глодала злость на самого себя и на объективные обстоятельства за то, что я за восемь дней не сумел организовать работу над мотивами, нужными для выполнения задуманных картин.

Ночь была совершенно черна. В лучах наших фар мелькнуло что-то желтое.

— Тайгр!.. — воскликнул наш обычно молчаливый шофер, и машина резко вильнула, встряхнув нас.

— Что такое? В чем дело?

— Тигр перемахнул через шоссе перед самой машиной, видели?

— Да полно вам. Какой там тигр!

— Конечно, видите, как побледнел наш водитель. А разве вы не видели?

По ночным дорогам мчались мы большую часть ночи. Как во сне проносились мимо какие-то полусонные, малоосвещенные населенные пункты, ни вид, ни названия которых не запомнились, пустынные поля и гигантские деревья.

Приехали мы в Дели, когда было почти три часа ночи.

ДЕЛИ, БЕНАРЕС, КАЛЬКУТТА

Работа по демонтажу выставки проходила более слаженно, так как все работники, кроме кули, были те же, что и при монтаже ее, и, следовательно, имели уже опыт. Главное же было то, что все мы научились понимать друг друга с полуслова, а часто даже и вовсе без слов.

Снова Абдул-Маджид был душою всех работ, появляясь как будто одновременно в нескольких местах. Снова я любовался тихим и скромным тружеником-сикхом с кроткими, сияющими глазами. Снова нас ежедневно навещали и часто помогали нам в работе наши друзья, делийские художники Укил, Бадри, Саркар, Баттачария, Сайлоз, Вирмани и другие.

— Чалó, чалó! (Пошел, пошел!) — кричали мы, подражая кули, когда вместе с ними поднимали какую-либо тяжелую картину.

— Ачча! (Хорошо!)

Наши друзья не оставались в долгу и часто выкрикивали понравившееся им русское:

— На попá!

Зная по опыту, как трудно организовать сеанс работы с нужной, интересной природы и как часто бесплодно и безвозвратно уходят драгоценные дни, мы решили, не ожидая более благоприятных условий, работать урывками тут же под грохот молотков, среди ящиков, досок и веревок, одновременно руководя работой кули и столяров.

Для начала я написал в два сеанса небольшой этюд с молодой художницы Канакаратнами в ярко-пунцовой кофточке и темно-фиолетовом сари. Тип ее смуглого лица с большими глазами и одежда были характерны для делийской девушки.

Затем написал девочку лет двенадцати, сестренку одного из художников. Эту девочку с головой индусской богини, в золотистом платице и белых длинных шароварах, с цветочками в руках я воспринимал как олицетворение юности и радости бытия.

И наконец, мне удалось усадить одного молодого кули из тех, что работали на выставке. Я долго высматривал подходящего кули для осуществления своего замысла, и когда увидел его, то сразу «узнал». Мне было ясно, что только он и никто другой подходит для моей попытки создать обобщенный образ индийского рабочего. Молодой красивый кули имел независимый и даже гордый вид. Его огромные выразительные глаза как будто метали искры. Изучая его лицо, я думал: сколько же красоты и величия в тебе, великий, непокоренный индийский народ!

С этой мыслью и с чувством восхищения работал я горячо, нервно и напряженно, тем более, что делал это, можно сказать, «контрабандой». И хотя пришлось много раз отрываться, этюд «Молодой кули» вышел одним из наиболее законченных и проработанных.

*Из дневника 21 марта
Дели*

Сюда прилетела еще одна советская делегация во главе с Н. С. Тихоновым. Вчера меня познакомили с ним и с Р. Бейбутовым, одним из членов делегации. Сегодня в посольстве был устроен прием в честь этой делегации и концерт, в котором выступал Бейбутов с индийскими и азербайджанскими песнями. На приеме было много гостей: китай-

цы, представители Чехословакии, поляки, венгры и многие другие.

Концерт прошел с исключительным успехом. Очень талантливый человек Рашид Бейбутов. Говорят, в Бомбее, где он выступал, он имел у индийского населения феноменальный успех. Оно и понятно: индийские песни он поет как индиец, да и азербайджанские песни в Индии нравятся всем, так как они очень близки к индийским.

Возвращаясь с нами после концерта, Тихонов говорил о своем впечатлении от сеанса знаменитого йога, на котором сегодня присутствовал, и который мы прозевали. Йог этот откусил голову у живой змеи, ел осколки электролампы, лезвия от бритвы и другие столь же малосъедобные предметы, ходил босой, да еще и других водил по горячим углям, пятнадцать минут лежал, зарытый в землю, и т. п.

Николай Семенович пригласил нас зайти по пути к нему в гостиницу, где подарил нам советские папиросы, по которым мы уже соскучились, и где увлекательно говорил об индийском танце, о музыке и театре, о древнеиндийских храмах.

Возвращаясь к себе по затихшим, пустынным улицам ночного Дели, мы удивлялись тому, как много успел увидеть Николай Семенович за короткий срок пребывания в Индии и как мало видели мы, занятые работой по выставке и своей творческой работой. Мы решили, что так нельзя, — нужно больше всюду бывать, смотреть и впитывать.

И вот выставка упакована и отправлена в Калькутту.

Накануне нашего отъезда из Дели мы с одним из сотрудников посольства по-

бывали на холме, вблизи Делийского университета, и там мне удалось написать этюдик «Вид на Старый Дели».

От монумента, сооруженного здесь англичанами в память солдат и офицеров, погибших при подавлении национального восстания 1857—1859 годов, открывалась широкая панорама Старого Дели, и мне пришлось устроиться на самом солнцепеке у подножия этого сооружения.

Толпы любопытных на этот раз не было. Изредка подходил какой-нибудь студент, но Игорь Михайлович — мой спутник тотчас же отвлекал его от меня и моей работы.

Мешал мне сильный рефлекс от моей белой рубахи, освещенной солнцем. Он падал на этюд, заставляя его так блеснуть, что я с трудом видел, что писал. Этот этюдик мне потом очень пригодился для картины «В пути».

Настало время прощаться нам со столицей Индии и с нашими гостеприимными, искренними друзьями, делийскими художниками. Они устроили нам прощальный банкет, во время которого мы с новой силой почувствовали, насколько сблизились и подружились между собою художники наших стран.

* * *

По пути в Калькутту мы остановились на два дня в Бенаресе.

«Священный город Бенарес»... «Священный Ганг»... Сколько легендарных, поэтических образов воскресает при этих словах! Невероятной кажется сама возможность увидеть эти места, убедиться в их реальности.

Но вот самолет начинает снижаться, и мы видим, как под нами голубой лен-

той извивается величавый в своем плавном спокойствии священный Ганг.

Через каких-нибудь полтора-два часа, устроившись в отеле, мы поехали смотреть город, памятники и Ганг, с тем чтобы наметить себе на завтра объекты для этюдов.

Нас в первую очередь повезли, как это делали, видимо, со всеми туристами, смотреть «Золотой храм».

Много раз я давал себе слово никогда не следовать по «туристской тропе», не слушать советов туристов и даже советов местных людей.

— Если вам говорят: «У нас такая-то достопримечательность, все туристы бегут в первую очередь к ней», — идите, — говорил я, — в противоположную сторону, и там вы скорее найдете что-нибудь настоящее, характерное и интересное для художника.

Но редко удается отстоять свою свободу передвижения, большею частью инерция увлекает по избитой дорожке, и там, куда она приводит, видишь или что-нибудь специально для туристов предназначенное, или то, что излюблено туристами в силу доступности.

Несмотря на то что я чувствовал инстинктивное недоверие к «Золотому храму», я вынужден был молчать, так как не мог вспомнить ни одного памятника, чтобы противопоставить ему.

Оказалось, что этот столь популярный памятник сам по себе ниоткуда не виден, так как он заставлен, застроен жилыми домами гораздо большего размера. Для туристов устроили смотровое окно, вынув стенку на лестничной площадке третьего этажа соседнего дома. Поднявшись туда, мы через эту «арку» увидели на уровне своих ног несколько золотых куполов. Босой старик

с длинной седой бородой, провожавший нас по лестнице, объяснял:

— Купола эти из чистого золота.

Он победоносно посмотрел на нас и ничего больше не прибавил к этому лаконичному объяснению архитектурного памятника. Считая свою миссию выполненной, старик ждал «бакшиша». Он был удивлен, видя, что его сообщение не произвело на нас должного впечатления. Множество туристов ежедневно приезжают сюда за тем только, чтобы пережить сладкое волнение при виде такого количества уважаемого металла, а мы нисколько не растроганы! Всего храма мы так и не видели, и судить об его архитектуре я не имел возможности.

Мы подъехали к Гангу у самой пристани. Вот где был настоящий Бенарес, один из древнейших городов Индии!

Вся пристань испещрена огромными круглыми рогожными зонтами, которые укреплены над помостами из бамбука. На этих помостах, в тени зонтов люди отдыхают, молятся, торгуют. Множество людей живут на этом берегу Ганга своеобразной жизнью. Одни спускаются по каменным ступеням к реке, другие поднимаются от нее. На ступенях же сидят и лежат паломники со всех концов страны, одиночки, группами и целыми многочисленными семьями, опаленные зноем, изнуренные долгим странствием.

Говорят, религиозные люди в Индии верят, что тот, кто умирает в Бенаресе, удостоится божественной благодати, и потому будто бы тысячи людей, чувствуя приближение смерти, едут и идут в священный город. Некоторые из них проходят огромные расстояния пешком, питаюсь в пути подаянием. Види-

ДЕВОЧКА-КУЛИ. 1952

мо, этим и объясняется то, что подступы к храмам, многие улицы и в особенности набережная Ганга в Бенаресе полны этими странниками.

Мужчины и женщины в одежде входят в прозрачно-голубую воду Ганга и, молитвенно сложив ладони, стоят неподвижно некоторое время, видимо, молясь. Затем они раз-другой окунаются и выходят на берег.купаются же по-настоящему только мальчишки-подростки, но и те почему-то далеко от берега не плавают. Только они, эти юные купальщики, и вносят в картину черту современности; они так же ныряют с лодок, возятся и играют в воде, звонко хохоча и обрызгивая друг друга, как и всюду. Если бы не они, невозможно было бы поверить, что мы не перенеслись в какую-то другую эпоху.

Священный Ганг спокойно и торжественно несет свои могучие воды мимо шумящей и бурлящей человеческой толпы с ее радостями и печалью, мимоходом задевая ее ласковой волной, как бы утешая и ободряя людей.

Взяв напрокат большую неуклюжую лодку с гребцом, мы отчаливаем и, удаляясь от берега, наблюдаем, как все больше растет и ширится неопиcуемая панорама Бенареса.

Над пристанью с помостами и круглыми шляпками зонтов, с толпами людей, молящихся, купающихся, стирающих или отдыхающих, вздымаются величественные дворцы знати, широкие гранитные лестницы «гхаты», спускающиеся к реке. Говорят, что все махараджи страны, в том числе из самых отдаленных княжеств, строили здесь, в Бенаресе, на берегу священного Ганга свои дворцы, соревнуясь друг с другом в красоте и пышности сооружений.

Вперемежку с дворцами в самом причудливом беспорядке теснятся и лепятся друг к другу большие и малые индуистские, буддийские и джайнистские храмы, часовни и кумирни, а также мусульманские мечети. Все это величепие отражается в спокойных водах Ганга.

Разные эпохи и стили, религии и народы слились в изумительной по красоте и захватывающей по содержанию исторической картине. Гений народа и время совместными титаническими усилиями создали этот шедевр из гранита и мрамора, солнечного света и пространства.

Как завороженные смотрели мы на ослепительное зрелище, равного которому, думаю, нет на земле.

На веслах проплыли мы вверх и вниз по течению вдоль всей панорамы Бенареса. На протяжении почти трех километров мимо нас медленно проходили колоритные сцены кипучей и своеобразной жизни города.

Вот индус, входящий в маленькую часовенку, ударяет в колокол, висающий над входом. Говорят, этим он призывает богов обратить внимание на его молитву.

Две девушки, тихо смеясь, входят в воду, прижимая к коленям свои цветные сари. А вот площадка для сжигания трупов и пылающий погребальный костер на ней. Худой мальчик с палкой в одной руке и с пучком соломы в другой разжигает второй такой же костер, сложенный из огромных поленьев, отклоняя лицо свое от жара ярко горящей соломы и масла, которым поливаются дрова. Никто из родственников покойных не присутствует при кремации.

Вероятно, сжигают каких-нибудь одиноких паломников, стремившихся в Бенарес издалека и достигших желанной цели.

За этой траурной сценой следует другая, веселая и жезнерадостная; двое юношей возятся и дурачатся, гоняясь друг за другом под дружный хохот окружающих.

Мы решили завтра с утра, взяв лодку с тентом, встать на якорь посреди реки и писать панораму Бенареса.

Жара схлынула, и солнце склонилось к горизонту, когда мы пошли побродить по улицам Бенареса. Узенькие улочки, извивающиеся между высокими домами с массой балконов, лавок и лавчонок, похожи на глубокие расселины в скале, куда с трудом проникает дневной свет. В этих полутемных улочках и переулках, где ни на чем нельзя проехать, где едва хватает места, чтобы разойтись двум пешеходам, торгуют бетелем и пряностями, сладостями, фруктами и овощами, посудой и обувью, украшениями и тканями, национальными блюдами и ароматическими курениями, орехами и растительным маслом, чемоданами и музыкальными инструментами, красками и веревками, дыньками и перочинными ножами.

Той цветистости в одеждах, которую мы наблюдали в Джайпуре, здесь уже нет. Преобладают белый и светлые, бледные цвета, однородные с серовато-жемчужным колоритом улиц. Зато когда в такой жемчужно-сероватой среде изредка вспыхивает ярким мазком фигура в цветистой одежде, получается изысканное и своеобразное сочетание.

На одной из таких улочек я купил пачку ароматических палочек «агрбати», на другой мы соблазнились запахом мел-

ких круглых дынь, лежавших кучкой на земле, как на базаре Ташкента или Самарканда, и, купив парочку, уже в сумерках поехали на тонге в свой отель «Кларк».

Вечером в отель пришел бродячий «факир», оказавшийся обыкновенным акробатом, и демонстрировал нам, обитателям отеля, непостижимую гибкость своего худого тела.

Купленные нами дыни, как и те, которые мы пробовали в Дели, оказались совсем несладкими, и я вспомнил, что в Бомбее мне показался таким же водянистым и несладким арбуз. Это меня очень удивило, так как я всегда думал, что, где жарче климат, где больше солнца, там слаще рождаются фрукты и в особенности дыни. Впоследствии, уже будучи снова в Бомбее, я разговорился на эту тему с одним индийцем, и он подтвердил, что в Индии и арбузы и дыни всегда недостаточно сладки. Хорошие дыни привозят в Индию из Афганистана. Самые же сладкие дыни узбекистанские, добавил он.

Рано утром следующего дня мы поехали на Ганг. Арендовав на пристани большую лодку с тентом, мы стали на якорь посреди реки.

Перед нами снова была сказочно прекрасная панорама Бенареса, может быть, еще более прекрасная в этот утренний час. Можно было приступить к работе. Но... чем больше я смотрел на Бенарес, тем больше убеждался, что за один двухчасовой или даже трехчасовой сеанс ни всю панораму, ни центральную, наиболее характерную ее часть с пристанью невозможно изобразить даже приблизительно. Несметное количество мельчайших деталей, домов, домиков и домишек, храмов, часовен, кумирен, ла-

вок, дворцов и лестниц, слившихся в единый сплав, потребовало бы длительной работы в течение многих дней, для того чтобы во всем этом разобраться. На размышления тоже времени не было, и я решил взять кусок набережной влево от пристани, который приближался уже к окраине города, где не было такой плотной, многоярусной массы дворцов, храмов и кумирен и где на песчаной отмели берега сушилось выстиранное и по местному обычаю разостланное прямо на земле белье. Дома, храмы и деревья вперемежку громоздились на крутом берегу и здесь, но не в таком огромном количестве.

Второй раз за полтора месяца я видел в Индии голубое, светло-голубое небо. Безмятежный и величавый Ганг тоже был голубой, а он бывает таким, по-видимому, еще реже, чем небо.

Все купалось в океане ослепительного солнечного света, и, работая над этюдом, я к досаде своей видел, как самые светлые и чистые краски моей палитры часто казались тяжелыми, мутными и серыми в сравнении с теми, что сверкали и полыхали в натуре. Здесь в Бенаресе я еще раз убедился в том, как трудно, передавая сильный свет южного солнца, сохранить в то же время цветовую насыщенность этюда. Чем светлее пишешь (а именно так и нужно, потому что натура залита светом), тем белильнее, бесцветнее становится этюд; усиливает цветность изображения, становится красочно, но темно, несолнечно, да еще и безвоздушно, а значит, опять неверно...

Тени на дворцах уже поменялись местами со светом, утреннее голубое небо заменилось раскаленно-белым полуденным небом, и воды Ганга поблекли.

Пора было кончать работу, хотя этюд мой был далеко не окончен.

Потом, уже в Москве я закончил его по памяти, но добиться того, что нужно, я не смог. Не было той солнечной и прозрачной стихии, а хуже всего то, что сам мотив был недостаточно характерен для Бенареса. С другой стороны, несомненно и то, что, если бы я взялся за центральную часть панорамы с пристанью, то вообще ничего не успел бы сделать.

У меня получился речной пейзаж с городом на высоком берегу, и только. Индию, пожалуй, можно узнать, но на Бенарес мало похоже. Образ священного Бенареса, родившийся при созерцании величественного зрелища панорамы, монументальный и эпический образ, овеянный дыханием веков, остался только в моей памяти и в моем воображении, ожидая своего воплощения.

Уезжать из Бенареса с таким результатом было для меня то же, что голодному уйти от пиршественного стола.

По дороге в аэропорт снова встречались сотни простых индийских женщин, шедших с ношей на голове и с младенцем на бедре, задрапированных в сари, освещенных и обожженных безжалостным солнцем. Их прекрасные лица, блестящие от пота, то улыбающиеся, то озабоченные, их трудовые, огрубевшие от работы и в то же время нежные материнские руки, — все в них было мне знакомо: они как будто сошли с моих картин, задуманных, но еще, увы, не написанных...

Образ такой вот индийской матери, опаленной зноем, идущей с младенцем и

с ношей на голове куда-то по своей стране, по Индии, идущей, может быть, к своему светлому будущему, этот образ все яснее и ярче оформлялся в моем сознании и воображении и неотступно требовал осуществления. Но фигуры, промелькнув мимо, уходили назад и в прошлое, а меня машина уносила прочь от них...

* * *

При въезде в Калькутту мы впервые увидели рикш. Они бежали рысью в оглоблях своих колясок, мокрые и блестящие от пота. На первом же увиденном нами рикше сидела надменно-неподвижная леди пудов семи весом. Точно как я и представлял себе всегда рикшу, именно с такой вот леди, занявшей своей фигурой всю коляску. Этот мотив был как бы символом старой Калькутты, наследием колониального прошлого Индии.

В Калькутте нас, советских людей, встретили еще радушнее, еще теплее и сердечнее. Местные художники с утра до вечера работали вместе с нами по устройству нашей выставки, которую они и вся общественность Калькутты ждали с нетерпением.

Женский колледж уступил нам под выставку больше половины своего здания, и все его население — студентки и их педагоги, очень интересовалось ходом работы и с нетерпением ждало дня открытия нашей выставки.

На переменах девушки стайками прохаживались по залам, где стучали молотки и визжали пилы, а на полу и у стен стояли и лежали картины и скульптуры, все рассматривали и обо всем расспрашивали.

Мы любовались девушками и мечтали кое-кого из них написать.

Как нас и предупреждали, жара в Калькутте была невыносимая. Без вентилятора нельзя было выдержать и нескольких минут. Высокая температура воздуха усугублялась большим процентом влажности: горячий влажный воздух был, как в парной бане.

Работать можно было, только стоя под вентилятором, а как только отходил от него, тело и одежда мгновенно взмокали, сердце начинало бешено колотиться. В час пополудни, когда в городе все работы и занятия прерывались на обед и отдых, мы, мокрые от пота, ехали домой и там под вентиляторами отдыхали, как все в Калькутте, до трех часов. Вечером мы снова работали на выставке и большей частью допоздна.

Абдул-Маджида мы привезли с собой из Дели, и он снова был центральной фигурой всех наших работ. Он всюду попевал, и ничто не делалось без его участия.

* * *

Иногда мы возвращались с выставки рано, когда начинали только сгущаться сумерки и зажигаться уличные огни.

В этот час жизнь города кипела и бурлила горячее, чем днем, так как население выходило на улицу. Почему-то после захода солнца в помещении становится еще жарче и душнее, чем днем, это я замечал и раньше у нас в Средней Азии. На улице же, хотя в Калькутте температура воздуха вечером и ночью почти та же, что и днем, слабое движение воздуха, еле заметное дыхание его несколько облегчает духоту. Поэтому все живое с заходом солнца

покидает помещения и выходит подышать относительной прохладой, тем более, что электровентиляторы — удовольствие дорогое и простому люду недоступное.

Уже в сумерках люди начинают располагаться на ночь на каменных плитах тротуаров. Это все люди физического труда: кули, разносчики, рикши, наработавшиеся за день и не испытывающие никакого желания прогуливаться по освещенным улицам ночного города. Они жаждут отдыха и сна.

Некоторые туристы, описывая сцены ночевки на тротуарах, объясняют их тем, что все люди — бездомные и потому ночуют на улицах. Но это не совсем верно. Правда, много народу в эти годы прибывало в большие города по разным причинам, и много было среди них неустроенных, бездомных, но часто, я думаю, и имеющие жилье предпочитали ночевать на открытом воздухе из-за духоты. Заснуть в такие ночи в помещении без вентилятора очень трудно. Всю ночь мокрый от пота человек мечется в горячих, влажных простынях, не находя себе места.

Вот группа молодых мускулистых кули в тюрбанах и майках расположилась на тротуаре у стены магазина и до отхода ко сну перекидывается в картишки. Частые взрывы громкого разительного хохота сопровождают их игру и доказывают, что игра идет не азартная, а что-нибудь вроде нашего «подкидного».

Другая группа улеглась у стены. Только двое из них еще не легли: молодой кули тихо наигрывает на тростниковой флейте нежную и мечтательную мелодию, а его молодая подруга, склонив голову ему на плечо, задумалась о чем-то.

Лежащая рядом молодая мать еще не спит, она убаюкивает голенького младенца, лежащего у нее под боком прямо на каменных плитах. Вообще большинство укладывается на тротуаре без всяких подстилок, видимо, в расчете на то, что быстро остывающий камень в течение ночи будет давать прохладу. Много характерных бытовых сцен видел я на улицах Калькутты в вечерние часы, когда в синеющих сумерках зажигались разноцветные уличные огни, но глубже всего запад в душу образ кули с флейтой и его юной подруги.

* * *

Открытие нашей выставки в Калькутте превратилось в волнующую демонстрацию советско-индийской дружбы.

Гостей было более трех тысяч человек. Митинг, проходивший так же, как и в Дели, под исполинским тентом, накрывшим почти весь двор колледжа, был шумным и взволнованным. Губернатор Западной Бенгалии произнес горячую речь. Когда же он, перерезав ленту, открыл выставку и масса людей хлынула в залы, казалось, что стены не выдержат такого напора.

Калькуттские студенты окружили нас, членов делегации, жали нам руки, обнимали. Те, что стояли далеко и не могли сквозь плотное кольцо пробиться к нам, поднявшись на цыпочки, улыбаясь и сверкая глазами, восторженно кричали нам: «Мы счастливы, что видим вас!» Все требовали автографов.

К концу дня, когда основная масса гостей уже схлынула, меня позвали в кабинет директрисы колледжа. Там я застал почти всю нашу делегацию и двух девушек-студенток.

— Госпожа директриса, — сказал глава делегации, — идя навстречу пожеланиям художников, вызвала двух самых красивых студенток колледжа для позирования. Завтра с утра вы можете приступить к работе в этом кабинете. Хотя по отношению к девушкам это было не очень любезно, я попросил позволения пойти в залы, где было много студенток, и самому выбрать модель. Я имел в виду встретить кого-либо из тех девушек, которые уже раньше обратили чем-либо на себя мое внимание. Так и случилось: через несколько минут мы встретили одну из них. Одухотворенное лицо девушки с большими, умными, живыми глазами и смуглой кожей, хорошо гармонизировавшей с сиреневым сари и голубой кофточкой, пожалуй, не было красивым в общепринятом смысле слова (как, например, у тех двух девушек), но оно было полно жизни и обаяния. Она охотно, без малейшего ломания или кокетства согласилась позировать. В этот день мы, хотя и не работали, пришли домой более усталыми, чем когда-либо: так много было сильных впечатлений.

*Из дневника 3 апреля
Калькутта*

Сегодняшний день также наполнен переживаниями, как и вчерашний день открытия выставки.

С утра мы писали студенток. Я совершенно не мог сосредоточиться. Да и трудно было сосредоточиться: справа Ефанов пишет свою модель, а за спиной директриса за своим рабочим столом. К ней ежеминутно входят педаго-

ги по делу и без дела. Правда, к нам они не подходят, но издали поглядывают (иногда, может быть, они и внимания не обращают, я спиной, конечно, не вижу, но мне кажется, что смотрят, а это одно и то же). В полуоткрытую дверь кабинета заглядывают улыбающиеся, любопытные подруги, столпившиеся в коридоре. Все два часа, что мы работали, девушки не отходили от двери. Они шептались, хихикали и щелкали, как птички.

Никогда я не работал так нервозно. Сделал, конечно, мало.

Завтра нужно закончить и закончить обязательно хорошо, то есть и похоже, с одной стороны, и красиво, с другой. Так как весь колледж следит за нашей работой и ждет результатов, нужно, чтобы этюд всем понравился; жалко разочаровывать таких славных девушек. И зачем мне такое испытание? Ведь я не портретист, и в два сеанса сделать портрет, законченный настолько, чтобы он понравился и самой позировавшей, и ее подругам, и педагогам, я вряд ли сумел бы. Главное же в том, что я не сумел писать портрет в собственном смысле слова.

Я поставил себе совсем другую задачу: меня студентка эта заинтересовала как тип новой, современной интеллигентной девушки, и в этюде своем я хотел выразить не столько ее индивидуальные, сколько именно эти социальные и типические черты женщины новой Индии. Конечно, замечательно, когда в произведении искусства оказываются налицо оба эти качества, когда соединяется индивидуальное с типическим, но нельзя же ставить такую задачу перед этюдом. И тем более, когда писать его приходится в стесняющей обстановке.

К трем часам дня мы были приглашены директрисой колледжа на чай, где встретились с учащимися и педагогами.

Девушки сердечно приветствовали нас, одевали нам на шею гирлянды из каких-то неведомых мне белых цветов, пахнувших ладаном, читали нараспев стихи. Педагоги произносили речи о мире и дружбе между народами, между Индией и Советским Союзом. Глава нашей делегации сказал ответное слово. Когда в Индии говорят о мире, о том, что любовь к миру у индийского народа в крови, то веришь, что это не просто слова. Народы Индии действительно больше всего жаждут мира и, больше того, дружбы.

Я все время убеждаюсь, что преобладающей чертой характера индийцев является доброта, сердечность, доверчивость, незлобивость. Они быстро и крепко привязывались к нам, приехавшим не за какой-либо выгодой, а для установления дружеских связей и для культурного обмена.

Часы, проведенные нами в обществе учащихся и педагогов колледжа, оставили ощущение чего-то ясного, чистого и благоуханного, как те цветы, что весь вечер покоились у нас на груди, издавая пряный и нежный аромат.

Угощали нас чаем по-индийски — с молоком и национальными сладостями.

Назавтра с утра мы продолжали писать своих студентов. Опять я нервничал. Мне казалось, что все идет как нельзя хуже, что вчера я неправильно начал работу, промазав приблизительно цветами весь этюд. Поэтому мне трудно было продолжать.

Досадовал я еще и оттого, что в эти два-три свободных дня после открытия выставки я хотел попытаться устроить писание этюда матери с ребенком или женщины с ношей на голове. Правда, в образе этой девушки я увидел выражение той же идеи, только в другом аспекте. Озаренная солнцем индийская мать с ребенком, идущая по «дорогам надежд», представлялась мне стремящейся к светлому будущему. Студентка же, стоявшая передо мной со спокойно сложенными руками, чуть приподнятой головой и смотрящими вдаль умными лучистыми глазами, была как бы олицетворением нарождающейся новой, свободной Индии.

Это был глубоко содержательный и поэтический образ. И я чувствовал всю его прелесть.

Но убедив себя в том, что ни за два, ни за три сеанса я этого большого содержания все равно выразить не смогу, тем более в этих условиях, работал нервно и беспорядочно, ходом работы был недоволен и по окончании второго сеанса решил бросить этюд.

Я горько переживал потерю двух драгоценных рабочих дней, упрекал себя за то, что еще раз упустил случай приступить к работе над образом заветным, выношенным и уже полтора месяца преследующим меня, что я разбрасываюсь и т. д.

Незаконченный этюд студентки я хотел уничтожить. Потом я передумал и оставил его для того, чтобы в случае нужды в картоне можно было на нем написать другой этюд. Случайно он уцелел, и позднее многие находили его одним из лучших моих этюдов. (Находится в Государственной Третьяковской галерее.)

ПОЕЗДКА В ГИМАЛАИ

Было решено, что 6 апреля мы на десять дней поедем в Гималаи писать этюды. Об этой поездке я мечтал с самого дня выезда из Москвы, ведь горы — моя родная стихия, и уж там-то я надеялся всласть пописать пейзаж. По совету «знающих людей» мы направляемся в город Дарджилинг. Восторженные отзывы о его красотах казались мне подозрительными, но опять незнание местности не позволяло мне возражать, ибо я не мог предложить что-либо другое.

Когда мы уже были в воздухе, я узнал, что Дарджилинг — это, в сущности, курортный городок. Опасения мои оправдывались: мы, следовательно, ехали к курортным «красотам», уезжая от гущи жизни, от быта, от типов и сцен повседневности... Я подумал, что мы делаем ошибку, но исправлять ее было поздно.

Сидя в самолете, я предавался невеселым размышлениям о том, как тысячи непредвиденных мелочей, случайных обстоятельств, постоянно мешают художнику осуществлять его планы, его замыслы. Какую упорную борьбу нужно вести со всеми этими мелкими и крупными препятствиями!

И это не только в условиях поездки в чужие, далекие края, а всегда и везде. Часто бывает так, будто все и вся сговорились, чтобы помешать работе, сорвать ваше намерение написать такого-то человека или такой-то пейзаж. Так и теперь: мотив женщины с ребенком так же, как женщины с ношей на голове, встречается буквально на каждом шагу и в Дели, и в Джайпуре, и в Бенаресе, и в Калькутте, а мне приходилось писать все что угодно, только не это.

А именно «это» было для меня важнее всего, так как именно данный образ составлял основу задуманной мною картины. Замысел этот начал формироваться еще в Дели из впечатлений первых дней. Идущую с ношей на голове мать с ребенком или с детьми видишь очень часто. Кто она, эта мать, и куда она идет, правда, не всегда было ясно: одна как будто шла в поисках жилья или работы, другая мне казалась крестьянкой, несущей на базар плоды своего труда; глядя на третью, думалось о том, что женщина ищет лучшей жизни для себя и своих детей, благополучия и счастья...

Сюжет этот можно конкретизировать, а можно и, наоборот, обобщить. Об этом я постоянно размышлял, чертя по вечерам в своем альбоме черновые наброски композиции, и не решил еще, на какой трактовке остановлюсь. Точно так же оставалось неясным, сколько персонажей будет в моей картине: вначале мне представлялось, что вся семья — отец, мать и несколько их детей идут, как бы переселяясь на новые места, потом я стал склоняться к тому, чтобы ограничиться одной матерью с детьми. Все эти вопросы мною еще только решались в черновых пробах, несомненно же было то, что этюды женщины с ребенком, освещенной солнцем и несущей что-то на голове, в любом случае нужны, и не один, а несколько: с корзиной, с узлом и без ноши на голове; в более цветистой и более серой одежде.

Так надо бы. Ну, а на деле пока получалось, что ни одной подобной женщины мне ни написать, ни карандашом набросать к тому времени не удалось. Теперь я надеялся на то, что за

десять дней пребывания в Гималаях я смогу, наконец, осуществить свое намерение и, кроме горных пейзажей, напишу и этот мотив.

Наскоро пообедав, мы выехали из Калькутты на аэродром: Василий Прокофьевич, Самсон Евгеньевич, чаевод из Грузии, едущий знакомиться с чайным производством на плантациях Дарджилинга, Софья Константиновна в качестве переводчицы и я.

Уже выйдя из самолета в Силигури, мы облегченно вздохнули и в один голос воскликнули:

— Какая благодать! Кожа сухая!

Действительно, жары как не бывало. Прохладно, свежо, хорошо. Особенно приятно было ощущение непотной, сухой кожи, от которого мы уже отвыкли. Вдали, сквозь воздушную дымку маячили неясные силуэты гор.

Тронувшись на машине по шоссе, мы с каждой минутой все больше и больше чувствовали живительную свежесть и прохладу. Даже не верилось, что такая благодать находится в двух-трех часах пути от места, где мы только что обливались потом и задыхались от жары. Мы неслись сквозь густые заросли разнообразного и необычайного леса, известного под именем джунглей.

Несмотря на то что было только начало апреля, лес был в сплошном и пышном зеленом убранстве. Деревья все незнакомые. Мелькали иногда деревья, похожие на папоротник (видимо, это — древовидный папоротник).

Вскоре начался подъем, который продолжался почти два часа. Лес становился все реже. Уже через час мы были на огромной высоте, и шоссе извивалось по таким страшным откосам и такими поворотами, каких даже мне

еще не приходилось видеть. На высоте гораздо большей, чем та, на которой только что летел наш самолет, дорога проходила по краю почти отвесного склона, изворачиваясь на все лады. Шоссе узенькое, и встречные машины расходятся, как говорится, «впритирку». На высоте 2500 метров мы въехали в грозовую тучу, дождь и крошечную тьму. Шофер-непалец, ведший машину с удивительной ловкостью и хладнокровием, включил фары, но свет их не мог пробиться сквозь густую, темную влагу воздуха и осветить что-либо впереди. Фары встречных машин мы замечали только, когда они были от нас на расстоянии одного-двух метров.

Параллельно шоссе проходит узкоколейная железная дорога. Поезд с крошечными вагончиками похож был на игрушечный. На паровозе стояли двое рабочих и сыпали на рельсы песок.

По дороге часто попадались нам деревушки. Население их — непальцы, народ, похожий на тибетцев, явно монгольского происхождения. Тяжести они носят на спине в высоких корзинах с ляжками, одеваемыми на лоб.

Индийцев в тюрбанах и дхоти или индианок в сари мы за всю дорогу не встретили. Это меня сильно озадачило, но я надеялся, что в самом Дарджилинге будет индийское население.

Оказывается, Гималаи очень сильно населены: всюду, где только может устоять домик или хижина, они стоят. Здесь, на высоте 2000 метров над уровнем моря, выращивается чай. Чуть ли не каждый метр земли, свободный от леса, использован. Там, где склоны уж слишком круты, земля под чайные плантации, огороды и другие посевы обработана террасами, и такая гора из-

дали имеет странный и причудливый вид какой-то слоенки в разрезе.

До Дарджилинга мы добрались уже затемно и самый город не могли рассмотреть. Видно только из окна отеля, расположенного высоко, скопление огней в котловине под нами.

Отель «Монт Эверест» вполне оправдывает громкое название и своим местоположением и своими размерами. Огромное, пустое, мрачное здание с черной мебелью и угрюмыми, неслышными лакеями в парадной униформе наводит уныние и тоску.

Из Калькутты мы выехали более чем легко одетыми. Поэтому к вечеру на высоте 2500 метров основательно продрогли. Теперь мы надели на себя все белье, какое у каждого было, за ужином выпили даже виски с содовой, профилактики ради, и сейчас я пишу, лежа под двумя одеялами и радуясь тому, что согрелся... Приятно избавиться хотя бы на несколько дней от калькутской жары, но страшно подумать о том, как мы будем переносить ее по возвращении.

* * *

Свежим солнечным утром следующего дня пошли мы знакомиться с городом и его окрестностями. Дарджилинг расположен на очень крутых склонах неправильного амфитеатра, и единственная ровная площадка в нем, рынок, расположена как арена в цирке. Кроме этой небольшой площадки, горизонтальной поверхности в городе не найти: что ни шаг, то подъем или спуск. Обошли мы весь город, побывали и на рынке и на окраинах. Облюбовали себе другой отель, меньший по размеру,

ВЕРШИНА КАНЧЕНДЖАНГА. 1952

более уютный и веселый, куда и перебрались к вечеру. Наш новый отель так счастливо расположен, что из него виден в одну сторону весь Дарджилинг, в другую — уходящие ввысь и вдаль хребты Гималайских гор, тающие в дымке.

К сожалению, эта «дымка» была настолько белой и плотной, что из хребтов мы видели лишь первую, ближайшую гряду. Все остальное пропадало в белом мареве, хотя день был солнечный. Сперва я успокаивал себя тем, что, вероятно, туман этот — явление случайное, вот-вот он рассеется и откроется вид на дальние хребты и снежные вершины, но, к моему глубокому огорчению, молочно-белая пелена не проходила и почти все десять дней скрывала от нас горы...

Это грозило сорвать мои планы в отношении пейзажных этюдов, так как Гималаи на этих этюдах я представлял себе не затянутыми туманом, а сверкающими всеми цветами радуги.

Таковы, конечно, они и есть в другие дни, но вот как раз, когда мы были там, чтобы написать их, они прятались от нас в белой мгле.

Еще больше расстроило меня другое наблюдение этого дня: ни одного индийца или индианки мы за весь день не встретили, не только с ношей на голове, но и без ноши. Оказывается, местное население состоит главным образом из непальцев и тибетцев (что объясняется близостью границ с этими странами). Следовательно, другая половина моего плана — написать столь желанный этюд матери с ребенком — тоже не будет выполнена.

Действительно, как в насмешку, все получается наоборот: там, где нужные

персонажи попадают на каждом шагу, там я не имел времени их писать, занятый другим делом, а здесь, куда приехал только писать, где было не только время, но и все удобства, вплоть до переводчиков, находившихся целиком в нашем распоряжении и помогавших договариваться с «натурщиками», здесь нет самих «натурщиков». Выходило, что вместо гор нам предстояло писать белый туман, а вместо индийцев — непальцев и тибетцев.

В самом центре рынка была площадь, где толкались кули, ожидающие спроса на их труд. В подавляющем большинстве эти кули — женщины непальки и тибетки в полосатых передниках, с яркими бусами и серьгами и с высокими корзинами для переноски тяжестей за плечами. Многие из этих кули — крепкие жилистые старухи, другие — молодые девушки и даже маленькие девочки.

Одну такую девочку-кули лет одиннадцати-двенадцати мы остановили и через двух переводчиков (с русского на английский и с английского на непали) уговорили идти с нами в отель позировать.

В этот день я сделал с нее первый этюд «Девочка-кули» (с корзиной). На следующий день она пришла еще раз, и я написал отдельно ее головку.

Всматриваясь в овальное личико своей «натурщицы», я все больше находил в ней сходства с лицом киргизской девочки Аимтай, с которой я писал свою «Дочь Советской Киргизии», и размышлял о разных судьбах этих девочек. Та, с книгами в руках, как свободная птица несется вдаль и ввысь над своей Родиной, эта же таскает тя-

жести, чтобы кое-как прокормиться. Рядом с моей комнатой в отеле жила англичанка с сыном, тучным мальчиком лет одиннадцати. Каждое утро мальчику приводили гималайского пони, и он ехал кататься в сопровождении своей няни и старухи тибетки, хозяйки лошади. Женщины шли по обе стороны маленького всадника, и когда он переходил на рысь, они бежали рядом с ним.

Впрочем, я видел не раз, как старые тибетки, дающие лошадей напрокат для прогулок и стоящие с ними на специальной площадке невдалеке от нашего отеля, точно так же бежали и за взрослыми всадниками, соблаговолившими взять у них лошадь.

Моя маленькая натурщица отдыхала, когда английскому мальчику привели лошадь. Она наблюдала за тем, как усаживали мальчика и как его сопровождали две женщины, а я смотрел на маленькую кули, на лице которой написаны были невеселые мысли.

*Из дневника 9 апреля
Дарджилинг*

Вчера к вечеру стало так холодно, что в комнатах мы зажгли электрокамины. А в Калькутте сегодня было более 40 градусов по Цельсию.

Пейзажа по-прежнему не видно. Живем окруженные молочно-белой бездной.

После обеда сегодня писал непальскую девушку с кувшином. Здесь кувшины носят на бедре (как индианки носят детей). Вообще мы хотя и находимся на территории Индии, но живем как в Непале, так как обычаи, нравы, ко-

стюмы — большею частью непальские и отчасти тибетские. Отсюда всего несколько миль до непальской границы. Девушку с кувшином не закончил, просил прийти еще раз. Как ни старательно устанавливал позу, она оказалась неудачной, значит, завтра, вместо того чтобы заканчивать этюд, придется провозиться некоторое время, чтобы найти лучшую позу, а потом переписывать, то есть начинать сначала. Пытаюсь писать и пейзажные этюды, несмотря на «молоко», пропитавшее воздух. Написал как-то утром ближайший хребет, поросший гималайской сосной, с россыпью мельчайших, как крупа, домиков селения и паутиной тропинок, на фоне которого на переднем плане стояла непальская хижина, окруженная извивающимися террасами огорода; и другой — предвечерний мотив в сторону города.

Однажды под вечер нам встретила группа кули, шедших, видимо, с работы. Все трое были индийцы. Один из них особенно привлек мое внимание своим симпатичным лицом. Голова его была повязана какой-то тряпицей вместо тюрбана. Я остановил парня, мы договорились, и он пошел с нами.

Посадив его в том же коридорчике, где писал головку девочки-кули, я работал пока не стемнело, без перерыва. Мой кули сидел совершенно неподвижно. Когда я, после часа работы, предложил ему отдыхать, он смеясь отказался, так как, видимо, позирование не считал работой.

Это был первый этюд в Дарджилинге, которым я был доволен. В нем в какой-то степени удалось передать ду-

шевное движение простого индийского рабочего, чистого сердцем, полного жизни. Я заметил, что, несмотря на усталость после трудового дня, он с большим любопытством наблюдал за тем, как я работаю.

Я жаждал писать кули, рабочих, простых трудовых женщин, детей. И еще с нетерпением ждал, когда же откроются горы? И откроются ли?

В витринах дарджилингских фотоматазинов мы видели снимки Дарджилинга и его окрестностей. Оказалось, что город окружен высочайшими хребтами и находится почти у подножия одного из них, с вершиной Канченджанга.

Если бы не эти фото, никогда нельзя было бы об этом догадаться и нельзя было бы этому поверить.

Когда Самсон Евгеньевич с нашей переводчицей собрались ехать на одну из чайных плантаций и на чайную фабрику, я увязался с ними в надежде на то, что, может, в той местности белая мгла реже и, следовательно, виднее и красочнее горы.

К сожалению, и там было то же самое, и сделанный этюд «Чайные плантации Дарджилинга» не принес мне удовлетворения.

Из дневника 13 апреля Дарджилинг

В Калькутте со дня нашего отъезда стоит жара 41,6 градуса при огромной влажности воздуха.

В связи с этим все отели Дарджилинга переполнены англичанами. Страшно и подумать о возвращении, но билеты уже заказаны на шестнадцатое число.

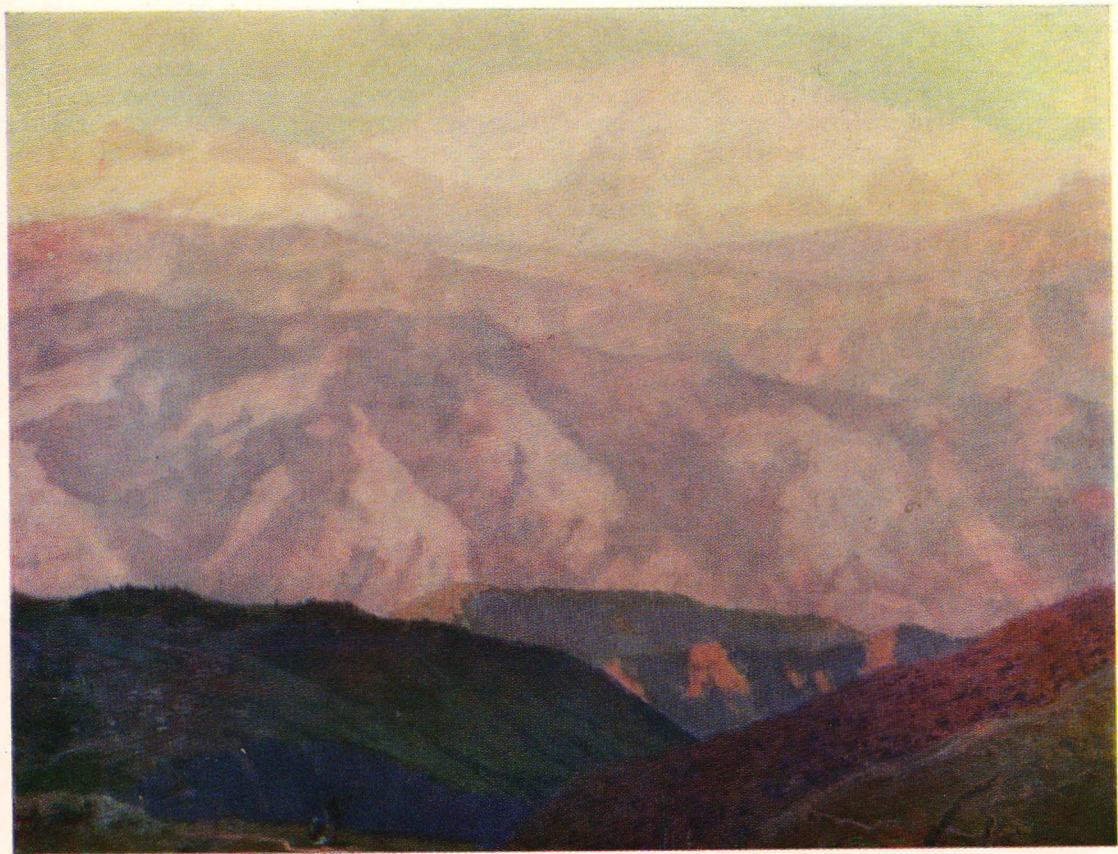
С утра ходили, как всегда, на базар «по натуре». Привел я девушку-кули, тибетку, смугло-румяную, плотную, крепкую, скуластую. Очень долго усаживал и потому за четыре часа не успел закончить, назначил продолжение на завтра с утра.

А после обеда видимость чуть улучшилась, и я пошел искать мотив. Зашел далеко и нашел прекрасное место. Начал этюд большого размера и тоже не кончил, надо бы завтра продолжать работу, но будет ли что-нибудь видно? Обидно до слез, что не видно гор, которые нас окружают. Сегодня чуть-чуть наметились их контуры на неожиданной высоте. Исполины страшные. А под ногами глубина огромная (2500 метров). Массивы гор уходят вниз в эту глубину и вздымаются вверх на недосигаемую высоту, где и сливаются с небом.

Посмотришься к тому месту, где горы уже как будто кончились и началось небо, и вдруг замечаешь контур еще одного хребта. Значит, думаешь, это еще не небо, а вот выше этой линии — уже, конечно, небо. Но где же снежные вершины? Их не видно, стало быть, горы еще не кончились и это тоже еще не небо, а горы, но они совсем слились с небом, с воздухом и неотличимы от него.

Взгляд не охватывает одновременно всей панорамы, следовательно, изобразить это невозможно, но при созерцании такое зрелище потрясает душу. А что было бы, если бы все просматривалось до снежных вершин и они сверкали бы на солнце?

До вершины Эверест (по-тибетски — Джомолунгма) отсюда по прямой около пятидесяти миль.

ГИМАЛАИ. 1954

Этюд «Тибетская девушка-кули» был хорошо начат и в первый же день довольно далеко продвинут, но продолжать работу не удалось, он остался немного незаконченным и в таком виде находится ныне в Львовской картинной галерее. А не пришлось продолжить работу над этюдом потому, что рано утром того дня, когда должна была прийти девушка, я проснулся от ликующего крика:

— Вставайте, художники! Канченджанга открылась!

Это кричала Софья Константиновна, наша переводчица и наш добрый гений, заботившаяся о нашей работе, как родная сестра, и досадовавшая вместе с нами по поводу того, что горы были плохо видны. Теперь она радовалась не меньше нас. Я вскочил, как ужаленный, и, схватив краски, бросился догонять друзей, так как был уверен, что они минутой раньше вышли из отеля. К тому месту, откуда видна Канченджанга, вели две дороги. Пробежав некоторое расстояние по первой из них и не нагнав своих, я вернулся и побежал по другой. Но, увы, и на этой дороге я никого не нашел и, не зная, что думать, волнуясь поспешил к тому месту, с которого писал вечерний этюд.

На огромной высоте, гораздо выше, чем я мог ожидать, венчая горы и сверкая снегами в лучах утреннего солнца, царственно вздымалась Канченджанга, одна из высочайших вершин мира. Подножием ей служила многоярусная система горных кряжей, уходивших вниз, подобно ступеням гигантской лестницы, спускавшейся на землю от какого-то небесного алтаря.

Покоем, величием и силой дышали Гималаи. Они, как будто проснувшись и

умывшись, радостно улыбались навстречу солнцу.

Вместо белесых и туманных красок на них переливались легкие и чистые цвета — сиреневые, голубые, зеленоватые. Они купались в прозрачно-голубом воздухе, в безбрежном океане чистого горного воздуха.

Забыв обо всем на свете, я работал, не замечая, как летело время. Вскоре, однако, я увидел, что воздух снова начал густеть и белеть, и я понял, что не позже, чем через полчаса, Канченджанга исчезнет, и, пристально всматриваясь в ее очертания, старался писать прежде всего ее.

Действительно, скоро вершина скрылась, будто ее и не было вовсе, но я успел ее закончить.

Поработав после этого еще с час над другими горами, более близкого плана, я завершил этюд и был им вполне удовлетворен.

Когда мы собрались в отеле, оказалось, что все трое друг на друга обижены, так как в суматохе разбежались в разные стороны и каждый, не догнав остальных, считал, что те ушли, не захотев подождать его. Несмотря на это, Софья Константиновна, увидев мой этюд, воскликнула:

— Прелесть. По-моему, это ваш лучший этюд! Большой этюд «Вечер в Гималаях» я ходил писать каждый вечер в оставшиеся до отъезда три дня.

Гигантские, вздыбившиеся массы земли, еле просматривающиеся сквозь белую пелену, освещались золотистым светом косых лучей солнца. Они уходили одна за другую, делаясь все легче и прозрачнее, пока не растворялись в воздухе и свете. Снеговые вершины так и не показались больше.

В воображении же моем этот монументальный пейзаж был украшен Канченджангой, пылающей под огнем закатных лучей.

Я решил, что на основе этого вечернего, а также утреннего этюда с Канченджангой я должен буду написать картину «Гималаи» и попытаться передать в ней ту величаво-торжественную музыку, которую я слышал в эти дни, глядя на горы.

Шестнадцатого апреля мы выехали из Дарджилинга в Калькутту.

Итоги этой поездки нисколько не были похожи на то, к чему я стремился, отправляясь в Гималаи, и я был в отчаянии.

За девять дней работы в Дарджилинге сделаны были десять этюдов: «Голова кули», «Девушка с кувшином», «Девочка-кули», «Голова девочки-кули», «В окрестностях Дарджилинга», «В Гималаях», «Чайные плантации», «Тибетская девушка-кули», «Вершина Канченджанга», «Вечер в Гималаях», не считая нескольких совсем неудавшихся или только начатых и брошенных из-за погоды и других помех.

Теперь я думаю, что, принимая во внимание все обстоятельства, а также то, что некоторые из этюдов писались по два и три сеанса, итог этот не так уж плох; тогда же я, как говорится, «рвал и метал» от досады.

В 11 часов 30 минут мы покинули Дарджилинг. С утра собирался как будто дождь. Но это в самом Дарджилинге: там всегда дождь только «собирается» и редко идет. Место это в еще большей степени, чем наш Кисловодск, обладает чудесным свойством: все тучи проливаются вокруг, оставляя его сухим. Выехав за черту города, мы сразу попали в такие же густые, темные тучи, грозу и ливень, как и на пути в Дарджилинг. Ехать было почти невозможно. Спуск по спирали был очень крутой, крошечный барьерчик, отделяющий узкое шоссе от бездонной пропасти, большей частью разрушен. Пока мы не выбрались из туч, темноты и проливного дождя, опасность этой дороги была нешуточной. Но отчаянный шофер-непалец как будто не замечал этого и, ожесточенно вертя баранку, вел автомобиль по зигзагам шоссе с большой скоростью.

Чем дальше, то есть ниже, тем становилось светлее, дождь прекратился, и я любовался горами без резкого солнечного освещения, омытыми дождем, бархатно-зелеными массами, мощно подымавшимися со всех сторон. Замечательный мотив, надо его запомнить.

Когда мы выехали в долину, то прежде всего мне бросилось в глаза обилие обнаженного тела.

Когда же, думал я, удастся мне написать обнаженный торс кули или рикши, наполняющих улицы городов? Когда удастся написать мать с ребенком, девушку с кувшином на голове?..

Так думал я, с завистью провожая глазами персонажи своих будущих картин.

Да, все это было только вчера: омытые дождем бархатно-зеленые горы и бодрый, чистый, холодный, как ключевая вода, горный воздух... А сегодня адская духота, горячий липкий пот, сердцебиение, жужжащие вентиляторы, ящики с картинками. И уже не верится в реальность вчерашнего дня, да и вся гималайская поездка кажется сном. Сегодня вечером мы с Ефановым пошли прогуляться по улицам и, хотя ходили недалеко, боясь заблудиться, видели многое.

Мы видели темные переулки и дома с открытыми от духоты дверьми и в глубине жилищ, как и у порогов их, на тротуарах жизнь простых бедных людей, полуобнаженных, с темно-бронзовой, блестящей от пота кожей. Нам видно было, как в комнатах при слабом свете свечи готовили ужин, убаюкивали детей, укладывались спать или сидели и тихо беседовали. Такие же точно сцены мы видели и в мягкой, теплой и душной полутьме улиц. Тут и там в сумраке ночи слышался наивный и трогательный голос флейты. Тихо неся этот всхлипывающий голос из духоты и тесноты улицы ввысь, к ярко сиявшим звездам.

И снова вспомнилась мне сцена, виденная в первый приезд в Калькутту: кули играет на флейте, а его подруга склонила голову к нему на плечо.

Эту сцену я так часто вспоминал и так много думал о ней (в сущности, я все время мысленно над этим сюжетом работал), что теперь это воспоминание представилось мне как уже написанная мною картина со сложным, густым колоритом сумерек, пестротой одежд,

МАЛЕНЬКАЯ ПРОДАВЩИЦА ЦВЕТОВ. 1953

МАТЬ С РЕБЕНКОМ. ЭТЮД К КАРТИНЕ
«В ПУТИ». 1952

смуглотой тел и тихим задумчиво-мечтательным настроением, какое бывает обычно на склоне дня у людей, уставших от физической работы.

Мне кажется, что именно в этой картине можно выразить душу индийского народа, самое сокровенное, глубоко человеческое.

Все четче выявляются в моем сознании образы этой и других задуманных картин: «Молодой кули», «Подметальщица», «Идущая мать с детьми», «Девочка-кули». Всех их объединяет одна мысль: показать прекрасное в простом трудящемся человеке Индии.

*Из дневника 20 апреля
Калькутта*

Как много значит — найти в изображаемом мотиве хотя бы одну какую-нибудь черту, хорошо знакомую, близкую и понятную, дающую возможность «проникнуть» в сущность этого мотива, этого жизненного явления.

Я уже писал в этой тетради о том, как трогает меня своей лирикой сцена вечера на калькуттских тротуарах с кули, играющим на флейте. Я с нетерпением жду возможности написать этюды, на основе которых можно было бы потом создать картину на эту тему. Сегодня мы ездили в бенгальскую деревню. Ходил, ходил я по этой деревне между пальмами, бананами, и ни один уголок ее не затронул моего сердца... Просто не хотелось писать. До усталости ходил, но так и не нашел ничего интересного. Сел писать избу с тремя

В ПУТИ. ДЕТАЛЬ. 1954

пальмами, чтобы хоть что-нибудь делать. И получился вполне «географический» этюд.

Почему же такая разница в восприятии? Разве в бенгальской деревне не те же замечательные индийские труженики с их заботами, радостями и мечтами? Да потому, что в первом случае я увидел много знакомого и понятного: сумерки на улице восточного города с их особой жизнью знакомы мне с юности по революционному старому Ташкенту и Самарканду. Простой мод этих городов, если и не ночевал на тротуарах, то точно так же спасался от духоты накаленных за день глинобитных построек, вылезая на их плоские кровли и ночуя под звездным небом. И так же в сумерках я всегда слышал там мелодический голос той же самой арабской флейты, называемой узбеками «сибизга», и даже сам наигрывал на ней несложные узбекские песни (и теперь, в Дарджилинге закупил их целых четыре штуки).

А что я видел в бенгальской деревне? Пальмы, банановые сады, домики под соломенными кровлями, стоящие как будто на сваях, темнокожие, почти обнаженные люди... Все это я много раз видел в учебниках географии, но ничего подобного не встречал в действительности. Это было похоже на то представление об Индии, которое было у меня до поездки и которое внушало мне опасение, что в такой «экзотической» стране я не смогу «за тюрбаном увидеть человека».

Отсюда и такая разница в восприятии. В первом случае я взволнован, как будто слышу песню на родном, понятном мне языке, во втором — я разглядываю все, как диковину. В первом случае —

восприятие чисто эмоциональное, душевное, во втором — только внешнее (экзотика).

Возвращаясь из деревни, я снова видел из окна машины идущих навстречу или переходящих шоссе женщин с узлами, корзинами или кувшинами на головах, а также женщин с младенцами на бедре.

Но нечего было и думать остановить машину, подойти к той, которая больше других соответствовала моему замыслу, договориться и тут же начать писать... Во-первых, пришло время отпустить шофера, во-вторых, неудобно было задерживать спутников и заставлять их бездельничать на шоссе, ожидая меня в течение, по крайней мере, двух часов. Охваченный отчаянием, я стал думать, что, пожалуй, мне и вовсе не удастся сделать нужные этюды...

* * *

Но вот выставка упакована и отправлена в Бомбей. Собираемся и мы в последний этап своего путешествия.

В Калькутте выставку нашу за двенадцать дней посетило более шестидесяти тысяч человек, то есть столько, сколько могло пропустить помещение.

В книге отзывов появились сотни новых записей, взволнованных, горячих, сердечных, доброжелательных.

«Вот каким должно быть искусство свободного народа! Да здравствует советский народ!»

«Советская выставка указывает путь нашим художникам. Реалистическое

МАЛЬЧИК, ИГРАЮЩИЙ НА ДУДКЕ. 1952

изображение народной жизни — таков должен быть путь нового искусства». «Советская выставка — это демонстрация высоких моральных идей. Советский народ достиг высокого уровня культуры, создавая культурные ценности своими руками и для себя».

«Я много видел выставок, но такой никогда. Здесь я вижу большое искусство и высокие гуманистические идеи. Есть чему поучиться кому бы то ни было».

«На этой выставке мы увидели жизнь и труд великого свободного народа. Да здравствует дружба между нашими великими народами!»

«Советские люди приехали к нам не за наживой, а показали нам прекрасные плоды своего творчества. Спасибо им! Пусть растет и крепнет братская дружба наших народов!»

«Я получил редкое наслаждение на выставке русского искусства. Этот день я никогда не забуду».

И в других многочисленных отзывах выражались самые теплые и добрые чувства к советскому народу, восторженное отношение к нашему искусству. До отъезда из Калькутты я решил во что бы то ни стало написать этюд Ганга. У Калькутты протекает один из крупнейших рукавов Ганга, носящий название Хугли, на берега этой Хугли я и поехал однажды в сопровождении двух калькуттских художников: пожилого Гхоша и молодого его ученика.

Чем больше мы приближались к реке и порту, тем все более индустриальным становился характер города. Грохот, пыль и дым от предприятий и от стремительного уличного движения; движущиеся машины, склады, фермы и провода делали странными появлявшиеся тут же тюрбаны и дхоти кули и жен-

ские сари с их библейскими или античными складками. Самым причудливым образом перемешались здесь Запад и Восток, седая древность и сегодняшний день.

Рукав Ганга оказался раза в три шире нашей Оки у Рязани. Вода в нем была до того грязная, что казалась даже густой. Я вспомнил, как читал где-то, что в старину пилигримы разносили эту воду в бутылочках по стране, как исцеляющую от всех болезней.

Я работал на балконе одной квартиры. Вначале на реке было множество старых громоздких лодок с конурками из тростника для жилья лодочников. Они сновали по реке под засаленными, рваными парусами, перевозя различные грузы, и группами стояли у берега на переднем плане. Вид у реки был трудовой, будничной. В сущности, это именно и характерно для Хугли у Калькутты, для этого сверхиндустриального района города.

Вскоре почти все лодки с переднего плана ушли куда-то, остались только две из них, и они почему-то все время поворачивались течением то в одну, то в другую сторону.

За три часа я успел довольно основательно проработать свой этюд, но не считаю его удачным.

Мы познакомились со многими калкуттскими художниками, в том числе с Атулом Босе и его учеником Габарданом Аш, проделавшими большую работу по подготовке открытия нашей выставки, с маститым Джамини Роем и другими.

Атула Босе и Джамини Роя мы посетили в их доме, и тот и другой показали нам массу своих работ.

Атул Босе является одним из крупнейших в Индии мастеров реалистического направления, хорошим рисовальщиком и талантливым колористом. Он тяготеет к народным темам, и у него собран огромный материал, отображающий жизнь простого народа.

Джамини Рой, яркий и самобытный мастер уже преклонных лет — один из популярнейших художников Индии. Он в своем творчестве развивает традиции бенгальского народного лубка и народной игрушки и является основоположником и руководителем целой школы, стиль которой носит яркие черты самобытной бенгальской культуры.

Перед нашим отъездом из Калькутты директриса колледжа снова устроила для нас прием. Снова студентки надевали на нас благоухающие гирлянды, пели в сопровождении гармонума, декламировали Тагора, играли на вине (щипковый музыкальный инструмент), угощали нас восточными сладостями.

Потому ли, что теперь мы были больше знакомы и девушки меньше стеснялись, или почему-либо другому, только этот вечер прошел еще более непринужденно и весело, чем первый.

Педагоги произносили не громкие, но искренние и убежденные речи о дружбе, мире и братстве между народами, в которых слышалось страстное стремление индийского народа к миру, покою и простому человеческому счастью. Мы отвечали им тем же.

В БОМБЕЕ

В Бомбее климат мне показался гораздо более «покладистым», чем в Калькутте, но в эти дни, как раз незадолго до нашего приезда, и температура и влажность воздуха резко повысились. Температура держалась все время не меньше 37 градусов по Цельсию, а о влажности воздуха говорили, что такой в Бомбее в это время года не было уже несколько десятилетий. Как только выходишь из-под вентилятора, начинаешь задыхаться.

В ресторане отеля «Вест-Энд», где мы временно остановились, была охлаждающая установка, и там только находили мы прохладу и отдыхали немного в часы завтрака, обеда и ужина.

Пока работа по монтажу выставки не началась, я решил попытаться найти и написать ускользающую от меня натуру — мать с ребенком. Оставался один месяц до окончания нашего путешествия, и нельзя было терять ни часа.

Но еще вечером, в день приезда, обследовав дом и обнаружив большую удобную площадку на крыше, я начал оттуда писать вечерний этюд Бомбея. Там же я решил писать и женщину, если удастся ее найти и привести на крышу, так как ни двора, ни какого-либо другого места, пригодного для работы на воздухе, не было, а позировать она должна была на солнце.

На следующее утро двое моих товарищей, сочувствуя моим переживаниям по поводу погони за нужной моделью, пошли со мной на базар, чтобы помочь найти и уговорить ее.

Мы бродили в шуме и толкотне базарной улицы, и сотни женщин, молодых и старых, с детьми и без детей, с ношами на головах и без них, проходили мимо нас, и мои спутники, указывая на

них, удивлялись, что я их пропускаю, продолжая чего-то искать.

И в самом деле, я проходил мимо, так как все они казались мне не такими, как я задумал. У одной то было не так, у другой — другое, а у третьей все не так, вся она — не то... Я уж сам на себя злился, но ничего поделать не мог: я сетовал на то, что множество женщин, виденных мною из окна машины, были типичнее, характернее, ярче и живописнее. На основе тех встреч сложился в моем представлении определенный образ. Я был уверен, что когда увижу ту, которую ищу, то сразу узнаю ее.

Моим товарищам уж надоело ходить, и они были уверены в том, что я сам не знаю, чего хочу, как вдруг я увидел «ее». «Она» сидела на корточках со своим младенцем, прилепившимся сбоку, и громко разговаривала с двумя другими женщинами, сидевшими на земле. Рядом стояло нечто вроде корзины или лукошка с деревянными изделиями, похожими на посуду.

Она не знала английского, но из толпы любопытных, мгновенно окружившей нас, несколько юношей взялись помогать нам, и мы быстро договорились. Женщина поставила на голову свое лукошко, встала и, выпрямившись, с достоинством пошла за мной.

По дороге я старался дать себе отчет в том, по каким все же признакам я «узнал» свою героиню? Чем таким особенным отличалась она от других матерей, и что именно было в ней такого, что нужно для моей будущей картины?

Объяснить это даже самому себе было не так легко. Женщина эта, судя по всему, пришла пешком откуда-то издалека, скорее всего из деревни, вероят-

но, за тем, чтобы продать ту деревянную посуду кустарной работы, которая находилась в ее корзине. Человека, пришедшего пешком по знойной и пыльной дороге, отличишь сразу, хотя и не сразу скажешь, в чем именно заключается это отличие, в запыленности, усталости или в чем-то другом.

Может быть, это, может быть, типичность ее фигуры, лица и старого линияло-красного сари, а может быть, какие-то другие свойства совпадали с образом, складывавшимся у меня постепенно, но это было то, что мне нужно. Натура, наконец, была. Осталось написать приличный этюд.

Моя крестьянка смело вошла в лифт и, нисколько не удивившись, поднялась со мной на шестой этаж.

Поднимаясь на лифте, я ликовал, что приближаюсь к заветной цели, и в то же время думал: какие непредвиденные обстоятельства будут мешать моей работе на этот раз, сумею ли я их преодолеть?

Опасения мои были не напрасны. Выйдя из лифта на площадку, я с ужасом увидел (и услышал!), что она занята джазом, репетировавшим свою программу! Нужно сказать, что для меня звуки джаза всегда были тем же, чем для быка — красный цвет. Эта музыка меня раздражает. Главное же — на площадке не осталось места для работы. Я был взбешен, однако отступать было нельзя, так как другого места для работы не было, а отказаться от этюда — значило отказаться и от будущей картины. Приняв независимый вид, я прошел со своей натурщицей мимо изумленных музыкантов и в закутке, среди кухонных столов и каких-то засаленных бочек стал устраиваться работать.

Тени для нас не было ни сантиметра, всю ее заняли оркестранты. Мы устроились на жгучем и ослепительном солнце, хотя был уже двенадцатый час и выносить жару было очень трудно. Как бы там ни было, я видел перед собой женщину с ребенком на бедре на фоне неба, на голове ее неподвижно стояло лукошко с деревянными изделиями. Мечта моя как будто сбывалась, несмотря ни на что.

Но только что установил я натуру и начал карандашом набрасывать контуры, как ребенок заплакал. Он вырывался из рук матери, сползал вниз и плакал все громче. Мать с удивительной ловкостью удерживала его на месте, в то же время балансируя корзиной на голове.

Отчаянный плач ребенка с одной стороны и раздражающий уши рев и скрежет джаза — с другой терзали мои нервы. Я, стиснув зубы, работал.

Вскоре у джаза наступил небольшой перерыв, и веселые молодые люди, похожие чем-то на всех джазистов из ресторанов и кинотеатров, подошли смотреть мой этюд. Они спросили что-то у матери и потом сказали мне уже по-английски: ребенок плачет оттого, что хочет спать.

Тогда я понял, почему мать несколько раз, унимая младенца, привязывала его к себе концом сари, отчего он немедленно замолкал. Я тогда не разрешил ей позировать в таком виде, так как сари скрывало от меня ребенка, и он уже не сидел на бедре, а лежал, как в колыбели. Усаженный снова на бедро, разбуженный ребенок начинал кричать еще сильнее.

Не зная, на что решиться и не будучи в состоянии слышать больше жалобный

плач, я прервал работу и попросил женщину сесть и дать ребенку заснуть, а сам стал обдумывать создавшееся положение.

Ребенок на коленях матери мгновенно заснул. На лице женщины появилась было счастливая улыбка, но ее тут же сменил тревожный взгляд в мою сторону: она боялась — не обойдется ли ей слишком дорого сладкий сон младенца, не сорвется ли работа художника, который ее рисует, и вместе с нею ее заработок?

Я курил и нервничал под гром, звон и завывание джаза.

Минут через двадцать, с усилием преодолев жалость к уснувшему ребенку, я все же попросил женщину встать в прежнюю позу.

Несчастливого младенца снова разбудили, и он поднял такой крик, что перекрыл вой джаза.

Так под аккомпанемент джаза он кричал до конца, который, впрочем, наступил скоро, так как я не мог долго работать, — жалко было мальчишку. Я работал в бешеном темпе и, схватив самое главное, поспешил отпустить женщину.

Всего я работал над этюдом не больше часа и считал, что ничего у меня не вышло, что этюд получился «бросовый», и мечтал сделать новый.

Только много позднее, уже в Москве, я оценил его. Несмотря на поспешность и яростное состояние во время работы (а может быть, благодаря ему), несмотря также на явную незаконченность этюда, в нем много натуры, схвачено и верно передано солнце. Впоследствии он сослужил мне хорошую службу, войдя почти без изменений в картину «В пути».

Наступил последний месяц нашего пребывания в Индии.

Подводя итоги своей творческой работы за время путешествия, я всякий раз ужасался тому, как мало сделано мною для осуществления задуманного.

В самом деле: для вечерней сцены на улице Калькутты (с кули, играющим на флейте) у меня не было еще ни одного конкретного этюда. Для картины, которая впоследствии была названа «В пути», был сделан только один этюд. Для «Женщины с кувшином» ни одного и т. д.

Сюжетов и образов зародилось много, и все они были из жизни простых тружеников. Мне хотелось показать ту нравственную красоту, которая есть в простом рабочем человеке, несмотря на его бедную одежду или даже рубище. Этими темами я жил постоянно, все время мысленно над ними работал.

И тем не менее две трети времени уже ушло, а у меня почти ничего из нужного материала не было сделано. То есть сделано было к моменту приезда в Бомбей около сорока этюдов маслом и более полусотни черновых карандашных набросков, но мне казалось, что все это не то, и я готов был впасть в отчаяние.

Я решил, что необходимо еще настойчивее добиваться своего, ничего не откладывая «до более удобного случая», а делать тут же, при любых условиях, пользуясь малейшей возможностью.

Вечерами наряду с записями в дневнике я продолжал делать в альбоме композиционные наброски, ища наилучшие варианты воплощения своих замыслов. Особенно много перепробовал я

их для картины «В пути». Я почти остановился на том, что картина будет изображать поколенную фигуру матери с ребенком и с узлом или корзиной на голове, на фоне неба или отдаленного пейзажа и идущую рядом с нею девочку-подростка или девочку и мальчика, ее детей.

Ободренный первым успехом с этюдом матери, сделанным на крыше отеля, я решил на следующий же день идти на поиски девочки или мальчика. Но этот день сорвался, так как мы переезжали из отеля к уполномоченному Совэкспортфильма, занимавшему большую хорошую квартиру и пригласившему нас к себе. (Вечерний этюд Бомбея, начатый с крыши отеля, таким образом, пришлось бросить.)

Зато на следующий день я со слугой-индийцем с утра пошел на базар Калаба и там долго бродил, ища подходящую натуру.

И девочек и мальчиков было сколько угодно на этом базарчике, пропитанном запахом тухлой рыбы, но я, прежде чем остановить на ком-либо свой выбор, должен был всех пересмотреть и пережить мучительные колебания.

Дело в том, что и на этот раз в воображении моем уже сложился вполне определенный и достаточно яркий образ, и потому у каждого встречаемого в жизни персонажа все, мне казалось, не хватало чего-то. Хотелось «сложить» несколько подростков вместе и тогда уже брать такого в натурщики.

Наконец, перебрав всех бывших на Калабе девочек и мальчиков, я остановился на одной девочке лет двенадцати, которая больше других подходила к моему замыслу. Она казалась опаленной долгими странствиями по знойным

НА НАБЕРЕЖНОЙ В БОМБЕЕ ВЕЧЕРОМ. 1934

дорогам. И ее темно-смуглая кожа, и черные пряди волос, и даже выпавший передний зуб — все казалось мне нужным и характерным для моей маленькой странницы.

Мы договорились, и она пошла с нами, правда, не одна, а в сопровождении двух братцев, таких же смуглых и таких же полуобнаженных.

Работать мне пришлось на ступеньках подъезда нашего дома. С наступлением обеденного часа, когда стали приезжать англичане, жившие в доме, они с удивлением смотрели на ватагу туземных ребят, вторгшихся в их владения и непринужденно игравших около цветника, на девочку, стоявшую неподвижно на солнце и обливавшуюся потом, и на такого же взмокшего чудака-художника, сидевшего на ступенях подъезда. Мимо наших открытых ворот проходила другая такая же девочка, обнаженная до пояса и с корзиночкой на голове. Увидев меня с индийскими ребятами, она остановилась и с любопытством стала наблюдать за нами, не понимая, что бы это могло означать. В корзиночке на ее голове были цветы, хорошо знакомые «анютины глазки», которые она несла, видимо, по заказу кого-то из европейцев, так как у индийцев цветы обычно фигурируют в виде гирлянд.

Девочка с цветами была настолько хороша, что я, положив кисти, схватил свой блокнот и начал набрасывать ее карандашом. Заметив мой пристальный взгляд, она пошла дальше, предоставив мне дорисовывать ее по памяти.

Хуже всего было отсутствие тени: тропическое солнце, освещая этюд, обжигало его на черноту, а меня самого накалило так, что сердце мое к концу сеанса бешено колотилось. Как бы там

ни было, а этюд девочки, идущей по залитой палящим солнцем земле, был написан, и я за свою настойчивость вознагражден был тем, что в эту ночь спал спокойно.

* * *

В третий раз распаковывались ящики с картинами и скульптурами, и мы в третий раз монтировали нашу выставку. Здание Джахангир галери — лучшее в Индии выставочное помещение. Несмотря на это, духота в нем стояла убийственная, и работать было страшно трудно. В залах установили мощные вентиляторы на вертикальных ножках, дававшие сильную и холодную горизонтальную струю воздуха, настоящий сквозняк. Но по ходу работы приходилось то и дело выходить из этой струи, отчего мы мгновенно покрывались потом, затем снова входить в нее, и это «спасение» (как нас и предупреждали) было довольно опасным. В конце концов один из нас заболел воспалением легких. Опять в залах то тут то там раздавалось:

— Абдул-Маджид!

— Где Абдул-Маджид?

— Позовите самого Абдул-Маджида!

Что за человек этот Абдул-Маджид!

Что за работник!

Маленький и сухой, весь из мускулов, он был подвижен и ловок, как акробат, но выражение лица у него было всегда озабоченное, хмурое, даже грозное. Он так близко к сердцу принимал весь ход работ, так был озабочен и так переживал малейшую неполадку, как если бы выставка была его личным делом.

Абдул-Маджид был не одинок в своем энтузиазме: вся артель кули, возглав-

ляемая старшим, работала так же горячо и увлеченно, как он.

Когда дошла очередь до выгрузки и установки двух бронзовых статуй по полторы тонны весом каждая, наша администрация попала в затруднительное положение: и в Дели и в Калькутте эти статуи выставлялись во дворе перед зданием выставки, и там их выгружали и устанавливали при помощи подъемного крана. Здесь же они должны были быть поставлены в зале, и потому крану работать было невозможно.

Услышав об этом, «бригадир» кули подошел к нам и заявил:

— Не надо вызывать кран. Мы своими руками поставим их на место.

Он подал команду, и все двадцать кули уселись в кружок на полу зала, образовав своими красными тюрбанами своеобразный венок. Откуда-то взялся кокосовый орех, который ударом о кафельный пол вдребезги разбили и разобрали по кусочку. Выполнив таким образом обряд, предшествующий важному начинанию, кули вскочили и дружно взялись за работу. Какой гомон поднялся, когда они на веревках, всей ватагой волокли статую в зал! Еще оглушительнее стал их крик, когда они начали ее устанавливать. Дружные рабочие руки подняли на воздух и водрузили на место полутоннотяжелую тяжесть металла.

Через какие-нибудь пятнадцать минут статуя была установлена, и мы все смеялись, вспоминая, как в Калькутте грохотал, стучал и скрежетал подъемный кран, возясь с этой статуей полдня.

Первого мая, когда наша Родина, украшенная алыми стягами и цветами, далеко-далеко от нас праздновала Международный день солидарности и дружбы

трудящихся, мы открывали в Бомбее нашу выставку.

На открытии присутствовали виднейшие представители индийской интеллигенции — артисты, художники, писатели, врачи, инженеры, — а также военные, студенты, служащие.

Открывал выставку и выступал с приветствием губернатор штата Бомбей. Залы были заполнены до отказа нарядной, веселой массой гостей.

Наше внимание обратил на себя коренастый седой старик небольшого роста, который с сияющим лицом стремительно переходил от одного произведения к другому и возбужденно говорил что-то своим спутникам, сильно жестикулируя. Нас познакомили с ним. Это был известный индийский художник С. Л. Халданкар.

— Я думал, что уж нигде в мире не осталось реалистического искусства, — сказал он нам, — сегодня для меня праздник, и я торжествую: оказывается, в вашей великой стране реализм возрожден и дает замечательные плоды. Ему очень нравилась наша выставка, и он до закрытия ее не уходил, беседуя с нами. Прощаясь, он пригласил нас побывать в его мастерской.

Вечером мы были приглашены на дружескую вечеринку в Чехословацкое консульство, находившееся поблизости от нашей квартиры на Каффпарейд. Там нас встретили как родных.

На этой вечеринке были и поляки, и китайцы, и чехи, и словаки, и венгры. В подавляющем большинстве это была молодежь.

Задорные и веселые молодежные песни полились рекой, сменяя одна другую — чешские, словацкие, польские, китайские, венгерские, русские, то в хоровом,

то в сольном исполнении гремели они весь вечер, чередуясь с танцами.

Нашлось немало и таких песен, которые исполнялись всеми, хором, хотя и на различных языках.

Когда советская песня, подхваченная молодыми голосами на многих языках, неслась в настежь раскрытые окна холла в сторону бомбейской набережной и Аравийского моря, чувство гордости за нашу великую Родину переполняло душу, и самому неудержимо хотелось петь во весь голос. И мы пели все, пели горячо и самозабвенно, глядя в глаза друг другу...

В этих глазах мы читали великие, святыя слова: «дружба», «братство», «мир».

* * *

И вот настал тот последний и решающий этап, когда после открытия выставки в Бомбее у нас появилось относительно свободное время (около трех недель) и можно было заняться более систематической творческой работой.

Ехать куда-нибудь из Бомбея мне было незачем: на улицах, площадях и базарах города на каждом шагу попадались типы и сцены, отвечавшие моим замыслам и просившиеся на холст.

Но это было в то время, когда я не мог их писать, будучи занят другим, а вот как будет теперь, когда я с альбомом и красками пойду на поиски этих мотивов? Предчувствие говорило мне, что, как всегда, теперь их не так легко будет встретить. Так оно и оказалось.

У самого подъезда выставочного пسمещения я ежедневно по утрам видел молодую женщину, продававшую ломти арбуза, лежавшие в круглой плоской

корзине, удобной для ношения на голове. Обычно она или сидела в тени под деревом или же, поставив корзину на голову, прохаживалась от угла до угла мимо нашей двери.

Накануне своего первого свободного дня я с помощью переводчика договорился с нею, что завтра с утра она будет мне позировать в таком виде. В следующее утро, приехав на выставку с красками, я ее не застал на месте и напрасно прождал до полудня.

На следующий день она тоже не появилась, но я, не желая терять и второй день, не стал ждать, а в сопровождении молодого индийца, работавшего на выставке экскурсоводом, пошел по городу на поиски.

Вскоре нам встретила женщина с такой же корзиной на голове, и она согласилась позировать. Мы с нею вернулись на выставку в Джахангир галери. Но где же ее поставить или посадить так, чтобы она была освещена солнцем, как на улице? На тротуаре, конечно, немыслимо из-за толпы, закрытого двора при здании нет. Остается одно: работать в помещении.

Стали устраиваться в пустой комнате, но, увы... как я ни ставил, как ни сажал свою натурщицу, все было не то, не было ни солнца, ни уличного пространства, ни той игры красок — все померкло и изменилось. Просто это был другой мотив, другая сцена, даже как будто другая женщина.

И так вот всегда: понравится кто-нибудь на улице в каком-то освещении и в какой-то обстановке, а когда его поставишь позировать в другой обстановке или при другом освещении, он изменится до неузнаваемости. Тот же человек, а образ другой... Часто прихо-

дится отказываться от этюда. Или же скрепя сердце работаешь, а сам все время думаешь о том, что промелькнуло и исчезло.

Написал я все же женщину, сидящую у корзины с ломтями арбуза на фоне белой стены, и, конечно, был этюдом недоволен. Вереница образов и мотивов, которые роились в моем воображении и моей памяти — все эти мелькавшие перед глазами и исчезающие фигуры, лица, типы и сцены, были куда характернее, типичнее, ярче.

Я был уверен, что если бы мне удалось эту женщину поставить на солнце с корзиной на голове, это было бы то, что нужно.

На следующий день я снова начал погоню за теми простыми рабочими типами, которые так мне полюбились и которые в изобилии встречались мне в те дни, когда я не мог работать, а только думал о работе и жадными глазами впитывал все, что видел.

Снова шли мы по жарким улицам, прилегающим к Джахангир галери, масса людей наполняла их, но все они, казалось мне, были не те. «Те» куда-то исчезли и не появлялись...

Но вот идет мальчик лет двенадцатитринадцати в белом тюрбане, с кожаной сумкой через плечо. Чем-то он мне с первого взгляда понравился. Получив его согласие, идем обратно на выставку и в той же пустой комнате второго этажа начинаем устраиваться. Как же, в каком действии изображать его?

Давно я подбираюсь к тому, чтобы написать мужчину или юношу с флейтой. Не говоря уже о том, что такой этюд был бы нужен мне в будущем, в работе над картиной калькуттского вечера с ночующими на тротуаре кули,

но и сам по себе этот мотив хорош, так как типичен и полон настроения.

За неимением под рукой дудки я даю мальчику палочку, знаками объясняю, что он должен на ней «играть», и, установив позу, приступаю к работе.

Пока я обдумывал и устанавливал позу и объяснял мальчику, что от него требуется, я понял, чем он понравился мне. Красивое глазастое лицо подростка соединяло в себе черты самого нежного детства с чертами взрослого, самостоятельного мужчины, зарабатывающего на жизнь себе, а может быть, и своим иждивенцам и потому обремененного заботами. Кожаная сумка придавала ему деловой вид.

Размышляя об этом, я начал работать. Но уже через десять минут мой натурщик стал тревожно что-то мне говорить и порываться уйти. Не понимая, в чем дело, я продолжал работать, знаками запрещая ему двигаться. Тревога его возрастала и заставила меня в конце концов позвать переводчика. Оказалось, что мальчик работает рассыльным и что ему нужно возвращаться в контору, иначе его прогонят с работы. Видимо, соглашаясь позировать, он представлял себе это минутным делом.

Что делать? Бросать этюд жалко. Тем более жалко, что поза нашлась естественная, характерная и получалось что-то жизненное, интересное. Задержать же мальчика на полтора-два часа я не решался — это значило подвергнуть его большому риску.

Выход оставался только один — молниеносно за пятнадцать-двадцать минут сделать в этюде самое главное и отпустить мальчика.

Как в лихорадке, работал я эти пятнадцать минут, и хотя получившийся этюд

нельзя назвать вполне законченным, все же в нем, как всегда при такой напряженной работе, много верного и убедительного или, как говорят, жизненно правдивого.

Получив свой гонорар и сверх того рублию «бакшиша» и сделав благодарственный «салам», мой «музыкант» вприпрыжку поскакал на улицу.

* * *

Несмотря на то что все нужные мне типы гуляли по улицам Бомбея и я решил никуда не ездить, следуя пословице «от добра добра не ищут», все же две небольшие поездки в окрестности Бомбея я не мог не совершить, и обе они были очень интересны.

Одна из них была на остров Элефанта в пещерный храм VII века. Об этом храме я много слышал и очень хотел его видеть. Затеяли мы экскурсию вместе с молодежью из Индийско-советского культурного общества. Взяв на полдня катер, мы с утра поплыли на нем на остров Элефанта, видневшийся на горизонте в виде бледно-сиреневой горы, высунувшейся из глади Аравийского моря.

Дорогой было очень весело то ли из-за присутствия молодежи, то ли ввиду прохлады, веявшей под тентом просторного катера, какой мы давно не испытывали. Я хотел во что бы то ни стало написать этюд внутреннего вида прославленного храма, и так как ящичек мой был очень мал, приготовил кусок картона в два раза больший.

Когда мы были уже в море, я спохватился, что картон этот впопыхах оставил дома... Настроение мое мгновенно испортилось, и до самого прибытия на остров я не мог успокоиться.

Высидившись на скалистом пустынном берегу, мы с полчаса поднимались по довольно крутой и пыльной дороге в гору и, наконец, обливаясь потом, остановились у входа в пещеру.

В огромном массиве серого гранита чернел вход с колоннами, ведущий внутрь скалы, в храм, высеченный в этой каменной горе.

Шум и болтовня стихли, как только мы вошли под своды пещеры. Обширный и высокий зал с колоннами и огромными барельефными и горельефными фигурами по стенам явился нашему взору.

Каменные фигуры в этих барельефах, сгруппированные в живые и динамичные сцены, и отдельные статуи, полные величавой загадочной красоты, высечены рукою гения. Одни из них стоят в покойных и изящных позах по сторонам какого-нибудь входа, как бы охраняя его, другие как будто стремительно уносятся в вихре ритуального танца, третьи будто сосредоточенно и проникновенно размышляют о чем-то. Гранит на глазах превращается в живое теплое тело и как будто отделяется и отходит от стен храма.

В глубине, в прохладном сумраке храма мы увидели уже нечто потрясающее. Во всю стену высотой в добрый двухэтажный дом высился колоссальный бюст прекрасной трехликой существа. Нечеловеческой силой, царственным величием и покоем дышало это изваяние. Среднее лицо, обращенное к зрителю, созерцательно спокойное, дополняется двумя профилями, повернутыми вправо и влево. Один из профилей как будто гневается, другой чуть заметно улыбается... Это дивное творение бессмертного, хотя и безымянного народного гения — трехликий образ бога Шивы.

Не верилось, что и этот исполинский бюст, и другие многофигурные рельефы, и отдельные фигуры, и колонны — все это высечено человеческими руками из одного «куска», из монолита огромной каменной горы. И народ, создавший подобные шедевры, был в течение столетий поработен колонизаторами! Потрясенный этим захватывающим зрелищем, я начал его писать. Крошечный, с ладонь величиной кусочек картона был в моем ящичке, и на нем я должен был изобразить и этого каменного колосса, и зал с его бархатисто-серым колоритом, и то настроение, которое охватывает человека, созерцающего это чудо вдохновенного искусства и труда.

Впервые за время пребывания в Индии я работал в прохладе и без толпы любопытных. Экскурсанты наши разошлись в разные стороны, а те, кто осмотрел храм, выходили наружу и располагались в тени деревьев.

Тишина, прохлада и сумрак были благодатью для меня. Я работал с упоением, и уже на основе увиденного задумалась картина: на фоне исторического древнего интерьера несколько фигур современных индийцев, женщин в цветных сари, мужчин в белых одеждах и цветных тюрбанах, осматривающих шедевры своего древнего искусства. Когда передо мною проходили наши экскурсанты, я жадно всматривался в то, как они читаются в этой серой среде, как гармонируют с нею.

Одного из них я попросил постоять у подножия Шивы и вписал его в этюд для масштаба.

Блаженство мое продолжалось недолго: через час сообщили, что пора ехать, так как срок найма катера истекает.

КУЛИ, ИГРАЮЩИЙ НА ДУДКЕ. 1952

Я не успел сделать половины того, что хотел. Но несмотря на то что этюд далеко не был закончен, даже не весь картон был покрашен, как всегда при увлеченной работе, в нем было что-то самое главное схвачено, и это «что-то» мне потом очень пригодилось.

Впечатление от монументального зрелища было настолько сильным, что весь обратный путь образ трехликого бога, загадочно и тихо улыбающегося в сумраке древней пещеры, стоял перед моими глазами, и будущая моя картина глубокого бархатно-серого колорита со вспышками ярких одежд то и дело возникала в воображении.

* * *

Другая наша поездка была в рыбацкий поселок Андхери, тоже в окрестностях Бомбея.

В сопровождении нашего индийского друга, активиста Индийско-советского культурного общества Джасвант Сингха мы в одно прекрасное утро в такси выехали из Бомбея. Больше получаса неслись мы по шоссе, окаймленному домиками, хижинами, усадьбами, садами, рощами, и невозможно было определить, где кончилась окраина Бомбея и начался поселок или поселки, незаметно переходящие один в другой.

Выехав снова к берегу моря, мы увидели массу парусников и лодок в бухточке и почувствовали тяжелый, всепроникающий и все пропитавший запах тухлой рыбы, гораздо более густой, чем на базаре Калаба... Еле заметный ветерок с моря не в состоянии был разогнать этот запах, но зато значительно умерял зной. Выйдя из раскаленной машины, мы наслаждались прохладой и наблю-

дали за работой полуобнаженных рыбаков, возившихся в воде у своих судов. Я хотел написать общий вид местности, и так как на берегу не было тени, решил писать из машины.

Несмотря на открытые окна, в раскаленной машине было невыносимо жарко и душно.

Незадолго до окончания этюда, когда времени было уже около двух часов пополудни, шофер начал на что-то жаловаться, и Джасвант Сингх перевел мне, что шофер проголодался и спрашивает, скоро ли мы будем возвращаться в Бомбей? Я просил передать ему, что через несколько минут я кончаю работать, мы заедем за В. П. Ефановым, работавшим в пятистах шагах от нас, и будем все вместе закусывать, что мы взяли достаточный запас еды.

Закончив работу и собравшись вместе, мы решили перед обедом искупаться в море. Прекрасный крупнопесчаный пляж был совершенно безлюдным: за все время только две маленькие девочки посидели одетые на линии прибоя, играя с волной, валившей их навзничь и снова отступавшей. Их звонкий смех некоторое время оживлял тишину пустынного берега.

Вода Аравийского моря оказалась настолько теплой, что никакого освежения, в сущности, не получалось. Правда, чем дальше от берега, тем она становилась прохладнее, но далеко отплывать не рекомендовалось во избежание встречи с акулой. Лично я, к тому же, плаваю немногим лучше, чем обыкновенный топор, и уже по одной этой причине не стал особенно стремиться в морскую даль.

Затем мы расположились в тени деревьев на жесткой и пыльной, выгорев-

шей траве. Расстелив газеты и разложив на них немудреные, но обильные припасы, мы начали было закусывать, как вдруг со всех сторон к нам стали слетаться и сбегаться черные птицы, похожие на грачей. Они без всяких церемоний шли прямо на наш «стол» и принимались клевать... Самые энергичные взмахи рук не могли заставить их взлететь, они только неохотно сторонились на шаг-другой и тут же снова лезли вперед. Видно было, что они не пуганы и человека несколько не боятся. Приходилось беспрерывно отталкивать их руками от нашего импровизированного стола или же бросать им куски пищи подальше от себя.

* * *

Рядом с домом, в котором мы жили на набережной Каффпарейд, строился такой же, видимо, пятиэтажный дом, как и все дома этой набережной и этого района Бомбея. Когда мы приехали, на стройке производилась кладка первого этажа. К концу месяца стены поднялись до четвертого этажа, и с нашего балкона я часто наблюдал за работой строителей. Вереница женщин по шатким и гибким доскам носила наверх бетон в больших металлических чашках или тазах, поставив их на голову и иногда придерживая рукой, одетой в огромную неуклюжую парусиновую рукавицу. На другой стройке я видел, как таким же образом женщины-работницы носили кирпич, кладя на голову по четырнадцать штук.

Я не переставал изумляться силе, выносливости и ловкости этих отважных, терпеливых и спокойных тружениц, не только справлявшихся с трудной рабо-

той, но часто и охотно шутивших и смеявшихся.

Почти в каждой из них я находил черты героини задуманной мной картины «В пути».

Однако попытки использовать кого-либо из них для позирования были напрасны, так как с раннего утра до вечера они работали с коротеньким перерывом на обед, а по окончании работы стремительно бросались по домам, и я чувствовал, что никакая сила не могла бы задержать их даже на минуту.

Почти ежедневно, возвращаясь вечером с выставки, мы брали такси на ближайшей площади. На одной из сторон этой площади, у табачного киоска, где мы обычно покупали сигареты, была трамвайная остановка. И вот тут я видел каждый раз одну и ту же характерную сцену: такие же рабочие женщины, как те, что строили соседний с нашим дом, кучками ожидали трамвая. Запыленные, усталые, в сари, надетых особым образом, вроде мужских дхоти, для удобства работы на лесах, с узелками в руках, они, едва дождавшись прихода трамвая и не дожидаясь, пока он остановится, бросались в его двери, лихорадочно спеша домой.

Я узнал их — это были те самые скромные труженицы, которых видишь на всех стройках балансирующими на качающихся досках с кирпичами на голове. В их озабоченных усталых глазах была беспокойная и мучительная тоска матери, на целый день оторванной от детей и теперь с нетерпением рвущейся домой, к ним, может быть, голодным, плачущим или больным... Это были родные сестры героини моей будущей картины «В пути».

Совсем близко от этой площади находится и знаменитый отель «Тадж-Махал». Я не раз заходил туда, на набережную, взглянуть на тот «кусок» Индии, который заронил в мою душу одно из первых впечатлений и один из первых моих творческих замыслов.

Я решил, не откладывая больше, начать писать на набережной по вечерам, так как замысел мой к тому времени настолько созрел и сцена вечернего гулянья на набережной вставала в воображении так ясно, как если бы картина была уже написана. Этому способствовали наблюдения и впечатления, почерпнутые и на других набережных Бомбея.

Набережных в Бомбее много, и почти каждый вечер нам приходилось видеть яркую и поэтическую картину массового гулянья.

С заходом солнца жизнь переносилась на берег моря, где свежий бриз и тихий плеск волн давали отдых и ни с чем не сравнимое наслаждение усталому, истомившемуся в зное и духоте человеку. Тут медленно прохаживались целыми семьями средние и мелкие служащие, сидели на каменных парапетах кули с детьми на руках, стайками мелькали болтливые и смешливые девушки с цветами в черных волосах, няньки с детскими колясочками, слуги с домашними обезьянами и собаками на цепочке, молодые люди, увлеченные спором, женщины с младенцами на бедре, степенно беседовали старики, выкрикивали торговцы сладостями, орехами, жареным горохом. Толпа была плотная, густая, шумная, яркая и веселая.

На других набережных гулянье начиналось после захода солнца, и самый разгар его наступал уже в густых сумерках быстро наступающего вечера, когда на земле зажигались огни, а на небе звезды. Бесчисленные фонари Бомбея идвигающиеся в толпе огоньки продавцов смешивались и перепутывались с небесными огнями, и это феерическое зрелище напоминало не то римский карнавал, не то мусульманский праздник «Ураза». К сожалению, писать с натуры эту сцену нельзя было из-за темноты.

На набережной же у отеля «Тадж-Махал» гулянье начинается гораздо раньше, еще засветло, так как тень от огромного здания отеля падает на набережную задолго до захода солнца. Это было мне на руку.

Учитывая, что мне будут мешать работать любопытные, я вынужден был выбрать время самое раннее, когда гуляющие на набережной только начинали появляться. Мне важно было сделать хороший этюд моря, сверкающего как расплавленное золото, в сочетании с затененной набережной и несколькими силуэтами фигур на этом лучезарном фоне, установить правильные цветовые и тоновые отношения этих элементов пейзажа.

В первый вечер я работал на набережной, стоя у одной из колонн отеля подальше от подъезда, надев свой ящичек на большой палец левой руки. Толпа вокруг меня собралась сперва небольшая и по моей жестикуляции послушно становилась по сторонам и позади меня, не закрывая собою того, на что я смотрел. Этот маленький, в размер ящичка, этюд я считал «пристрелкой», разведкой. Я убедился, что работать на набе-

режной можно, но только недолго, не до сумерек, так как народ быстро прибывал и толпа вокруг меня угрожающе росла.

На следующий день я приехал уже с большим, длинным куском картона, намереваясь написать проработанный этюд с несколькими фигурами не в один, а в несколько сеансов.

Я уселся и начал работать. Увидев человека, сидящего, можно сказать, посреди улицы на складном стульчике, с ящиком на коленях, конечно, всякий останавливался, считая, что уж тут наверняка будет что-то интересное. И в самом деле: на Востоке, да еще в таком месте, где массовое гулянье, как не принять такого чудака за факира или бродячего актера?

Набережная была еще пустынна. Случайные прохожие были редки. Но у подъезда отеля и поблизости вертелись разбитные и шустрые юноши, ловившие случай заработать монету, открывая дверцы автомобиля или доставляя такси выходящим из отеля джентльменам и оказывая другие подобные услуги богатым обитателям «Тадж-Махала». Они-то и стали моим наказанием. Они окружили меня тесным кольцом (их было человек двадцать), заглядывали, расспрашивали, громко хохотали и обменивались комментариями.

Кольцо это быстро разрасталось за счет прибывавших, и скоро мне от тесноты нечем стало дышать...

Я решил пересидеть их, то есть закрыть свой ящичек и не работать до тех пор, пока любопытным не надоест стоять зря и они не разойдутся.

Время шло, пейзаж изменился, гуляющие все прибывали, а работа моя не подвигалась. Наконец, разочарованные,

недовольные юноши начинали позевывать, почесываться и, переговариваясь, понемногу отходить, оглядываясь на меня. Не дождавшись, пока они уйдут подальше, я снова начинал работать. Мучители мои мгновенно возвращались, причем каждый, мало того, что сам шел, во все горло созывал и других, приглашая спешить на возобновившееся «представление»... Через несколько минут я снова был в кольце и снова задыхался от недостатка воздуха и закрывал ящик.

Этот маневр я проделал несколько раз и, очень мало сделав за этот сеанс, сдался: уехал, перенеся продолжение работы на завтра и питая слабую надежду на то, что, может быть, по каким-нибудь причинам завтра обстоятельства сложатся иначе.

Увы! И на следующий день было то же самое: веселые и бойкие молодые люди ни на минуту не оставляли меня. Я проделывал свой маневр все с меньшим результатом, и, наконец, они вовсе перестали ему верить.

Видеть набережную мне удалось только урывками, когда в кольце образовывалась брешь. В эти минуты я видел желанный сияющий дальний план, затененную гранитную набережную с редкими пока прохожими.

Вот слуга, и рядом с ним мартышка на веревочке. Там два, по-видимому, афганца в голубых рубахах, охристо-розовых шароварах и бледно-зеленых тюрбанах. Увидел я также двух мальчиков с лукошками жареного гороха, подвешенными на шее. В горохе, как полагается, маленькая жаровня с горящими чурками и столбиком дыма от нее. Мальчики были очень похожи на тех, которых мы видели на этом месте в

день нашего приезда в Индию. Как воробы, бросились они врассыпную от полисмена, шедшего в их сторону.

Я был очень недоволен этюдом набережной, так как сделал микроскопическую долю того, что хотел.

Позднее, в этот же вечер мы ездили с визитом к одному из местных художников, и по дороге я снова любовался картиной вечернего гулянья на другой бомбейской набережной и сравнивал ее со своей задуманной, но еще не написанной картиной. По возвращении домой мы слушали граммофонные записи итальянских певцов. Все окна и двери в квартире были настежь. Я вышел на балкон. Высоко над океаном сияла спокойная луна. Плеск волн едва слышно доносился, аккомпанируя Карузо, певшему прекрасный ноктюрн Дриго. Мелодия, в которой так ясно слышен был плеск весел гондольера, неслась над Аравийским морем, под опрокинутой навзничь индийской луной, и прекрасно гармонировала с окружающим. Мечтательное настроение охватило меня, как бывало в молодости. Мир снова казался прекрасным, полным загадок, чудес, чарующих звуков, красок и ароматов. И почему-то в воображении

вставала будущая картина «На набережной в Бомбее».

Долго не мог заснуть я в эту ночь. Образ многоцветной толпы, текущей в обе стороны на фоне золотисто-вечернего морского простора, не выходил из головы. Всевозможные цвета одежд, как звуки, перемещаясь, чередуясь и переливаясь, создавали изумительную музыку; сочетания красок становились все тоньше и сложнее, музыка их все прекраснее...

Но тут я вспомнил свои два этюда набережной, единственно реальное, на основании чего должно осуществиться то, что так дивно в замысле. И мне становилось грустно и жутко: так далеко от замысла до его осуществления. Этюды эти, казалось, так серы, так бледны по сравнению с тем, что я видел в действительности и что представлялось мне в замысле будущей картины.

Много было еще бессонных ночей как по поводу этого, так и в связи с другими сюжетами, когда замысел все больше расцветал и обогащался, а возвращение к действительности, к реальным возможностям похоже было на возвращение к разбитому корыту.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ В ИНДИИ

Постоянно помня о задуманных картинах и подкарауливая малейшую возможность сделать для них этюд или набросок, я в то же время не отказывался от любой возможности написать тот или иной мотив, и не имеющий прямого отношения к этим замыслам. Иначе пришлось бы слишком часто сидеть сложа руки и досадовать.

Так, при посещении мастерской известного бомбейского скульптора Кармаркара я заметил, что из ее окна открывался довольно интересный широкий вид на одну из окраин Бомбея, выходящую на море, и, воспользовавшись любезным предложением хозяина, приехал к нему на следующий день писать этюд. Сам скульптор в это время тоже работал, заканчивал статую, для которой ему позировала молодая женщина ослепительной красоты.

Однако главная моя забота была об этюдах к задуманным картинам, и я решил ежедневно до обеда ездить в один из рабочих районов и там добиваться возможности написать нужные персонажи в нужных позах, при нужном освещении (женщину с ребенком, девушку с кувшином на голове, кули, играющего на флейте, и др.), а после обеда, с трех-четырех часов до вечера писать то, что подвернется.

Когда наш друг Джасвант Сингх согласился сопровождать меня в этих экскурсиях по Бомбею, я был в восторге. В самом деле, ведь теперь при его помощи я уж, наверное, сумею написать то, что мне нужно.

Ежедневно с утра мы брали такси и ехали на работу. Между собою нам трудновато было изъясняться, так как мои познания в английском языке ограничивались тем, что я успел усвоить

за время пребывания в Индии, а его запас русских слов был еще меньше, но зато уж в объяснениях с представителями своего народа мой спутник был незаменим и стоил десяти переводчиков. На улице Фрер-Роуд мы наткнулись на целый квартал временных шалашей, точно таких, какие видели в день приезда в Индию на пути из аэропорта.

Такие кварталы и поселки были в те дни нередки в Индии, являясь наследием колониального прошлого, и в частности событий, связанных с разделением страны на Индию и Пакистан.

Они были населены теми самыми переселенцами или беженцами, теми неустроенными людьми, из числа которых, вероятно, была и героиня моей первой задуманной картины — мать, идущая с детьми и с ношей на голове в поисках лучшей доли.

Многочисленное и шумное население этого квартала, похожего на цыганский табор, расположившийся чуть ли не в центре огромного города, жило необычайной, своеобразной жизнью. Лачуги без окон и дверей, прилепившиеся к задней стене большого дома, тянулись непрерывной цепью, занимая тротуар.

На кровле, общей для всего ряда, набросаны были деревянные койки с веревочными сетками, тряпье, корзины и прочий хлам. На земле перед входом была наставлена и набросана домашняя утварь: кастрюли, котелки, ведра, консервные банки и т. д. Тут же, на трех кирпичках женщины готовили пищу, другие кормили детей или хлопотали по хозяйству.

Женщины делали свою обычную домашнюю работу, повернувшись спиной к проходящим рядом трамваям и авто-

бусам, детвора же, наоборот, с жадным любопытством включалась в шумный калейдоскоп городской жизни.

Когда мы с Джасвант Сингхом, проходя по рядам, стали приглядываться к людям и подыскивать подходящий для моих картин типаж, женщины, и в особенности дети, облепили нас веселой любопытной гурьбой и сопровождали неотступно. Вот где было неисчерпаемое богатство лиц и образов для моих картин! Здесь, думаю, я для всех своих задуманных работ сделаю этюды или, по крайней мере, наброски.

Но... не тут-то было. В первый день я вообще ничего не смог даже начать. Когда удалось с большим трудом уговорить одну из женщин и я попытался прямо на улице начать работать, собралась такая толпа любопытных, что модель моя застеснялась и скрылась в своем жилище.

Мужские и женские фигуры бесконечной чередой проходили мимо меня, одна другой характернее и живописнее, но «зацепить» их все не удавалось: одна спешит с работы к детям, другой идет по делу, третья стесняется незнакомых людей...

Пришлось нам обратиться к старосте этого квартала. Авторитетный старик обещал на следующий день обеспечить меня натурой из числа его подопечных. Он сдержал свое слово и привел мне пожилую, снисходительно улыбающуюся женщину с кастрюлей на голове. За неимением какой-либо другой площадки, я начал устанавливать ее на тротуаре. Еще до того как я приступил к наброску, вокруг меня собралась толпа в несколько сот человек. Уличная толпа, конечно, всегда мешает художнику, в восточных же городах это бедствие

Через какие-нибудь пять минут вокруг нас, сидящего на складном стульчике посреди тротуара художника и стоящей напротив женщины с кастрюлей на голове, собралась такая масса народу, что движение транспорта на улице полностью остановилось, и полисмен вынужден был вежливо, но твердо попросить меня прекратить «представление»...

Проводя ежедневно по несколько часов среди обитателей этого квартала, я убедился, что нужда и лишения не сломили и не озлобили мужественных, спокойных и жизнелюбивых людей. Они всегда были беспечны, веселы, любознательны. Пустячный повод мог вызвать их улыбку, а то и хохот.

Особенно весела и очаровательна была детвора. Босоногие, полуобнаженные или вовсе голые, курчавые и темно-смуглые, как бронзовые статуи античности, они стали встречать меня веселым гомоном и буквально цеплялись и вешались на меня, мешая работе.

Я продолжал ездить на Фрер-Роуд в надежде на удачу и сделал множество попыток если не писать, то хотя бы рисовать в альбом женщин с детьми и без детей, но всякий раз работа вскоре прерывалась.

Один такой незаконченный набросок женщины с ребенком помог мне, однако, сделать этюд по памяти уже по возвращении в отель, на Кафф-Парейд. Этот этюд беженки с ребенком и с протянутой рукой был первой мыслью картины, в которой я хотел выразить протест против колониализма, оставившего в Индии столь глубокие следы. Он стал основой картины «Женщина из Мадраса» («Колониальное прошлое»).

После длительного блуждания и сидения на паллящем солнце, после трудных

уговоров натуры и еще более трудной борьбы с напором толпы, да к тому же с такими малыми результатами, я возвращался домой разбитый физически и нравственно, расстроенный постоянными неудачами в работе. Все, что мне удавалось сделать, так мало походило на то, что было нужно, таким казалось мне бледным, слабым, случайным, не идущим к делу!

На страницах этих записок, имея в виду главным образом начинающих художников, много говорю я о помехах, встречающихся в работе с натуры, и часто выражаю неудовлетворенность результатами этой работы. Недовольство это объясняется желанием добиться большего. Думаю, что это бывает не у одного меня. Субъективно я, конечно, был прав: нужно быть жадным и ненасытным в собирании впечатлений и материалов и всегда желать иметь их еще больше и лучше. Но объективно я был неправ, так как все, что было сделано мною и что я считал бледным, случайным и ненужным, потом сослужило мне хорошую службу во время работы над картинами, и сами этюды в большинстве своем находятся ныне в музеях. После обеда и короткого отдыха, а в последние дни уже и без него, я приезжал в помещение нашей выставки и там пытался организовать что-нибудь для своей работы. Так в эти дни были написаны этюды «Отдыхающий кули», «Мальчик из Мадраса» и другие.

Вечерние часы у нас были заняты визитами к местным художникам или посещением спектаклей и концертов. Незабываемое впечатление произвела на нас богатейшая коллекция скульптуры и миниатюр Древнего Востока и древнеиндийских, в частности коллекция,

НА УЛИЦЕ ФРЕР-РОУД. 1932

принадлежащая одному из богатых людей Бомбея.

В нескольких залах собрано и экспонировано по всем правилам музейной экспозиции большое количество неповторимых шедевров народного гения эпохи расцвета индийского искусства. Тут и небольшие статуэтки танцующего бога Шивы с несколькими парами рук и другие боги, тут и изумительные головы с отбитыми ушами и носами, найденные при раскопках и свидетельствующие о большой близости искусства Индии первых веков нашей эры искусству древних греков, и богатая галерея древнеиндийской и персидской миниатюры.

Красота и благородство форм, музыкальность и пластичность движения, простота и одновременно изящество трактовки в этих скульптурах неописуемы и сравнимы лишь с такими же достоинствами произведений древнегреческих ваятелей. Впечатление от них огромно.

Однажды нас пригласили на танцевальное представление нового молодежного коллектива. Поднявшись на третий или четвертый этаж, мы очутились на плоской кровле дома. Там были наскоро сооруженные подмости с черным суконным фоном без занавеса, и поставлено рядом двадцать стульев. «Театр» был полон, и представление уже началось.

На сцене разыгрывалась в танце, пантомиме и пении драма из древней мифологии. Юноши и девушки, изображавшие бога Кришну, его жену Радху и других действующих лиц, в стремительных движениях, полных страсти и очарования, выражали свои переживания. Многоцветные традиционные одеж-

ды их сверкали украшениями и были в полной и своеобразной гармонии как с танцем, так и с сопровождавшей его музыкой, которую исполняли сидевшие тут же на полу трое музыкантов, с темным южным небом, украшенным гроздьями звезд и вспыхивавшими огоньками сигарет в рядах зрителей. Самобытное, приятное и чарующее зрелище это прерывалось частыми антрактами, и тогда на авансцену выходил остроумный, веселый конферансье (или, может быть, администратор) и призывал зрителей жертвовать на нужды молодого театра, не имеющего пока ни капитала, ни помещения.

Прекрасные танцовщицы, только что изображавшие богинь и героинь индийской мифологии, с подносами ходили по рядам. Зрители охотно жертвовали и нередко даже крупные суммы. Конферансье, не жалея слов, подбадривал, призывал не скупиться и, получив (неведомыми для меня путями) сведения из зрительного зала, тут же громко объявлял имя того, кто внес крупную сумму. Имя это все приветствовали дружными аплодисментами, а конферансье, призывая остальных следовать примеру этого хорошего человека, отпускал все новые шутки, встречаемые взрывами дружного хохота. Потом действие продолжалось до следующего перерыва, когда повторялась та же веселая интермедия, и так с шутками и смехом к концу спектакля собрали больше тысячи рупий. Когда по окончании представления мы поднялись на эстраду, чтобы поблагодарить артистов, нас окружили запыхавшиеся танцоры и танцовщицы, живая, общительная и жизнерадостная молодежь. Они жали нам руки, благодарили за внимание к их искусству и за наши

похвалы и тут же смеясь показывали нам, из чего сделаны их «роскошные» костюмы и украшения. Одежды их были из раскрашенной мешковины, а браслеты — из окрашенных веревок. Но сколько таланта, вкуса, изобретательности, труда, а главное — любви к своему искусству, к своей истории, к своему народу у этих молодых талантливых артистов!

Молодежный коллектив ставит своей задачей возрождение национального танца и его дальнейшее развитие. Горячий энтузиазм и энергия молодых талантов, казалось, были неисчерпаемы. Возвращаясь с представления, я испытывал такое чувство, будто побывал в утреннем саду, полном расцветающих роз, — такой свежестью, чистотой, любовью к искусству веяло от молодых энтузиастов. Нет сомнения, что они добьются своего и победят, ибо к подлинному искусству ведет только эта дорога, дорога энтузиастов, а они идут по ней и идут смело, без колебаний и без оглядки.

В другой раз мы смотрели на шумевший спектакль театра Притхви Раджа с его участием в заглавной роли. Замечательная игра актеров, в особенности самого маститого Притхви Раджа, произвела на меня глубокое впечатление.

Хороший вечер провели мы в гостях у доктора Балиги, президента Индийско-советского культурного общества. В его доме мы встретились с представителями научных кругов Бомбея, пожилыми и молодыми врачами и учеными.

Многие из них были в национальных костюмах, но манеры и все повадки у них были те же, что и у всех ученых мира. Та же не то рассеянность, не то сосредоточенность, то же невнимание к

собственной наружности, та же непосредственность реакции на простейшие жизненные и бытовые мелочи. Расспросы и рассказы, полные взаимного интереса, вылились в беседу, настолько непринужденную и дружескую, что казалось, мы были знакомы очень давно.

Помню, как гостеприимная, скромная и молчаливая наша хозяйка, госпожа Балига угощала нас десертом, разрезая особым образом изумительно вкусные плоды манго, «короля фруктов», для которых в то время как раз наступила пора созревания. Не менее прочно и ярко запомнилось и следующее за манго «блюдо» — бетель: смеясь, доктор Балига предложил нам попробовать эту пряность, употребляемую в народе как освежающее и дезинфицирующее средство, и испытать свою выдержку. Мы отважно положили в рот зеленые сверточки и начали жевать... Результаты не поддаются описанию: только раскаленные угли, взятые в рот, могли бы произвести подобное «вкусовое» ощущение...

* * *

Меня беспокоило то, что для задуманной картины «Песня кули» у меня не было еще ни одного этюда.

Ввиду того что персонажи этой сцены, происходящей в сумерки, не должны быть освещены солнцем и, следовательно, их можно писать в комнате, я решил написать хотя бы кули, играющего на флейте, в помещении выставки. В качестве натурщика я мог взять одного из тех кули, что работали у нас во время монтажа выставки.

Несмотря на то что на выставке после ее открытия никакой работы не было,

«наши» кули, то один, то другой, заходили в Джахангир галери.

Особенно часто, почти ежедневно приходил старшина артели. Его я и написал в позе отдыхающего (этот этюд был утерян в Бомбее). Я заметил, что ему очень нравилась работа у нас и наше отношение к ним, рабочим. В особенности ему нравилось то, что мы здоровались с кули за руку так же, как и с художниками. Приходя потом по окончании работ уже просто так, толкаться на выставке в светлых чистых залах, увешанных красочными картинами и наполненных не менее красочной, празднично нарядной массой зрителей, он, завидев нас, спешил навстречу с протянутой для рукопожатия сильной мозолистой рукой и широкой, радостной улыбкой.

Для «Песни кули» он мне, к сожалению, не подходил, так как был уже пожилым человеком, а мой кули должен быть молодым. Встретив другого завсегдатя выставки из этой же артели, я договорился с ним на 20 мая, когда выставка была закрыта и залы Джахангир галери подготавливались для свадьбы.

В договоре на аренду помещения Джахангир галери для нашей выставки администрация оговорила, что на день 20 мая помещение уже обещано под свадьбу. Наша выставка функционировала до этого дня.

20 мая, придя на выставку с этюдником и заглянув в большой зал, я увидел, как народный мастер-художник украшал кафельный пол зала. Пропуская сквозь пальцы красочный порошок различных цветов, он таким образом писал красками на плоскости пола. Этим распространенным среди народов Индии спо-

собом он написал в центре зала ковер, и изображение это невозможно было не принять за настоящий ковер, постеленный на пол.

Не только тонкий и сложный узор и красивейшие сочетания цвета, но и самая пушистая фактура его, его толщина и упругая мягкость — все было передано в этом мастерском изображении. В центре композиции ковра была изображена мифологическая сцена, в которой участвуют и всадник на сказочном белом коне, увозящий красавицу, и прекрасная, веселящаяся в танцах масса народу, и сказочный город, и чудесные цветы.

Для того чтобы ни у кого не осталось и тени сомнения в реальности ковра, лукавый художник слегка «загнул» один из его углов...

Оказалось, что все это сделано мастером за каких-нибудь два часа работы и за более чем скромную плату.

Закончив ковер, мастер перешел к другой части пола и начал без всякой подготовки или предварительного наброска выводить красками разноцветный орнамент. Весь пол к пяти часам пополудни должен быть расписан, и существовать эта роспись будет только те первые несколько минут, пока будут входить первые гости. Вскоре она под их ногами превратится в мешанину из разноцветной пыли... Говорят, что в Бенгалии чуть ли не каждый подросток этим способом пишет на полу или на земле картины.

Мой кули в красном тюрбане позировал с дудкой, одной из тех, что я купил в Дарджилинге.

Этот этюд в дальнейшем в числе других послужил мне основанием для работы над композицией «Песня кули».

* * *

И вот снова выставка закрыта, и мы начинаем последнюю упаковку экспонатов для отправки их на Родину.

Опять стук молотков, визг пилы и крики «чалó!». Снова всюду мелькает складная фигурка деятельного Абдул-Маджида.

Урывками я выбирал время для того, чтобы сделать карандашный портрет Джасвант Сингха, который подарил ему в память о наших совместных странствованиях по Бомбею.

На этот раз работа проходила так слаженно и организованно, что уже через два дня почти все было упаковано.

— Прощу вас упаковать меня в этот ящик с картинами, — шутил один из наших молодых друзей, — я хочу побывать в Москве...

— И меня! И меня! — смеялись его товарищи.

Уже заканчивая упаковку, мы узнали, что наш Абдул-Маджид заболел. Я не раз замечал, что такие работники, как он, почему-то никогда не заболевают в разгар работы, а только по окончании ее или, по крайней мере, к концу, когда его болезнь уже не может отразиться на деле.

Вдвоем с директором выставки М. Савеловым мы зашли навестить больного. В маленькой комнатке за кулисами сцены (в большом зале Джахангир галери есть небольшая сцена) лежал наш «стахановец» с высокой температурой, частым дыханием и лихорадочно блестящими глазами. Вызванный нами врач уже был и нашел у Абдул-Маджида воспаление легких.

Абдул-Маджид был очень тронут нашим участием. И на наши вопросы о самочувствии со слабой улыбкой успо-

коительно отвечал, чтобы мы не беспокоились, что он скоро встанет.

Действительно, через два или три дня после этого он уже был на ногах. Молодой индийский врач оказался мастером своего дела. Работы по упаковке были закончены, и наш ослабевший и осунувшийся Абдул-Маджид слонялся по опустевшим залам непривычно медлительными шагами, не зная, куда ему девать свои руки.

Вспомнив, что он как-то (и не раз) просил меня сделать его портрет, я сделал карандашный рисунок и подарил его нашему незаменимому и незабвенному Абдул-Маджиду на память.

Наступили последние дни, заполненные сборами в дальнюю дорогу. Шагая по улицам и базарам Бомбея в толпе, я с неутоленной жадностью всматривался в лица и фигуры ставших такими близкими мужчин, женщин, детей и досадовал, что, расставаясь с ними, увожу с собой лишь микроскопически малую крупицу этой жизни...

По дороге на аэродром мы обратили внимание на то, что лагеря беженцев, виденного нами в день приезда, не было. Очевидно, люди были уже устроены.

В аэропорту снова нас украшали гирляндами цветов, фотографировали, подносили подарки. Нас горячо обнимали и целовали, передавая каждого из рук в руки по нескольку раз. Теплоту этих братских объятий, как и аромат тех цветов, я помню до сих пор и буду помнить всегда.

Наконец, мы сели в самолет, взлетели, и, когда машина делала над аэродромом круг, внизу, на земле, наши друзья все еще махали нам платками...

— Прощай, Бомбей! Прощай, Индия!

СНОВА В ИТАЛИИ

И вот мы снова в таком же огромном четырехмоторном самолете компании «Эйр Индия интернейшнл», с такими же приветливо улыбающимися и предупредительно заботливыми стюардессами, с такими же разноплеменными пассажирами, что и сто два дня тому назад, когда мы летели из Рима в Бомбей.

Впереди меня, чуть влево, на ближайшем к пилотской кабине месте сидит интеллигентная девушка-индианка, по-видимому, студентка. Буйные, густые черные волосы и энергичный красивый профиль ее так и просятся на этюд... Досадуя на то, что мне больше виден ее затылок, чем профиль, я все же пытаюсь делать в своем блокноте наброски с этой замечательной головы.

После ужина лампочки у кресел гаснут, и путешественники один за другим засыпают, укрывшись легкими одеялами.

Закончилась и перевернулась интересная страница моей жизни. Индия уходила в прошлое, но в душе моей она была реальной и живой, горячей, шумной и красочной. Она жила во мне не только свежими, сегодняшними еще впечатлениями и воспоминаниями за все дни пребывания: наиболее осязательно она жила во мне в виде замыслов, которые беспрерывно зрели и беспокойно бродили в моем сознании.

Смуглые, обветренные рабочие женщины, или с ношами на головах и голенькими младенцами на руках идущие куда-то, или ночующие на плитах тротуара; мускулистый кули в красном тюрбане, играющий на флейте, разноцветные силуэты гуляющей толпы на фоне расплавленного золота вечернего Аравийского моря, красивые, детски

ясные лица с большими чистыми глазами, в глубине которых видна такая же чистая и ласковая человеческая душа, жемчужные улицы Джайпура с пешеходами в расцвеченных одеждах, величественные панорамы Ганга и Гималаев — эти и многие другие яркие и волнующие образы сменяют друг друга в моем воображении.

И я испытываю глубокую благодарность к этой великой стране и к ее милым людям за тот драгоценный духовный багаж, за те переживания, мысли и образы, которыми я обогатился, живя в ней, и которые теперь увозил в свое сердце.

*Из дневника 26 мая
Рим*

Итак, я снова в Риме. Удивительно... Вчера с утра и до двух часов дня я бегал по улицам Бомбея, стригся в парикмахерской, чистил на улу ботинки и покупал такие «сувениры», как жареные орехи, для своих сыновей, а сегодня утром мы уже были в музее «Вилла Боргезе», весь вечер слонялись по улицам и площадям Рима, и сейчас я пишу, лежа на той же самой койке пансионата «Примарозе», на которой почевал в феврале, едучи в Индию.

В галерее Боргезе мы вторично смотрели работы Рафаэля, Тициана, Караваджо и других великих живописцев Ренессанса. Но с особенным удовольствием смотрел я античную скульптуру. Никогда не волновала она меня так сильно, как сегодня. Это и понятно: в залах и коридорах Боргезе стояли как будто те самые женские фигуры, облаченные в сари с изумительно пластическими складками, которые были так

неуловимы в Индии. Иногда сходство между этими древнегреческими мраморными женщинами, одетыми в неплум, и индийскими женщинами в сари казалось мне полным. Они стояли неподвижно, как бы говоря: «Ну вот теперь, пожалуйста, можешь рисовать нас, сколько угодно, мы не пошевелимся...» Действительно, мраморы эти, давая множество жизненно правдивых движений и обилие рождаемых ими складок (тех самых складок!), позировали идеально, и для меня, нуждающегося в дальнейшем изучении законов их расположения на фигуре, были неоценимым сокровищем. Но... теперь я спешил... Музей большой, а времени у нас мало. Все же я то тут то там останавливался и делал в записной книжке поспешные, схематические наброски.

Выйдя из музея в парк, мы почувствовали дивную весеннюю благодать, будто из бомбейского пекла попали на дачу. Накануне прошел дождь с грозой. Вообще, весна здесь нынче, говорят, поздняя, прохладная и дождливая (правда, черешни, крупные и очень вкусные, уже поспели). Свежая, омытая дождем листва и высокая трава в парке благоухали, и нам не хотелось уходить. Гуляя по дорожкам, мы обратили внимание на то, что по высокой траве парка, в которой было много обыкновенных полевых цветов, ходят; на ней сидят и лежат группами и в одиночку посетители парка. Это нам очень понравилось (да и устали мы, нужно сказать, изрядно), захотелось тоже полежать на свежей траве, что мы и проделали с великим удовольствием. Вечером мы гуляли по улицам и площадям Рима, на этот раз уже в самом деле знакомым.

Долго, впрочем, гулять мы были не в состоянии: утром ведь мы еще летели над Средиземным морем, потом с аэродрома добирались до Рима, устраивались, осмотрели большой музей и, наконец, обошли пешком изрядную часть города. Устали.

Когда выяснилось, что в следующий день галерея Дориа будет открыта, мы решили задержаться в Риме еще на день, чтобы осмотреть ее, а главное «Папу Иннокентия», и уже к вечеру выехать во Флоренцию.

О том, как мы провели этот второй день в Риме, привожу запись, сделанную в моем дневнике уже во Флоренции, вечером того же дня.

Из дневника 27 мая Флоренция

Сегодня с утра мы попали наконец-то в галерею Дориа, потом осмотрели Капитолий; все это до обеда. К вечеру выехали поездом во Флоренцию, где сейчас и ночуем, с тем чтобы весь завтрашний день с утра посвятить осмотру музеев.

День так насыщен впечатлениями и волнениями, что не знаешь, как их и описать.

Довольно большая галерея Дориа имеет немало произведений кисти великих мастеров Возрождения. В частности, Рафаэля, Тициана, Караваджо, Гвидо Рени, Веронезе и других. Но в то же время после осмотра музея понятно становится широкоизвестное утверждение, что «в галерее Дориа есть одна

только картина — это портрет папы Иннокентия X работы Веласкеса».

Действительно, эта вершина в искусстве живописи возвышается над всем остальным в галерее так же, как могучий Джомолунгма над Гималаями. Это произведение — не только портрет папы, но и портрет эпохи, портрет провинкловенный, всеобъемлющий.

И вовсе картина не красна, как о том говорит большинство репродукций. Колорит «Иннокентия X» непередаваемо красив, сложен и благороден, а письмо свежо, горячо и страстно, в особенности руки и аксессуары. Лицо же писано хотя и не сухо, но строго. Шедевр великого Веласкеса царствует над всей экспозицией, отделенный от всего остального металлической загородкой. Из-за одной этой картины стоило добиваться посещения галереи Дориа.

Оттуда мы пошли в Капитолий. Весь нижний этаж огромного музея населен античными мраморами. Такого впечатления, а вернее, потрясения, я никогда в жизни не испытывал. Огромное количество великолепных древнегреческих и древнеримских статуй, портретов, барельефов, торсов самой высокой поры расцвета античного искусства следовали один за другим, прекрасно экспонированные и освещенные, и казалось, что конца им не будет.

Восторг мой возрастал с каждым залом, и я не знал, что мне делать: останавливаться ли рисовать изумительную фигуру с моими излюбленными складками «сари», рискуя не успеть обойти весь музей до его закрытия и вовсе не увидеть другие шедевры, или пройти мимо, стремясь от этой фигуры к другой, еще лучшей. Конечно, я из кожи лез, чтобы успеть и то и другое. Я отдавал себе

отчет в том, что такие молниеносные черновые наброски — далеко не то, что мне нужно, но не мог заставить себя отказаться от них. Отстав от своих товарищей, я блуждал по бесчисленным залам уже один и в конце концов сейчас не уверен — все ли залы я видел.

Перед такими статуями, как Венера Капитолийская и ей подобными шедеврами, я ловил себя на мысли, что не только невозможно представить себе что-нибудь выше этого в искусстве, но трудно как-то окончательно поверить, что это сделано человеческими руками. Сто раз прав Маркс, говоря, что античное искусство было и остается непревзойденным в истории человечества.

Многие женские фигуры пленили меня гармонической музыкой складок одежды, и я, видя в них своих индийских героинь, пытался рисовать и с трудом отрывался от них.

Когда я это записываю, с удивлением вспоминаю, что на меня, живописца, античная скульптура сейчас произвела неизмеримо более сильное впечатление, чем живопись Ренессанса.

Больше трех часов ходили мы по залам Капитолия, и, удивительное дело, нам не встретилось в залах ни одно живое существо. Мы не видели ни одного зрителя и ни одного служащего.

В 5 часов 20 минут пополудни мы выехали во Флоренцию втроем и налегке, оставив свой багаж в Риме на попечении двух других членов делегации, которые должны догнать нас в Венеции, откуда уже будем следовать все вместе. В окне проносились пейзажи Римской Кампаньи, Умбрии и Тосканы. Чудесное предвечернее небо было удивительно прозрачно. Изрезанная на лоскуты холмистая земля, тщательно возделан-

ная до последнего метра и буйно заросшая садами и виноградниками, тут и там украшена то старинным замком на холме, то уютным, миниатюрным сельщицем, то отдельной виллой.

Я пытался делать наброски в своей записной книжке, но пейзаж слишком часто менялся, и я ничего не успевал. Во Флоренцию мы прибыли в девять часов вечера, когда было уже совсем темно. К своему удивлению, несмотря на огромный наплыв певцов и музыкантов, в связи с «Флорентийским маем», мы скоро устроились в маленькой гостинице.

Весь следующий день с утра был плотно заполнен осмотром музеев Флоренции. Когда мы тронулись из Флоренции дальше, в поезде я записал впечатления этого дня.

Из дневника 28 мая *Поезд Флоренция — Венеция*

Время так спрессовано, что и десяти минут для записи не находится. Удаётся писать только в поезде. Сегодня за день впечатлений так много, да и ногами поработал столько, что сейчас все тело болит, и голову ломит...

В девять часов утра пошли мы в палаццо Веккио, так как галерея Уффици открывается только в десять часов. В течение часа мы познакомились с этим довольно мрачным сооружением XIII века, расписанным позже фресками Вазари. Фрески эти мне что-то не понравились, да и вообще из произведений искусства там почти ничего значительного я не видел, хотя скульптур

и картин порядочное количество. Интересными мне показались только интерьеры с подлинной обстановкой и даже как будто запахом средневековья. Поднявшись на террасу, мы полюбовались дивной панорамой Флоренции с ее домами, храмами, мостами эпохи Возрождения, залитыми кроткими и безмятежными лучами утреннего солнца, и сфотографировались на ее фоне.

В Уффици очень много античной скульптуры, в том числе много статуй, которых я раньше просто не знал. Меня привлекали к себе больше те, которые драпировались в «сари» и с которых я снова пытался делать на ходу наброски, но когда я увидел Венеру Медицейскую, то преклонился перед нею, хотя на ней нет ни сари, ни другой какой-либо одежды.

Необъяснимое, как музыка, очарование охватило при созерцании этого чуда, и снова не верилось, что оно может быть делом рук человеческих, и в то же время в душе рождалась великая гордость за человека, за его всемогущий гений. В час дня Уффици закрывалась, и мы с сожалением направились к выходу.

Но нам повезло: галерея Питти была открыта до четырех часов. Прекрасны вещи Веронезе, Ван-Дейка, Мурильо, Рубенса, Караваджо. Мы уже еле волочили ноги, шагая по бесчисленным залам, когда галерея стала закрываться. Было четыре часа, мы очень устали и были голодны, но до отхода нашего поезда оставалось три часа, и нам захотелось осмотреть еще капеллу Медичи. Там я восхищался шедеврами Микеланджело «День» и «Ночь», «Богоматерь с младенцем» и другими уже сидя, так как стоять был не в силах... Глядя, однако, на гениальные творения

мастера я забывал об усталости и снова начинал чертить в записной книжке наброски с них.

Наконец, мы вернулись в пансион и, наскоро пообедав, тронулись на вокзал.

Как ни крепко спали мы в Венеции после описанного «рабочего дня», все же проснулись рано.

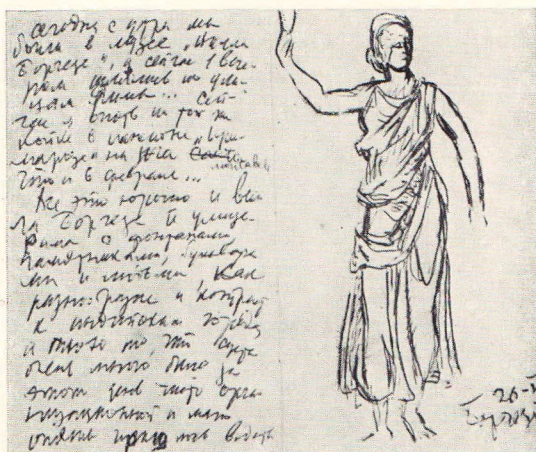
В раскрытое настежь окно видны были крыши, большей частью черепичные, еще мокрые от дождя, который прошел ночью, старинные колокольни и небо в жемчужно-белых облаках. Воздух напоен был свежестью и влагой, весь пейзаж был, как из серебра.

Наскоро позавтракав, мы поспешили к каналу Гранде, взяли билеты до станции Сан Марко, сели на катер речного трамвая и тронулись по каналу.

Сотни лодок, от традиционных черных витиеватых изогнутых гондол до моторных, кишели на поверхности канала. Одни из них были наполнены фруктами и овощами, другие — молочными бидонами или ящиками, на третьих восседали парочки туристов, преимущественно пожилых англичан.

В юрких моторках, как правило, сидели, держа портфели в руках, сеньоры средних лет с озабоченными деловыми лицами. Они спешили на службу.

У многих подъездов стояли на причале моторки в ожидании выхода хозяина. Вот на нас надвигается такая знакомая, необычная по форме арка моста Риальто, за нею мост Скалци. По сторонам канала из воды вырастают один за другим старинные палаццо, один другого затейливее и оригинальнее. Часто в открытом окне показываются женская голова и руки и снова скрываются.

К. М. М. 27-52

Вот причудливый и пышный палаццо Франкетти, за ним другие всемирно известные палаццо плавно проходят перед нашими глазами, чередуясь с не менее известными церквями и мостами. Они уходят назад, а впереди опять мосты, палаццо, церкви и гондолы на воде. Вот справа церковь делла Санта Мария Салюте. Канал за нею расширяется, и слева уже виден прославленный Дворец дождей.

Сколько восторженных описаний и изображений посвящено этой панораме! Как давно свыклись мы с мыслью о том, что эта панорама — одно из чудес мира, один из красивейших городских ансамблей! И в самом деле: только вид с Ганга на Бенарес может соперничать с этим замечательным зрелищем.

Правда, лично мне (да, думаю, что и не одному мне) и сам Дворец дождей и особенно огромная, примитивная по форме башня Кампанилла всегда казались больше странными, чем красивыми или величественными, но вся картина в целом, архитектура в сочетании с водой лагуны, небом и пространством, а главное в свете исторического «венецианского колорита» и как бы отлитая уже в определенный поэтический образ, действительно полна своеобразной гармонии и неотразимого очарования. Мы выходим на остановке Сан Марко у самого подножия Дворца дождей и попадаем в голубиную тучу — тысячи голубей разгуливают, заполняя всю площадь, взлетают и снова садятся на асфальт, на руки и плечи гуляющих, многие из которых затем и пришли сюда, чтобы покормить их. Тут же стоят с ящичками предприимчивые итальянки и продают в пакетиках зерно для голубей.

Мне очень захотелось сесть на скамью, открыть свой ящичек и написать на память этюд жемчужно-белой в этот час Венеции, но и посмотреть живопись в Палаццо дожей, собор св. Марка и другие памятники искусства тоже хотелось...

Палаццо дожей был уже открыт, и мы вошли в его залы.

Многочисленные работы Веронезе и Тинторетто, украшающие стены и потолки дворца и посвященные истории Венеции, сделаны с мастерством, присущим этим художникам. Сложнейшие группировки фигур, артистический рисунок всевозможных ракурсов, гармонический колорит — все эти достоинства налицо в каждой картине. Но после того как мы осмотрели двенадцать — пятнадцать залов, мне показалось, что мы ходим по кругу и вторично смотрим уже виденное.

Почему-то неотвязно и назойливо сверлила мысль, что и Веронезе и Тинторетто работали здесь с помощниками или учениками и что большая часть работы выполнена именно этими учениками и помощниками. Несмотря на высокое мастерство выполнения, эти картины и плафоны не произвели на меня такого же впечатления, как другие работы этих великих живописцев, виденные мною в других музеях, хотя бы во Флоренции еще вчера.

Залы следовали один за другим, и конца им не было видно, но я уже утомился и, оставив товарищей досматривать их, пошел на набережную писать этюд, так как вечером мы уже уезжали, и я боялся остаться без венецианского этюда на память.

Облака стали реже, и свет солнца, проникавший сквозь них, ярче, но все же

жемчужно-белый колорит в пейзаже преобладал. Я уселся на одной из скамей под аркой Дворца дожей, выходящей на канал, и начал писать вид на остров Сан-Джорджо.

Гуляющих на набережной было очень много, и я по привычке, инстинктивно опасался их: вот сейчас начнут окружать, рассматривать и мешать... Но на меня никто не смотрел, как будто я был невидимкой... Замечательно!

Подожла девочка лет десяти и на минуту задержалась около меня, чтобы заглянуть в мою работу. Испугавшись, что, на нее глядя, остановится и другая, а там третья и начнется старая песня, я сделал ей вежливый сигнал рукой, и она немедленно удалилась.

Сосредоточенно работая, я довольно быстро стал приближаться к концу, когда заметил, что вода стала не белой, как была, а зеленовато-голубой, и в небе между облаками появились большущие просветы голубого неба.

Если первый мотив, мотив Венеции после дождя был красив, то голубая Венеция оказалась еще красивее, и, кроме того, вероятно, это состояние было характернее для нее. Мне захотелось переписать этюд. Я и начал было его переписывать, но в это время за мной пришли мои товарищи. Они согласились подождать меня с полчаса и пошли погулять вокруг.

Передо мною лежала набережная, мощенная плитами розоватого песчаника, со снующими в обе стороны пешеходами. У ее края — длинный ряд тонких жердей и причаленных к ним черных и стройных, как ласточки, гондол. Здесь их стоянка. Дальше голубой разлив лагуны, остров Сан-Джорджо и на нем красивый палаццо с колоннадой,

какие-то тесно стоявшие старинные здания казарменно-крепостного вида без всяких украшений, с большой аркой над водой, видимо для гондол, ворота во двор, слева высокая башня в том же стиле, что и башня Кампанилле, и за всем этим морская даль.

Поголубевшая зеленоватая вода спокойно и ласково плескалась, гондолы с ловкими гондольерами плавно проходили то и дело в обе стороны, пухлые облака медленно таяли в воздухе, пахнувшим морем.

С полчаса я еще писал, но уже боялся переделывать этюд, а держался где-то посредине между первым, облачным состоянием и вторым — ясно-голубым. В знаменитом соборе св. Марка шло богослужение. Молящихся было немного, да и те менялись ежеминутно. Зайдет девушка, смочит пальцы в огромной каменной чаше, смочит себе лоб, перекрестится несколько раз, преклонив колена, и выйдет.

После осмотра собора у нас оставалось времени ровно столько, сколько нужно для того, чтобы съесть на ходу тарелку макарон и, расплатившись в гостинице, спешить на вокзал встречать свой поезд Рим — Вена, в котором следовали наши товарищи и багаж. Было очень досадно, что мы не успели побывать в Венецианской Академии, где так много работ Тициана.

В маленькой трактирии нам подали спагетти, которые, потому ли, что я сильно проголодался, или потому, что они напоминали любимое мое блюдо — дунганскую длинную лапшу «лагман», показались мне какими-то особенно вкусными.

Через час мы уже сидели в купе поезда и неслись к Альпам.

* * *

— Итак, вот уже и Италия позади! Завтра утром будем в Вене, а, выехав из Вены, через пару суток пересечем родной рубеж и будем дома, на Родине. При воспоминании о встрече с Родиной и с родными сердце начинало учащенно биться...

Наконец, не нужно было никуда спешить и можно было спокойно разобраться в своих мыслях, чувствах и впечатлениях последних дней.

Подытоживая впечатления от вторичного посещения Италии и ее музеев, я прежде всего еще раз констатировал, что античная скульптура произвела на меня неизмеримо более сильное впечатление, чем живопись итальянского Возрождения.

Однако, поразмыслив об этом, я понял, что удивляться тут нечему: черты и мотивы античности, которые я повседневно наблюдал в индийской действительности, открыли мне глаза на многое и приблизили древнегреческую и древнеримскую скульптуру, сделав ее для меня еще более понятной и прекрасной. Это первое.

И вторая причина та, что великие мастера живописи итальянского Возрождения были последовательными учениками древних. Мы знаем это со школьной скамьи, но не всегда можем сопоставлять произведения тех и других в оригиналах и в таком количестве, как нам довелось в эти дни. Когда произведения стоят рядом, то невозможно не заметить этой связи и этого влияния. И потому творения Рафаэля,

ЧИСТИЛЬЩИК ОБУВИ. 1957

Микеланджело, Леонардо и Тициана, поставленные рядом с созданиями Фидия, Праксителя и других, как-то уменьшились в моих глазах, тогда как шедевры Рембрандта и Веласкеса нисколько от этого не теряли.

Видимо, это потому, что у последних видишь не столько черты сходства с древними, сколько новые и яркие черты своего, самобытного.

Другим итогом или выводом из виденного в Италии было то, что я еще раз убедился в огромности и гениальности нашего Александра Иванова и, в частности, в том, что природу Италии он изобразил так верно, глубоко, поэтично и совершенно, как никто из итальянских художников, включая и мастеров Возрождения, его учителей. Это только подтвердило убеждение, жившее во мне и раньше.

Пейзажи А. Иванова «Аппиева дорога», «На берегу Неаполитанского залива», «Вид на Неаполь из Каstellамаре», «Понтийские болота» и многие, многие другие — это сама Италия и даже больше того: сама душа, солнечная душа ее. Конечно, я говорю только о природе Италии, так как, к сожалению, из-за краткости пребывания и профессиональной жадности нашей к музеям впечатления от Италии остались односторонними: ничего, кроме музеев и общего, чисто дорожного знакомства с ее природой, мы, в сущности, не видели. Ни с жизнью народа, ни с его трудом и бытом мы не имели возможности близко познакомиться.

Первое время мои итальянские впечатления перемешивались с образами Индии. От мраморных греческих женщин, обитательниц Капитолия, воображение переносилось к индийским жен-

щинам в сари, с кувшинами на головах, шествующим по ослепительно освещенной горячей земле, и обратно с улиц Бомбея и Калькутты — в залы и коридоры Уффици и Капитолия...

Потом живые люди Индии с их заботами и лишениями, с их радостями и мечтами постепенно брали верх. Перед моим взором возникали то идущая мать с детьми, то кули с флейтой и его молодая подруга, то беженка с ребенком и робко протянутой рукой, то веселый праздник весны в Джайпуре, праздник красок в городе красок, то подметальщица, сидящая у стены, то гордая голова молодого кули с огненными глазами, то толпы гуляющих на набережной вечернего Бомбея...

Многие из картин были обдуманы до мельчайших деталей и представлялись мне уже законченными и даже одетыми в рамы.

Эти грезившиеся мне (но еще не начатые даже) картины были так поэтичны, так правдивы, столько в них было глубоко человеческого и прекрасного, что просто дух захватывало... Нестерпимо хотелось скорее домчаться до дома и приступить к их выполнению.

Поезд стремительно несся к родной границе, но нетерпение мое было так велико, что ход его казался слишком медленным.

Как ни интересна была наша поездка, как ни захватывали меня впечатления, все же тоска по Родине никогда не проходила, а все накапливалась и нарастала с каждым днем.

Уж был на исходе четвертый месяц нашего путешествия, когда мы с большим волнением и радостью снова увидели просторы родной земли и услышали родную русскую речь.

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ЗАМЫСЛОВ

Замыслу картины я придаю первостепенное значение, так как считаю, что без глубокого, серьезного замысла не может быть произведения подлинного искусства, глубоко содержательного и волнующего. Глубина же эта не возникает сама собой и сразу, она может появиться только в результате длительного наблюдения, размышления, вынашивания. Этот длительный процесс подготовительной работы, предшествующий исполнению картины, есть не что иное, как работа над замыслом, над его совершенствованием.

Великий И. П. Павлов говорил, что из одних лишь фактов нельзя получить науку. Так и в искусстве: изображенный предмет или факт сам по себе есть только предмет и только факт. Это еще не образ, и следовательно, не искусство. Для того чтобы изображенное в картине не осталось только фактом, а стало бы ее содержанием, глубоко раскрывающим сущность определенного жизненного явления и выражающим определенную идею, нужно, прежде чем исполнять картину, «сочинить» ее, как говорили в старой Академии.

Когда этим «сочинением» не занимаются по-серьезному, не уделяют ему должного внимания и труда, а спешат приступить к исполнению, возлагая на него все свои надежды, то потом оказывается, что выполненная даже с талантом и с блеском мастерства картина или пуста и бессодержательна или же фальшива и неубедительна, и это сводит к нулю все ее живописные и прочие профессиональные достоинства.

Из всех задуманных мною в Индии сюжетов раньше других конкретизировались в образах замыслы «В пути», «Песня кули», «Женщина из Мадраса

(Колониальное прошлое)», «Подмётальщица из Джайпура», «Набережная в Бомбее вечером», «Гималаи» и «Молодой кули».

В этих картинах мне хотелось выразить восхищение великим талантливым народом, создать одухотворенные и поэтические образы простых людей Индии. Образы эти не должны быть идеализированы или приукрашены, в этом не было надобности. Тяжелые последствия колониального подчинения еще были налицо, и раны, нанесенные Индии, еще были свежими, но непякаяющая жизненная сила и неувядающая красота народа непобедимы, и после всех испытаний он, несломленный и непокоренный, вставал к новой жизни такой же юный и прекрасный, как и на заре своей пятитысячелетней культуры.

После длительного обдумывания эти замыслы представлялись воображению как уже законченные картины, но когда я приступил к работе над эскизом «Песня кули», стали, как всегда, приходить в голову все новые и новые варианты композиции этого сюжета, и все их хотелось перепробовать, все их хотелось сделать для того, чтобы выбрать лучший. В воображении моем эта сцена жила как самая простая, реальная и повседневная, без каких-либо прикрас и преувеличений и в то же время рассказывающая о глубокой духовной жизни простого человека. Как в незамысловатой и трогательной мелодии вечерней флейты на улице Калькутты слышалась тоска и неугасимая мечта о счастье, так, думалось мне, и в картине должна звучать песня о благородной, поэтической душе индийского труженика, которую не убили тяжелые лишения и невзгоды колониального угне-

тения, в которой живут высокие порывы и мечты о прекрасном. Думалось, такая картина расскажет также о том вечно живом и жизнеутверждающем начале, которое в неприкосновенности пронес индийский народ сквозь века испытаний. Втайне я лелеял мысль — в образах кули и молодой женщины показать и то, что они не только люди современной Индии, но и преемники великого наследия ее древности. Мне показалось, что в песне, которую играет кули, звучит и мечта о светлом будущем и воспоминание о далеких и славных веках его родины.

Но такое композиционное решение, которое выражало бы мои намерения, долго не приходило. Я несколько раз откладывал эту тему и, продолжая ее обдумывать, работал над другой, затем снова возвращался к ней. Даже когда я добился, наконец, неплохих результатов в ряде эскизов маслом, я все же не мог решиться приступить к картине, так как для нее был сделан только один этюд с натуры — «Кули, играющий на дудке».

Фигуры, их позы и одежды, когда они задуманы и конкретизированы в эскизах, можно, конечно, проработать и на натурщиках и даже на манекене, но отсутствие этюдов голов для остальных персонажей, а также этюдов улицы в вечерних сумерках и стены с какими-то характерными деталями, у которой происходит действие, эти пробелы мне казались невосполнимыми. Пришлось волей-неволей снова отложить исполнение картины и на этот раз в «долгий ящик». Картина «Женщина из Мадраса (Колониальное прошлое)» была задумана как обвинительное слово против колониализма.

Трудно в наши дни представить себе человека, который не понимал бы всей вопиющей, страшной несправедливости колонизации одной страны другой страной, и тем не менее на виду у всего мира великий индийский народ, создавший одну из древнейших цивилизаций на земле, создавший бессмертные шедевры искусства, почти двести лет находившиеся под чужеземным игом.

Известно, к чему это привело: к беспримерным в истории человечества страданиям и лишениям для сотен миллионов людей. Бездомные и нищие, виденные нами в 1952 году на улицах больших городов Индии, — плоды этого бесчеловечного режима. Страна не могла так быстро залечить свои раны и избавиться от тяжелого наследия недавнего прошлого, к тому же трагические события, сопровождавшие раздел страны на Индию и Пакистан, еще увеличили число бесприютных людей, беженцев и переселенцев, потерявших землю, кров, работу, семью и скитавшихся в поисках пристанища.

При встрече с такими обездоленными всякий раз вместе с сочувствием к ним закипали в сердце гнев и возмущение против колонизаторов.

Этюд женщины с ребенком, робко протягивающей руку за подаванием, сделанный в Бомбее по памяти в одну из таких минут, стал в то же время и эскизом картины, так как никакого другого композиционного решения мне, против обыкновения, даже не приходило в голову. Эскиз, сделанный в Москве, и бомбейский этюд были, как две капли воды, похожи друг на друга.

Я приступил к картине. В ней нужно было выразить не только ужас нищеты и тяжесть унижения, на которое идет

ПЕСНЯ КУЛИ. ПЕРВЫЙ ВАРИАНТ. 1954

ЖЕНЩИНА ИЗ МАДРАСА (КОЛОНИАЛЬНОЕ ПРОШЛОЕ). 1952

мать ради спасения ребенка. Хотелось, чтобы зритель, глядя на картину, вместе с гневом против угнетателей и состраданием к женщине испытывал бы в то же время чувство симпатии и уважения к ней и ко всему индийскому народу. У нее должно быть то человеческое обаяние, которое всегда покоряет при общении с простыми людьми Индии. Нужно было выразить то, о чем так хорошо сказал Джавахарлал Неру в своей книге «Открытие Индии»: «Мне казалось чудовищным, чтобы такая великая страна, как Индия, с ее богатым и древним прошлым, была прикована к отдаленному острову, который навязывал ей свою волю. Еще более чудовищным было то, что этот насильственный союз привел к безграничной нищете и деградации... Но при этом сохранялись нежность и мягкость, культурное наследие тысячелетий, которое не смогли стереть никакие несчастья»⁴. Картина была закончена и выставлена вместе с двадцатью восемью этюдами на Всесоюзной художественной выставке 1954 года (находится в Государственной Третьяковской галерее).

Идея картины «В пути» была мне ясна: сквозь лишения и невзгоды индийская женщина мужественно идет к светлому будущему. Истомленная знанием, долгим путем и страданиями, она тем не менее полна жизни, красоты и неисчерпаемой народной силы.

Я понял, почему так волновал и не давал мне покоя этот образ: он был для меня олицетворением самой Индии. Не экзотической, а реальной, сегодняшней Индии, устремленной в будущее.

КУЛИ, ОЖИДАЮЩИЙ РАБОТУ. 1957

Страстно хотелось начать писать картину, но я все откладывал это, обдумывая, какой фон, окружение будет лучше способствовать выражению идеи.

Обдумывание и вынашивание замысла в течение двух лет не пропали даром: работа пошла уверенно и быстро.

Вся сложность заключалась в точности характеристик душевного состояния матери и девочки. В процессе работы две тенденции боролись между собой: в лицах моих героинь то преобладало изнеможение и страдание, то вера в свои силы, бодрость духа, надежда. Вспоминая свои встречи с простыми людьми Индии, я понимал, что правда, художественная правда заключается в каком-то трудно определимом сочетании того и другого, и это сочетание нужно упорно и настойчиво искать. Я добивался того, чтобы в состоянии людей и во всем строе картины звучали величавая ясность, жизненная сила, преодолевающие невзгоды в стремлении к лучшему, — эти замечательные черты народа.

Неоценимую службу сослужили мне этюды с натуры, сделанные для картины: этюд женщины с ребенком, который я писал на крыше отеля под аккомпанемент джаза, девочки с базара Калаба и «Вид на Старый Дели».

Работая над темой «Набережная в Бомбее вечером», я мысленно переносился в этот город и снова как будто видел перед собой многоцветный поток людей, плавно шествующих на фоне золотистого морского простора и радующихся, как празднику, вечерней прохладе и отдыху после знойного трудового дня. В моем воображении картина была давно закончена, но я долго почему-то сдерживал себя и не начинал писать. Вечерами я карандашом компоновал

группы людей, ища более естественные и в то же время более гармоничные сочетания. Днем, работая над другой картиной, я время от времени поглядывал на заготовленный для «Набережной» плотный картон и мысленно начинал писать картину... Это продолжалось так долго, что, когда приступил к ней, работа пошла на редкость быстро и закончена была в несколько дней.

Картина «Подметальщица из Джайпура» тоже давно жила в моем воображении не только законченной, но и одетой в раму. Сначала работа над ней шла хорошо. Все казалось обдуманым и ясным, решенным еще в джайпурском четырехсеансном этюде. Когда же все решенное и достигнутое в этюде было «выложено» на холст и нужно было идти дальше, начались мучения...

Все дело было в выражении лица девушки. Какое душевное состояние должно было оно выражать? Робкое и нежное существо, привыкшее только к повиновению, впервые слышит о том, что жестокая кастовая рознь объявлена вне закона, что она такой же человек, как и все другие люди, и имеет право не только страдать и повиноваться, но и мечтать, и любить, и надеяться. И вот сквозь вековую патину отчужденности и унижения в глазах девушки сверкнула искра сознания и надежды. Нужно было суметь это передать.

В картине «Гималаи» нужно было добиться того впечатления силы, величия и гармонии, которое оставляет созерцание грандиозного зрелища вечерней панорамы гор в Дарджилинге.

Подобные картины природы в торжественный час заката я с юных лет привык видеть в горах родного Тянь-Шаня. Высокая и вечная красота этих картин

всегда ассоциировалась с величием человеческого духа. На этот раз титанические громады, уходящие в небеса, я невольно сравнивал с неиссякаемым океаном жизненных сил великого индийского народа. Мне казалось, что, выразив эту мощь, это величие и эту красоту Гималаев, можно показать в то же время силу, красоту и величие духа индийского народа, ибо они в моем представлении были неотделимы.

Большой этюд «Вечер в Гималаях», писанный в Дарджилинге, лег в основу картины. Многое в нем уже было решено. Утренний этюд с открывшейся вершиной Канченджангой помог мне разобратся в формах дальнего плана, почти растворившихся в туманной атмосфере первого этюда.

Очень волновала задача — создание образа индийского кули, осознавшего свои права, не сломленного вековым гнетом и насилием рабочего с гордо поднятой головой и прекрасными сверкающими глазами, возрождающегося к новой жизни.

По этюду «Молодой кули», писанному в Дели во время монтажа нашей выставки, пользуясь этюдами с других кули и запасом наблюдений и впечатлений, я стремился создать этот обобщенный образ индийского рабочего.

В живописном отношении труднее всего было передать тот изумительный и трудноуловимый цвет лица, похожий на цвет старой, темной бронзы со множеством оттенков, который всегда приводил меня в восхищение.

Этот мотив темно-смуглого лица в сочетании со светлыми одеждами — мой излюбленный мотив с самой юности.

Я с увлечением работал над образом кули, который был для меня представи-

телем новой, прогрессивной Индии, олицетворением людей труда, с величавой и гордой осанкой, с созданием личного и национального достоинства.

Очень печалило меня то, что замысел «Песни кули», о котором я больше всего думал и над которым больше всего работал, остался в числе отложенных на неопределенное время. Если многое в этом замысле не было конкретизировано за неимением этюдов с натуры и это не позволило мне приступить к большой картине, то центральные образы кули, играющего на флейте, и его молодой жены были мне довольно ясны. Они были передо мной, как живые, и мне нестерпимо хотелось их писать.

Я решил сделать небольшой фрагмент этой узловой части картины и попытаться выразить в нем хотя бы в небольшой степени то, что хотел. Над фрагментом «Песни кули» и картиной «Подметальщица из Джайпура» я работал до самого открытия выставки. Последнюю, впрочем, я писал еще и после открытия, когда картина уже находилась в экспозиции Всесоюзной художественной выставки 1954 в Государственной Третьяковской галерее.

На этой стене помещалось десять моих работ из жизни индийского народа: «В пути», «Подметальщица из Джайпура», «Гималаи», «Молодой кули», «Индийская невеста», «На набережной в Бомбее вечером», «Воспоминание о Джайпуре», «Песня кули», «Маленькая продавщица цветов» и «Студентка из Калькутты» (тот самый этюд, который я хотел уничтожить).

Но этим не исчерпались замыслы картин о людях Индии, покоровивших меня. Один за другим уточнялись, вынашивались и разрабатывались индийские сю-

жеты, и я работал над ними параллельно с сюжетами киргизскими.

В рассказе талантливейшего индийского писателя Кришана Чандра «Свадьба» есть сцена брачной ночи молодого бедного крестьянина Наваза: «...рано утром, когда мать Наваза вышла во двор, под навесом она увидела своего сына и невестку, которые, как дети, спали в объятиях друг друга. Голова Чхури лежала на плече Наваза, и ее слезы засохли на его щеках, под ними лежала старая кожа, над их головами сиял месяц, с одной стороны от них лежали сапожные инструменты, с другой спала овца с ягненок. Вся картина дышала невинностью и святостью. И если есть на свете бог, то он обязательно присутствовал при этом, и если есть на свете правда и добродетель, то сегодня они тоже были здесь. Слезы умиления вернулись на глаза матери. Сейчас она всей душой стремилась заключить в объятия этих двух невинных детей, посадить их к себе на колени и приласкать. Великое святое чувство материнской любви охватило ее. Она обвела двор счастливым взглядом и, словно обращаясь к своим несбывшимся надеждам, воскликнула:

— Смотрите, внимательно смотрите! Перед вами два прекрасных цветка земли!»⁵

Вот Индия, не экзотическая и не этнографическая, народная Индия! Здесь живые люди, труженики Индии, образы реальные и высокопоэтические. Здесь сама душа Индии.

Я хотел бы, чтобы в моих картинах была эта же прекрасная, поэтическая душа народа, чтобы мои образы Индии были так же правдивы и чисты как в этом фрагменте Кришана Чандра.

ВТОРАЯ ПОЕЗДКА

1957 год

ОПЯТЬ В ИНДИЮ

Прошло пять лет после первой моей поездки в Индию. Многие замыслы были осуществлены, и работы поступили в музеи, но впечатлений было так много и они были так сильны, что в голове рождались новые и новые замыслы и я продолжал работать над индийскими картинами наряду с киргизскими.

В процессе работы над эскизами к картине «Песня кули» решение этого сюжета претерпело много изменений. Сперва я отказался от многофигурной сцены ночующих на тротуаре. После того как сделано было множество вариантов этой сцены, я понял, что идея моя гораздо убедительнее может быть выражена в погрудном изображении двух главных персонажей — юноши с флейтой и его подруги, но только не на фоне стены, как в первом варианте 1954 года (названном мною «Фрагментом»), а на фоне вечернего неба.

Постепенно эта тема переросла в замысел триптиха. Первой в 1957 году была закончена правая его часть «Вечернее раздумье», эскизом к ней послужила маленькая работа 1953 года «Воспоминание о Джайпуре». Над центральной «Песня кули» и левой «Мирные будни» я продолжал работать, как вдруг узнаю, что намечается новая поездка в Индию группы художников и я включен в ее состав. Это было как нельзя более кстати, так как я очень нуждался в этюдах с натуры для триптиха. В особенности нужны были этюды голов для «Песни кули»: невозможно придумать такие головы, которые выражали бы все то, что я задумал. У меня были этюды от первой поездки: «Кули, играющий на дудке» и «Мальчик, играющий на дудке», а для женской головы не было ни одного...

Да и вообще побывать снова в побывавшей мне Индии было здорово, тем более что эта поездка не имела никакой другой задачи, кроме творческой работы. Поехало нас семь человек, включая переводчика.

Я был доволен, что мне пришлось лететь не через Ташкент—Кабул, а через Европу, так как это значило побывать еще раз в Италии. Я даже подумал: чем черт не шутит, может быть, удастся попасть в Неаполь и еще раз попытаться написать Каstellламаре с той точки, откуда писал его Александр Иванов. (Это мое желание осуществилось на обратном пути из Индии на Родину в апреле 1957 года). На всякий случай я приготовил для этой цели два больших продолговатых картона одного формата, в размер чемодана, переложил их пробками по углам, связал и уложил в чемодан поверх вещей. Остальные картонки для индийских этюдов были гораздо меньшего размера.

В Бомбее мы сделали пересадку и в Дели прибыли в тот же день.

Уже в бомбейском аэропорту я «всей кожей» почувствовал Индию... В здании аэропорта каркают вороны, крутятся фены, многие служащие и рабочие ходят в шортах. В толпе встречающих и провожающих вспыхивают и мерцают снова изумительные цвета: голубые и оранжевые, сиреневые и алые... Одна девочка была одета в смугло-оранжевую кофту с темно-фиолетовыми цветочками и бледно-розовую юбочку, а лицо у нее какое-то серо-фиолетовое с ярко выделяющимися глазами. Другая в пламенно-красном сари с лицом и руками неопишуемо смуглого, серо-синего оттенка. Женщина в нежнейше-голубом сари сидела на сером асфальте...

Да что перечислять! Большинство этих цветов на слова трудно перевести. Когда фигура приближалась и воспринималась в отдельности, сама по себе, то цвета ее одежд оказывались не такими необъяснимо красивыми и своеобразными. Они становились какими-то обыкновенными и элементарными... Ну красное, ну синее, ну зеленое, и что из этого? А в толпе, то есть в сочетании с другими одеждами, они приобретали какое-то особое звучание и характерно индийское очарование.

Глядя на людскую массу, я ощутил знакомое волнение: от этой толпы, похожей на цветник, казалось, исходил аромат, как от цветника... Правда, многие встречающие и провожающие и в самом деле держали в руках гирлянды из цветов, но впечатление было именно такое, будто от этих веселых и ярких, как цветы, девушек, юношей, женщин и детей пахнет цветами.

Из дневника 13 января Дели

Весь день бродили по улицам и переулкам Старого Дели, так как по случаю воскресенья нет никаких дел. Изумительное чувство: все, все мне безумно нравится, все хочется писать. Спутник мой удивлялся — что может нравиться в грязных, темных переулках, напичканных людьми в старых, поношенных одеждах? Точно так же 55 лет назад мои школьные товарищи и педагоги удивлялись: что нахожу я хорошего и интересного в рваных бедняцких юртах киргизов и казахов? А мне и тогда и теперь больше всего хочется писать народные «низы». Почему-то,

СТАРЫЙ ДЕЛИ. УЛИЦА ЧАНДНИ ЧОУК. 1957

КВАРТАЛ В СТАРОМ ДЕЛИ. 1957

глядя на них, я всегда испытываю наряду с участием и симпатией интерес живописца: в бедной одежде и обстановке я вижу больше живописного богатства, чем в новых, хороших одеждах и богатых, комфортабельных условиях. Кажется, каждый переулок писал бы и чуть ли не каждого из их обитателей в поношенных одеждах, смуглых, добрых, веселых...

Один худой, оборванный юноша, закутанный от «холода» в какую-то тряпку, как и большинство в это время года, слабой походкой подошел ко мне с протянутой рукой. Он показался мне похожим на того кули, с которого я в 1952 году писал этюд «Молодой кули», находящийся в Русском музее в Ленинграде. Только куда девался его гордый, огненный взгляд, осанка, исполненная достоинства и уверенности? От голода или болезни он был слаб, бледен и худ. Нестерпимо жалко было парня, и я положил в его влажную холодную ладонь какую-то монету. Рассмотрев монетку, он бросился вслед за нами и, так как мы уже сидели в такси, наклонился к окну машины, бормоча что-то. Сияющие глаза и улыбка его были полны горячей благодарности. До сих пор перед моими глазами его длинная качающаяся фигура и благодарный взгляд. Это был, конечно, не тот мой кули, но очень похожий на него. Бедняков с протянутой рукой на улицах гораздо меньше, чем в 1952 году, но раны, нанесенные стране колониализмом, заживают не так быстро, как хотелось бы.

Зато на другой день в ресторане отеля «Джан-Патх» я встретил уже действительно старого и доброго знакомого. К

нашему столику подошел молодой индеец и спросил у переводчика, из какой делегации мы, и взглядом показал на меня. Тот ответил и назвал мою фамилию. Тогда индеец обратился ко мне:

— Мистер Чуйков, ведь я — Джасвант Сингх, — и бросился в мои объятия. Долго мы, взволнованные, радостно хлопывали друг друга по плечам и по спине. Я не узнал его из-за отсутствия бороды, без которой он стал выглядеть 18-летним юношей, тогда как с бородой ему вполне можно было дать тридцать. Он же, хотя и подумал — не я ли это, не был уверен, так как я за эти пять лет сильно пополнил.

Вспомнили мы Бомбей и наши с ним походы на этюды в бедняцкие кварталы и в лагеря беженцев. Я пригласил его к нам в отель «Марина».

Из дневника 15 января *Дели*

Сегодня проснулся сияющим, ликующим солнечным утром и с удовольствием ощутил знакомый своеобразный утренний запах Индии... Воздух пропитан каким-то ароматом свежести и зелени... не то бананов, не то вообще фруктов. Весь день солнце блистало без помех, ни одного облачка. Погода благоприятствовала работе, но мне пришлось весь день делать визиты. Первый визит к генеральному секретарю Ассоциации изящных искусств, заместившему Барадду Укила, который стал генеральным секретарем Академии искусств. Долго я не мог найти тот павильон, в котором была развернута наша выставка в 1952 году. Оказалось, что павильон тот сне-

сен, а ассоциация помещается в новом, специально построенном здании «Интернейшнл арт галери», на строительство которого собирали средства в 1952 году при нас.

Первым, кого я встретил в здании, был м-р Бомик, управделами ассоциации, ездивший с нами, с выставкой Советского искусства в 1952 году. Он обрадовался мне так же, как и я ему, и мы заключили друг друга в объятия.

Новый секретарь тоже сразу узнал меня и принял очень тепло. И с ним мы крепко обнялись. Он показал нам все здание, в частности выставочные залы, и мы с улыбкой вспоминали тот павильон-сарай, в котором они раньше помещались и в котором устраивали все выставки, в том числе и нашу.

Да, за пять лет многое изменилось в Индии. С первых же шагов замечаешь разницу во всем. С огромным энтузиазмом и вдохновением строит индийский народ свою новую Индию.

Потом мы поехали к Бараде Укилу в Академию.

— Ну, я не ожидал от вас, Семен Афанасьевич, такого... такого успеха, что ли... — заговорил мой спутник, когда мы тронулись. — Как вы с ними, как с родичами, в обнимку...

— А что, вам не нравится это?

— Что вы, Семен Афанасьевич, я просто залюбовался и был растроган.

— Ну, то-то же!

Барада Укил тоже приветливо и тепло принял нас, хотя был очень занят. От него мы поехали к художнику Б. Саньялу, директору художественной школы, который принял нас еще радушнее и теплее и пригласил к себе в гости на 25 января. Он просил дать согласие на встречу с местными художниками.

Между первой и второй моей поездкой в Индию у нас в Москве была показана выставка произведений современных художников Индии. Сопровождал ее Б. Саньял, с которым мы тогда и познакомились. Будучи у меня в гостях, Саньял играл на одной из моих тростниковых флейт, привезенных из Индии. Потом он пригласил нас к себе в гостиницу «Москва» и просил меня захватить с собой ту самую флейту, так как свою он не привез. Это был еще один незабываемый концерт. (Эту флейту Саньял тогда попросил у меня, чтобы играть на свадьбе в посольстве.) И вот теперь в Дели мы снова взволнованы его проникновенной игрой. Дивные, хватающие за душу народные мелодии и плачут, кажется, и радуются, и зовут куда-то вдаль и ввысь, и повествуют о многострадальной судьбе народа, о его красоте, о его тоске по лучшей доле.

* * *

Так как задачей моей было сделать для триптиха нужные этюды, я решил много не ездить по стране, а, наоборот, подольше жить на одном месте — так скорее добудешь нужную натуру. Только в Джайпуре и в Бенаресе я хотел побывать. В Джайпуре хотелось еще раз наблюдать и участвовать в праздновании «Холи», а в священном Бенаресе написать великолепную панораму со стороны Ганга.

Пока нужной природы не было, я ежедневно ездил в Старый Дели и писал улочки, переулки и закоулки («Чандни-Чоук», «У старых ворот», «Предвечерняя улица», «Овощная лавка» и др.). На многолюдных улицах Старого и

сен, а ассоциация помещается в новом, специально построенном здании «Интернейшнл арт галери», на строительство которого собирали средства в 1952 году при нас.

Первым, кого я встретил в здании, был м-р Бомик, управделами ассоциации, ездивший с нами, с выставкой Советского искусства в 1952 году. Он обрадовался мне так же, как и я ему, и мы заключили друг друга в объятия.

Новый секретарь тоже сразу узнал меня и принял очень тепло. И с ним мы крепко обнялись. Он показал нам все здание, в частности выставочные залы, и мы с улыбкой вспоминали тот павильон-сарай, в котором они раньше помещались и в котором устраивали все выставки, в том числе и нашу.

Да, за пять лет многое изменилось в Индии. С первых же шагов замечаешь разницу во всем. С огромным энтузиазмом и вдохновением строит индийский народ свою новую Индию.

Потом мы поехали к Бараде Укилу в Академию.

— Ну, я не ожидал от вас, Семен Афанасьевич, такого... такого успеха, что ли... — заговорил мой спутник, когда мы тронулись. — Как вы с ними, как с родичами, в обнимку...

— А что, вам не нравится это?

— Что вы, Семен Афанасьевич, я просто залюбовался и был растроган.

— Ну, то-то же!

Барада Укил тоже приветливо и тепло принял нас, хотя был очень занят. От него мы поехали к художнику Б. Саньялу, директору художественной школы, который принял нас еще радушнее и теплее и пригласил к себе в гости на 25 января. Он просил дать согласие на встречу с местными художниками.

Между первой и второй моей поездкой в Индию у нас в Москве была показана выставка произведений современных художников Индии. Сопровождал ее Б. Саньял, с которым мы тогда и познакомились. Будучи у меня в гостях, Саньял играл на одной из моих тростниковых флейт, привезенных из Индии. Потом он пригласил нас к себе в гостиницу «Москва» и просил меня захватить с собой ту самую флейту, так как свою он не привез. Это был еще один незабываемый концерт. (Эту флейту Саньял тогда попросил у меня, чтобы играть на свадьбе в посольстве.) И вот теперь в Дели мы снова взволнованы его проникновенной игрой. Дивные, хватающие за душу народные мелодии и плачут, кажется, и радуются, и зовут куда-то вдаль и ввысь, и повествуют о многострадальной судьбе народа, о его красоте, о его тоске по лучшей доле.

* * *

Так как задачей моей было сделать для триптиха нужные этюды, я решил много не ездить по стране, а, наоборот, подольше жить на одном месте — так скорее добудешь нужную натуру. Только в Джайпуре и в Бенаресе я хотел побывать. В Джайпуре хотелось еще раз наблюдать и участвовать в праздновании «Холи», а в священном Бенаресе пописать великолепную панораму со стороны Ганга.

Пока нужной природы не было, я ежедневно ездил в Старый Дели и писал улочки, переулки и закоулки («Чандни-Чоук», «У старых ворот», «Предвечерняя улица», «Овощная лавка» и др.). На многолюдных улицах Старого и

Нового Дели я жадно всматривался в мелькающие фигуры. Сколько их, ослепительно красивых мужчин и женщин, пластичных, как античные скульптуры, проходило мимо!.. С кувшинами, корзинами или узлами на головах, с бронзовыми деташками на руках, весело сверкающие глазами и зубами.

Я вспомнил, как поспорил с одним индологом, не раз бывавшим в Индии. Когда я сказал, что, по моим наблюдениям, индийские женщины из самых низов народных (даже из касты «неприкасаемых»), как правило, красивее женщин из зажиточных слоев населения, он запротестовал и доказывал мне, что этого никак не может быть — хотя бы уже из-за длительного, из века в век продолжавшегося недоедания. Теперь, идя по улице в многолюдном потоке, я всматривался и сравнивал тех и других, проверяя впечатление первой поездки. И снова убеждался, что я был прав, а в чем секрет — не знаю. Я подумал, что, может быть, меня как живописца больше привлекают бедные женщины, потому что их старые, поношенные сари лучше облегают фигуру, «лепят» ее формы, и складки на таких фигурах не «сундучные» и не «утюжные», а образовавшиеся от движения фигуры и потому более живые, естественные и пластичные. Да и по цвету стиранное, полинявшее сари, конечно, сложнее, чем «сырая» краска новой ткани. В поношенной и полинявшей ткани много оттенков цвета, и иногда он настолько сложен, что не сразу скажешь, какого же цвета эта одежда. Но потом я убедился, что и в самом «обыкновенном», человеческом смысле красивые фигуры и красивые лица гораздо чаще встречаются среди бедноты.

На одном из приемов в нашем посольстве в Дели меня познакомили с сотрудницей редакции «Таймс оф Индия». Ей было поручено написать обо мне статью для этой газеты. Я поставил ей условие, что буду во время беседы писать с нее этюд. Он нужен был мне для правой части триптиха «Вечернее раздумье». Она согласилась, и начались сеансы, продолжавшиеся четыре дня. Корреспондентка попросила у меня фото с картины «Песня кули» (первый вариант 1954 года), и через несколько дней в газете «Таймс оф Индия» была напечатана ее большая статья с моим портретом и репродукцией этой картины. Статья имела странный заголовок «Советский художник открывает Индию»...

Из дневника 12 февраля Дели

Сегодня я на приеме в посольстве снова встретил сотрудницу «Таймс оф Индия» и спросил, почему у ее статьи такое странное название. Какой же я «открыватель» Индии?

— Европейцы знают Индию только с туристской точки зрения, — сказала она. — И художники-европейцы всегда изображают ее тоже с этой точки зрения: достопримечательности, памятники древности, экзотическая природа, слоны, обезьяны. Вы — первый из европейцев стали изображать простой народ нашей страны. Следовательно, вы показываете, открываете другую Индию, народную. Разве это не есть «открытие Индии»?

ПОЕЗДКА В БЕНАРЕС

Как ни озабочен был я главной своей задачей: найти подходящих людей, договориться и написать нужные для картины этюды, все же удержаться от посещения Бенареса не мог. В самом деле, священный город на берегу священного Ганга, древнейший центр индийской культуры, религии, философии, легендарный город, с его величественной панорамой — олицетворение, душа Индии. Таким он мне представлялся, а видел я его, можно сказать, мельком тогда, в 1952 году. И вот мы с художником А. Кокориным в Бенаресе.

Очень хотелось мне пожить в национальной гостинице, находящейся «в двух шагах» от набережной, в самой гуще народной жизни и потому удобной для работы, но, к сожалению, в этом национальном отеле комнаты сдаются без постелей; кровати есть, а постели приезжие привозят свои... Ну, у нас, конечно, никаких постелей не было, и пришлось остановиться в фешенебельном английском отеле «Кларк», расположенном в трех милях от Бенареса. В Бенаресе имеется два европейских отеля: «Кларк» и «Париж», и оба находятся вне города (во времена колонизации европейцы строили для себя отели всегда подальше от местного населения во избежание лишних контактов с ним). Это очень усложняло нашу работу, так как работать нам нужно было в городе, а машины у нас не было, чтобы ездить туда ежедневно. Сообщение же этих отелей с городом возможно только посредством тонги (извозчика) и велорикши.

Пришлось прибегнуть к такой комбинации: ночуем, завтракаем и ужинаем в «Кларке», а на весь день уезжаем на тонге в Бенарес, захватив с собой свой

«обед» сухим пайком. В городе мы сняли комнату в национальном отеле, где в полдень закусывали своим сухим «обедом» и час-другой отдыхали, лежа на голых досках деревянных кроватей. С наступлением сумерек мы на извозчике же возвращались в «Кларк» на ночлег. Таким образом, мы имели возможность писать в день по два этюда: с утра один и второй после обеда. Кроме того, на ходу делали наброски.

Люди позировали для набросков охотно, но любопытные зрители донимали как всегда...

Я мечтал всласть пописать грандиозную панораму Бенареса с Ганга. Незабываемое впечатление от нее, полученное в первую поездку, было потрясающим, и я с тех пор мечтал о законченных этюдах этого неповторимого пейзажа. Я начал довольно большие этюды, сидя посреди Ганга в большой, неуклюжей лодке с гребцом. Оба мотива так переполнены и нагромождены многочисленными постройками, что требовали многих сеансов.

Захватывающее дух зрелище панорамы приводило меня в трепет, и я работал как одержимый. Да иначе и нельзя было бы разобраться в той каше из домов, дворцов, храмов, мечетей, часовен, курмирен и пр.

Не менее волнующими были наши прогулки по переулкам древнего города. Кто хочет понять, что означают слова «узенькие кривые улочки восточного города», пусть пройдет по переулочкам Бенареса... Массу крошечных лавчонок, напичканных и увешанных всевозможными разноцветными товарами, с сидящими внутри продавцами, рассекают, как извивающиеся ручейки, узкие проходы, где только-только разойтись

двум встречным пешеходам. Улочки эти наполнены движущимся, струящимся в обе стороны плотным людским потоком и пропитаны ароматом благовонных курений. Эти дымящиеся ароматические палочки «агрбати», будучи зажженными даже в Москве, мгновенно переносят вас в Индию... Здесь же, в священном Бенаресе, таинственном, легендарном городе, их аромат навевает что-то мистическое, потустороннее. Тем более что ручейки этих переулочков то и дело упираются в какой-нибудь храм или часовню, где сосредоточенно молятся люди и дымятся агрбати.

Ни в Дели, ни в Калькутте, ни в Агре и Джайпуре, нигде не впечатляют с такой силой «воспоминания» о далеком прошлом, нигде нет такого осязаемого веяния истории, истории духовной жизни великой страны, как в Бенаресе. Правда, в Калькутте иногда повеет настроением тагоровской поэзии, но чаще индустриализация перебивает этот аромат прошлого, возвращая к деловой прозе современности. В Бенаресе же все кажется нетронутым со времен глубокой древности.

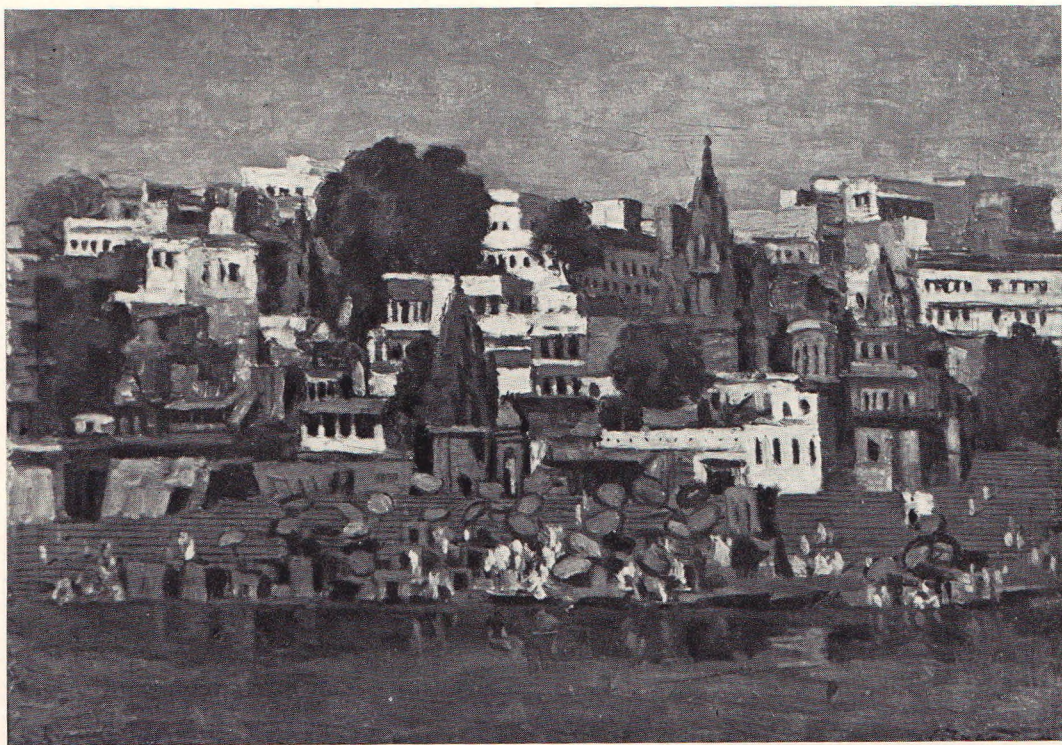
Оба пейзажа: «Панорама Бенареса» и «Вид на Бенарес с Ганга», удалось закончить. Они находятся в музеях Горького и Саратова.

*Из дневника 6 марта
Бенарес*

Переулочки Бенареса, темные и глубокие, как колодцы, наполнены тайной, неожиданными видениями и всевозможными ароматами разнообразного происхождения, особенно переулочки, ведущие к Вишнават-темплу: этого, ко-

ПРОДАВЦЫ ЦВЕТОВ В БЕНАРЕСЕ, 1957

ПАНОРАМА БЕНАРЕСА. 1957

нечно, нигде, ни в одном городе Востока не увидишь. Помнить эти разукрашенные лавчонки с бусами, кушинами, игрушками, ароматическими курениями, цветами, пряностями, красками, тканями, посудой, фруктами, сладостями, напитками и еще какими-то неизвестными мне вещами...

Набережная Ганга с молящимися и совершающими омовение, с погребальными кострами и покойниками, лежащими в очереди пятками к водам Ганга, и, конечно, знаменитые «гхаты» — гигантские лестницы на набережной.

Помнить ту молодую красивую женщину, что стояла одетая по пояс в воде и страстно молилась, сложив ладонь и возведя заплаканные, умоляющие глаза к небу. О чем она просила бога?

Помнить старика, приложившего сложенные ладони к низко склоненной голове. Эта облысевшая, старая, несчастная голова, изборожденная морщинами, складками и жилами, и эти костлявые натруженные кисти рук полны были смирения и покорности... Они только просили богов пожалеть их хотя бы в будущей жизни...

Помнить также тяжелое чувство, вызванное зрелищем разлагающихся трупов животных, плывших в «священных» водах Ганга, и того, как этой водой верующие полощут рот.

Вера в святость и чистоту воды в Ганге до того сильна, что, даже глядя со стороны, чувствуешь, с каким «аппетитом» люди окунаются, полощут рот и нередко пьют ее. Многие после омовения несут домой маленький медный кушинчик с этой «святой» водой...

В ДЖАЙПУРЕ

9 марта мы с индологом В. Л. Крашенинниковым приехали в Джайпур и вскоре познакомились с местным журналистом и прогрессивным общественным деятелем, оказавшим нам беспрецедентное гостеприимство. Он доставал мне «натурщиков» и «натурщиц», забываясь о том, чтобы ни один день и даже час не пропадал у меня даром. У него на квартире я и писал ежедневно с утра джайпурских женщин с кувшинами на головах и с детьми на руках. Когда «натура» подводила, жена хозяйна Раджкумари заменяла не явившуюся женщину и позировала в нужной позе, а сам Амрит нянчил трехмесячную дочку Риту. Начал я и портрет сидящей Раджкумари в рост, который находится ныне в Русском музее в Ленинграде.

*Из дневника 11 марта
Джайпур*

Вчера перебрались из отеля «Cirkut House», находящегося, как и большинство европейских отелей, за городом, в индийский национальный отель «Хинд отель». Наконец-то осуществилось давнее желание — пожить в гуще народной, в национальной гостинице в центре города. Молодые хозяева отеля, два брата радушно приняли нас и даже достали нам где-то постели... «Хинд отель» стоит на той самой улице, где я в 1952 году в течение четырех вечеров писал с балкона вдовьего дома свой пейзаж «В Джайпуре» (с красной стеной). Я даже разволновался, увидев знакомое место... Теперь меня тянет пойти в «Нью отель», где мы тогда жи-

В ДЖАЙПУРЕ

9 марта мы с индологом В. Л. Крашенинниковым приехали в Джайпур и вскоре познакомились с местным журналистом и прогрессивным общественным деятелем, оказавшим нам беспрецедентное гостеприимство. Он доставал мне «натурщиков» и «натурщиц», заботясь о том, чтобы ни один день и даже час не пропадал у меня даром. У него на квартире я и писал ежедневно с утра джайпурских женщин с кувшинами на головах и с детьми на руках. Когда «натура» подводила, жена хозяйки Раджкумари заменяла не явившуюся женщину и позировала в нужной позе, а сам Амрит нянчил трехмесячную дочку Риту. Начал я и портрет сидящей Раджкумари в рост, который находится ныне в Русском музее в Ленинграде.

*Из дневника 11 марта
Джайпур*

Вчера перебрались из отеля «Cirkut House», находящегося, как и большинство европейских отелей, за городом, в индийский национальный отель «Хинд отель». Наконец-то осуществилось давнее желание — пожить в гуще народной, в национальной гостинице в центре города. Молодые хозяева отеля, два брата радушно приняли нас и даже достали нам где-то постели...

«Хинд отель» стоит на той самой улице, где я в 1952 году в течение четырех вечеров писал с балкона вдовьего дома свой пейзаж «В Джайпуре» (с красной стеной). Я даже разволновался, увидев знакомое место... Теперь меня тянет пойти в «Нью отель», где мы тогда жи-

ли: все кажется мне, что там я увижу свою «Подметальщицу из касты «неприкасаемых».

Позднее я ездил в «Нью отель», но ни той подметальщицы, ни того хозяина, ни тех слуг там уже не было. Все изменилось, все было другим...

Когда Амрит услышал о нашем намерении участвовать в праздновании «Холи», он пришел в ужас.

— Ни в коем случае нельзя этого делать, — заявил он категорически.

— Почему же?

— Веселящаяся толпа будет охвачена таким буйным весельем, таким азартом, что, помимо своей воли, может причинить травму.

Увидев, что мы непреклонны, он взял с нас слово, не выходить на улицу без него. Он обещал приехать на велосипеде к нам в отель (т. е. на другой конец города) к 10 часам утра, чтобы мы все вместе присоединились к толпе празднующих джайпурцев.

Наш «гид» опаздывал, и мы в нетерпении, стоя на своем балконе, любовались бьющей внизу, раскрашенной, веселящейся толпой. Когда Амрит появился на своем велосипеде, мы ахнули, такой жалкий, истерзанный вид был у него. С мокрого, как утопленник, журналиста ручьями стекали краски всех цветов спектра. Он снова просил нас отказаться от нашей затеи и не выходить на улицу, но... мы были неумолимы. Я уже надел белую рубаху, которую специально приобрел для этого.

Когда мы втроем вышли за ворота отеля, на нас с ревом и хохотом набросились джайпурцы и стали «обрабатывать». К холодным струям жидкой крас-

ки из насосов, бившим и в спину, и в грудь, и в лицо, я был подготовлен, так же, как и к шлепкам мокрых ладоней, но вот когда в лицо и в волосы стали сыпать и растирать красочный порошок, тут уж я струхнул...

— Осторожнее, ребята! Это наши гости, советские друзья, — кричал Амрит.

— А-а, советские! Ура, да здравствуют советские друзья! А ну-ка поддадим им хорошенько!

— Бежим, — крикнул Амрит и, схватив меня за руку, бросился в ворота. Мокрый и пестрый Крашенинников последовал за нами.

Отряхиваясь, мы снова вышли на балкон, и тут к нам стали подходить улыбающиеся служащие отеля с красками в руках и со своей стороны «прикладывались» к нам, завершая наше красочное оформление. Моя белая (бывшая белая) рубаха, обработанная таким образом, теперь хранится у меня в Москве, как сувенир, живо напоминающий мне джайпурский «Холи» 1957 года.

Ночью мы долго слонялись по улицам и переулкам Джайпура, имевшего в эти дни фантастический вид. Всюду горели огромные костры. Кроме того, горели все фонари и лампы, в городе. У костров гремели духовые оркестры или играли музыканты на народных инструментах, а люди пели хором, другие тут же плясали. Весь город не спал ночь, так же как никто не работал днем: учреждения, магазины, лавки — все прекратили работу, чтобы праздновать «Холи».

Хотелось сказать «индийцы очень любят этот праздник», но тут же вспомнил, что простой народ Индии вообще очень любит свои праздники и с чисто детским увлечением и простодушным са-

мозабвенно предается веселью, обрядам, процессиям и всяческим украшениям. На празднования и связанные с ними украшения щедро тратятся чуть ли не последние деньги...

* * *

Так как всевозможные помехи с роковым постоянством тормозили мою работу, я продлил свое пребывание в Джайпуре еще на 5 дней и успел сделать несколько этюдов женщин, стоящих с кувшинами или с детьми на руках, юноши в малиновом тюрбане, портрет Раджкумари и пейзаж «Джайпур», находящийся ныне в таллинском художественном музее.

Хозяева «Хинд отеля» были очень внимательны к нам и предупреждали малейшее наше желание (кроме желания съесть мясное блюдо...). Когда мы уезжали, они вышли нас проводить и попрощаться и были очень огорчены нашим отъездом.

— Мы были вам очень рады, — сказали они. — Ведь это первый раз у нас остановились европейцы. До вас ни один европеец не поселялся в индийском национальном отеле.

* * *

Шел уже третий месяц, а этюда женской головы, склоненной на плечо кули, у меня все не было, так как не удавалось договориться с подходящей женщиной для позирования. Проще всего было, конечно, написать этюд с сестры или жены кого-либо из индийских ху-

дожников, ибо нередко они сами предлагали позировать. Но... по какому-то предубеждению я не находил в их лицах того, что выражало бы мой замысел. Какой-то, видимо, «психологический барьер» мешал.

Это так же, как, помню, в Киргизии я делал этюды колхозной девочки с тюльпанами к картине «Цветы Киргизии», для чего вместе со своей «натурщицей» собирал тюльпаны на ближайшей горе. Когда на тех горах тюльпаны отцвели и мне подсказывали, что, едуци из города в колхоз «Орто-сай», где жила девушка и где я ее писал, можно в городе на улице около кинотеатра купить сколько угодно таких же горных тюльпанов и взять их с собой, я никак не мог заставить себя сделать это. Мне казалось, что это будет уже «не то»... Нужно обязательно вместе с девочкой или, в крайнем случае, *самому нарвать тюльпанов в горах*, и я ездил за ними в район Курдая за 40 километров. Точно так же и в Дели мне казалось, что все знакомые интеллигентные женщины — это «не то».

Когда времени до отъезда из Индии оставалось уже мало и надо мной нависла угроза того, что я останусь без тако-го, совершенно необходимого этюда, я обратился к Б. Саньялу с вопросом — нет ли у них в художественной школе натурщиц. Мысль эта приходила мне и раньше, но «психбарьер» и тут срабатывал: все казалось, что натурщица-профессионалка — это «не то». Хотелось писать какую-то «подлинную» представительницу народа (как будто натурщица не из народа!). Но теперь мне уже было, как говорится, «не до жиру, а быть бы живу». Саньял обещал помочь и пригласил приехать в школу.

Оказалось, что штатных натурщиков у них нет, а позируют всякий раз случайные люди. В тот день из таких никого не было, и Саньял предложил выбрать кого-нибудь из учениц. Мы прошли с ним по классам, и я остановился на одной «кандидатуре». Когда девушке рассказали, что я работаю над картиной «Песня кули», и объяснили ее задачу, а именно, что она должна будет изображать девушку, которая мечтательно склонила голову на плечо своего друга, играющего на флейте, она сказала:

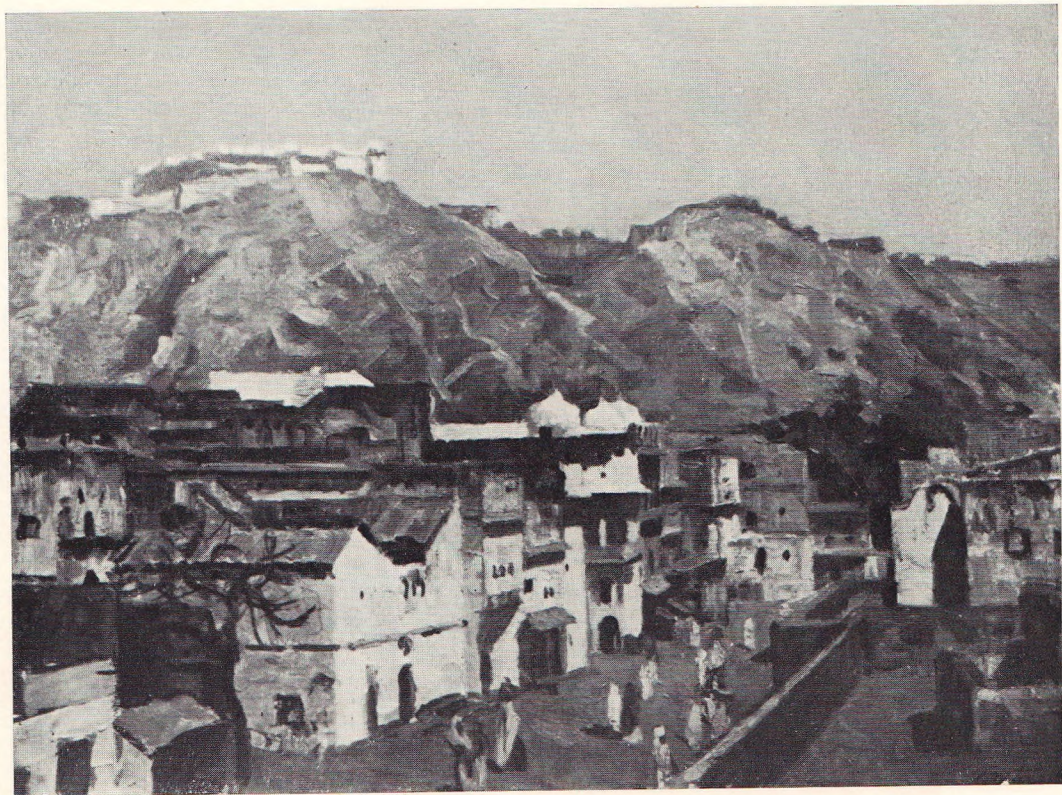
— Да, да, я поняла. Я видела эту картину.

— Как?.. Где могла она ее видеть? — удивился я.

— В газете «Таймс оф Индия» была репродукция этой картины, — ответила она, — и она всем нам очень понравилась. Мы даже удивлялись, почему никто из наших художников не написал такую картину? Ведь это очень по-индийски.

Нам предоставили для работы маленькую комнатку, и я стал усаживать Арпиту в нужную позу. Высокого юношу в тюрбане из окружавших нас студентов я попросил сесть рядом с нею, для того чтобы она могла склонить голову на его плечо. Он застенчиво улыбнулся, Арпита смутилась и запротестовала, а я понял, что допустил бестактность... Вместо него Арпита пригласила свою подругу сесть рядом.

Когда я приготовил свой инвентарь и взглянул на «натуру», то обомлел... Арпита так вошла в роль, так перевоплотилась... Ее глаза, устремленные вдаль, выражали тихую, мечтательную задумчивость, как будто девушка грезилась о счастье.

ДЖАЙПУР. 1957

Пораженный и взволнованный, я сказал себе: «Ну, если мне удастся передать хотя бы одну сотую этого проникновенного, трогательного выражения, то моя задача будет разрешена и картина будет обеспечена хорошим этюдом».

Поразительна впечатлительность, чуткость и одухотворенность этих так называемых «простых людей». Арпита с полслова поняла мой замысел (хотя он не так уж прост) и мгновенно прониклась им.

Этюдом этим я остался доволен, и он в дальнейшем сослужил мне хорошую службу.

Для головы кули с флейтой удалось сделать несколько этюдов с подлинных кули, а для одного этюда позировал молодой художник, преподающий в той же художественной школе. Мысленно я уже работал над большой картиной «Песня кули»...

Из дневника 3 апреля Дели

Снова и снова я задаю себе недоуменный вопрос: как могло случиться, что за все время никто из множества художников, приезжавших в Индию из Европы, не только не воспел, но вовсе не обратил внимания на народ Индии, не «заметил» его?

Интересуются только памятниками древности, экзотической природой с пальмами, слонами и обезьянами, или мифологией. Из людей же художники, в лучшем случае, замечают только популярных и нарядных красавиц танцовщиц, выдающихся знаменитостей да еще укротителей змей...

ГОЛОВА ДЕВУШКИ. ЭТЮД К КАРТИНЕ «ПЕСНЯ КУЛИ». 1957

слова) «не счесть алмазов в каменных пещерах, не счесть жемчужин в море полуденном далекой Индии чудес...». Теперь же, познакомившись с реальной Индией, я чувствую в этих словах какую-то фальшь и даже банальность. Неужели эти экзотические красоты характеризуют Индию, то есть дают правильное о ней представление? Неужели алмазами и жемчугом да еще экзотической птицей с «лицом девы» интересна великая страна и ее замечательный народ? Как это далеко от правды, от подлинной Индии!

Я считаю самым большим и прекрасным чудом Индии тот самый «простой» народ, который создал гениальные памятники культуры и выстрадал двухсотлетнее угнетение, сохранив при этом и свою красоту, и свою доброту, и нежность, сохранив неиссякаемую жизненную силу. Это действительно — чудо. А разве не чудо то, как с ходу поняла Арпита мой замысел и мгновенно прониклась мечтательным настроением, вошла «в роль», перевоплотилась? Как чудо я воспринимал и игру Саньяла на тростниковой флейте... Этот талантливый живописец и активный общественный деятель для души играет на простой дудке так, что в ее голосе слышится душа Индии, поэтическая, добрая, любящая.

Высокая и неповторимая красота Индии и заключается не в «алмазах» и «жемчугах», а в человеке, в человечности, в доброй, ласковой и в то же время несокрушимо сильной, мужественной душе народа.

Однажды, возвращаясь с этюда, ехал я из Старого Дели в Новый на тонге. А повозка тонги устроена так, что одни пассажиры сидят лицом вперед, то есть

к лошади, а другие, наоборот, лицом назад, спиной к лошади. Я сидел спиной к лошади. На широкой, многолюдной улице Старого Дели было большое движение: тонги, буйволы упряжки, велосипедисты, автомашины неслись в обе стороны; особенно много было велосипедистов. За моей тонгой увязались двое ребят. Они со смехом бежали за повозкой, стараясь догнать и прицепиться к ней. Следом за ними катили несколько велосипедистов, а дальше — остальной поток транспорта.

Одному из ребят удалось, наконец, ухватиться рукой за заднюю перекладину моей «кареты», и он продолжал бежать, цепляясь, чтобы прокатиться. Боясь, как бы парень не сорвался и не упал на мостовую, я подал ему руку, и он весело и доверчиво взобрался в повозку. Усадив парня рядом с собой, я из предосторожности придерживал его рукой, обняв за плечи. Кативший следом за нами на велосипеде пожилой индеец с широкой, какой-то радостной улыбкой наблюдал за этой сценой и, видимо, любовался ею. Выражение его лица говорило: «Как это хорошо, что неизвестный европейский мистер обнимает индийского мальчика».

Встретившись с ним взглядом, я вдруг почему-то застеснялся своей «сентиментальности» и чуть было не снял руку с плеча мальчика... но, опасаясь за него, удержался и вместо этого как-то невольно сделал безразличное, деловито-озабоченное лицо... И что же? С лица нашего велосипедиста мгновенно исчезла добродушная улыбка, и оно тоже нахмурилось. Мое состояние немед-

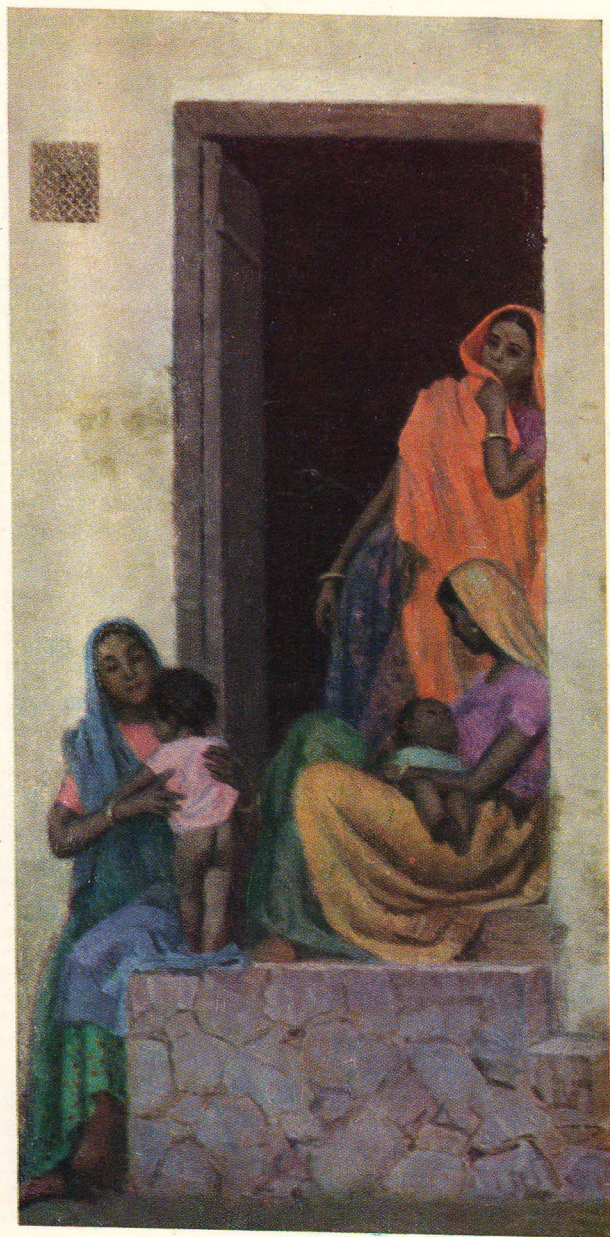
ленно передалось ему, он почувствовал «неуместность» своей улыбки при виде строгого лица «собеседника». Вот так на каждом шагу убеждаешься в исключительной чуткости и впечатлительности этих «простых людей». Судя по всему, велосипедист был из народных «низов».

* * *

В течение 1957—1960 годов я работал над триптихом «О простых людях Индии». Дольше всех затянулась работа над центральной частью «Песня кули», хотя в картине почти ничего нет, кроме двух «портретов». Многие хотели вложить в их изображение: тоску и обиду, мечту и надежду, жажду простого человеческого счастья.

Этюды 1957 года хорошо помогали добиваться этой сложности, особенно этюд девушки Арпиты. Все же в процессе работы пришлось испытать немало сомнений и мучений. Временами доходило до отчаяния. И живописная и пластическая стороны изображения составляли достаточно хлопот, но главная трудность заключалась в психологической характеристике. Малейшая неточность интонации грозила обернуться сентиментальностью и слащавостью. Этой опасности нужно было избежать, но щемящее чувство соперничества картина должна была вызывать. Не жалость, а участие и симпатию к утомленным тяжелым физическим трудом, отдыхающим и мечтающим молодым людям.

В один из таких «приступов» упадка духа помогла поддержка со стороны. Находившийся в Москве видный общественный деятель Пенджаба, увидев

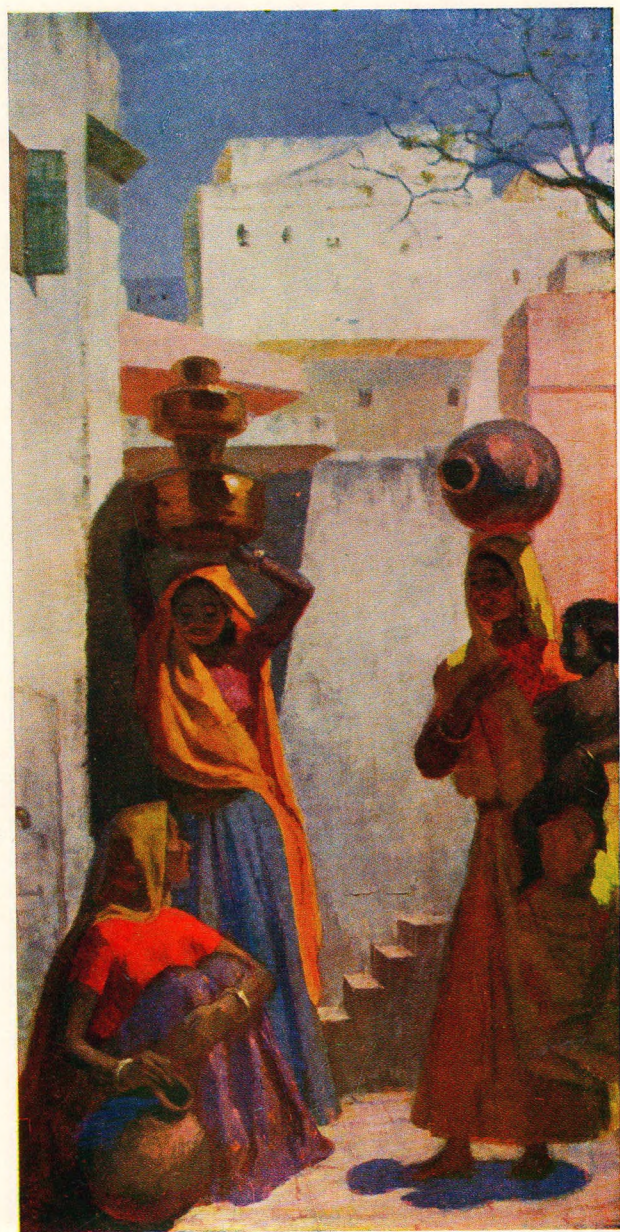

ВЕЧЕРНЕЕ РАЗДУМЬЕ. ПРАВАЯ ЧАСТЬ
ТРИПТИХА «О ПРОСТЫХ ЛЮДЯХ ИНДИИ». 1957

ПЕСНЯ КУЛИ. ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЧАСТЬ
ТРИПТИХА «О ПРОСТЫХ ЛЮДЯХ ИНДИИ». 1959

МИРНЫЕ БУДНИ. ЛЕВАЯ ЧАСТЬ ТРИПТИХА
«О ПРОСТЫХ ЛЮДЯХ ИНДИИ». 1960

ЖЕНЩИНЫ ИНДИИ. 1964

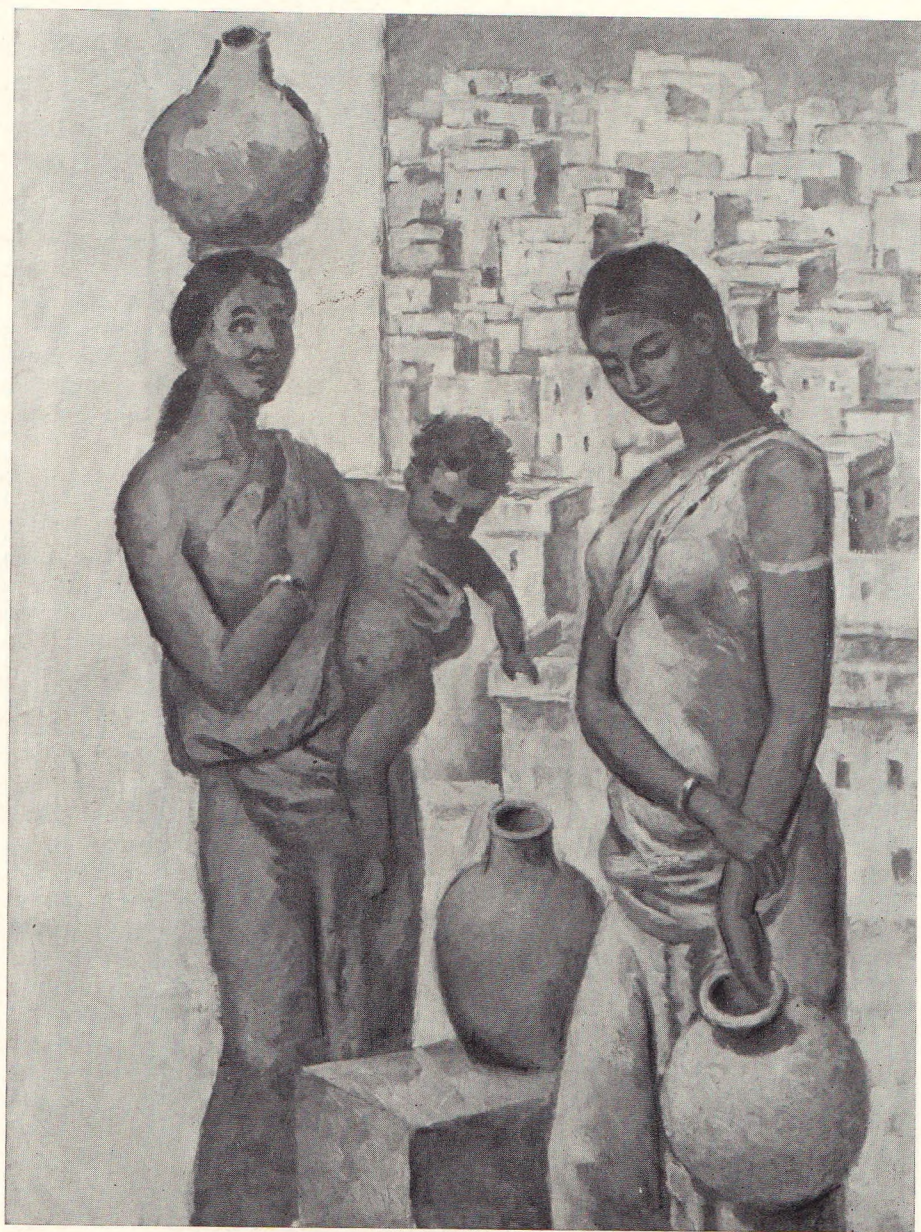
незаконченную еще «Песню кули», дал ей высокую оценку. Он с первого взгляда до конца понял мой замысел, который тронул, взволновал его! На клочке бумаги он записал свое впечатление, свой отзыв и оставил его на столе мастерской. Вот его перевод:

«Это выдающееся произведение искусства напоминает индийскую народную музыку. Оно глубоко эмоционально и высокогуманистично. Это не только песня кули — это песня человеческой души, протестующей против несправедливости и неравенства в мире...»

Этот отзыв придал мне новые силы и уверенность, и вскоре картина была закончена, триптих был выставлен на Всесоюзной выставке, откуда поступил в Русский музей в Ленинграде.

Работая над своими индийскими картинами, я мысленно перенесился из своей московской или фрунзенской мастерской в далекую прекрасную Индию, на улицы Дели, на набережные Бомбея и Бенареса, толкался в людском потоке, жадно вглядывался в добрые, красивые лица, вспоминал своих друзей. Помогали этому «перенесению» звучавший в мастерской голос флейты в записи индийских народных мелодий и аромат дымящихся агрбаты.

В этот же период написаны были такие вещи, как «Мама и дочка», «В переулках Джайпура», «У колонки» и др. Весной 1959 года я получил большое теплое письмо из Джодпура от Амрит. Письмо очень «индийское», проникнутое какой-то, я бы сказал, печалью. Например, он пишет: «...не собираетесь ли Вы вновь приехать в

Индию? Пожалуйста, приезжайте и навестите нас в Джодпуре, душе Раджастана. Здесь Вы увидите красочность, грацию, очарование и красоту раджастанских женщин. Это место превосходит Джайпур, я уверен, что такой художник, как Вы, полюбит этот город. Мы только что праздновали «Холи». Это уже второй «Холи» без Вас. По этому поводу мы все вспоминали Вас и те счастливые живописные моменты, когда мы с Вами вместе участвовали в празднике на улицах Джайпура. Будет ли еще такой «Холи»?»

*Из дневника 10 марта
Москва*

В последнее время наши художники много ездят за границу, в частности в страны Востока. По возвращении каждый устраивает или небольшую выставку зарисовок и этюдов или вечер с рассказом и показом привезенных материалов. А на следующий год (или через год) едет в другую страну и также отчитывается о поездке. Некоторые из моих товарищей побывали чуть ли не во всех странах мира и сделали множество таких отчетов. Один из них пожурил меня за то, что я «никак не отстану от Индии»... Сказано это было с добродушно-снисходительной иронией над моей «ограниченностью».

Для меня это не ново. Когда я писал только Киргизию, то и тогда меня упрекали за ограниченность и призывали «расширить диапазон»... Да, я уже 20 лет пишу картины из жизни индийского народа наряду с работами из жизни родной мне Киргизии и буду

ДЕВУШКА С КУВШИНОМ. 1968

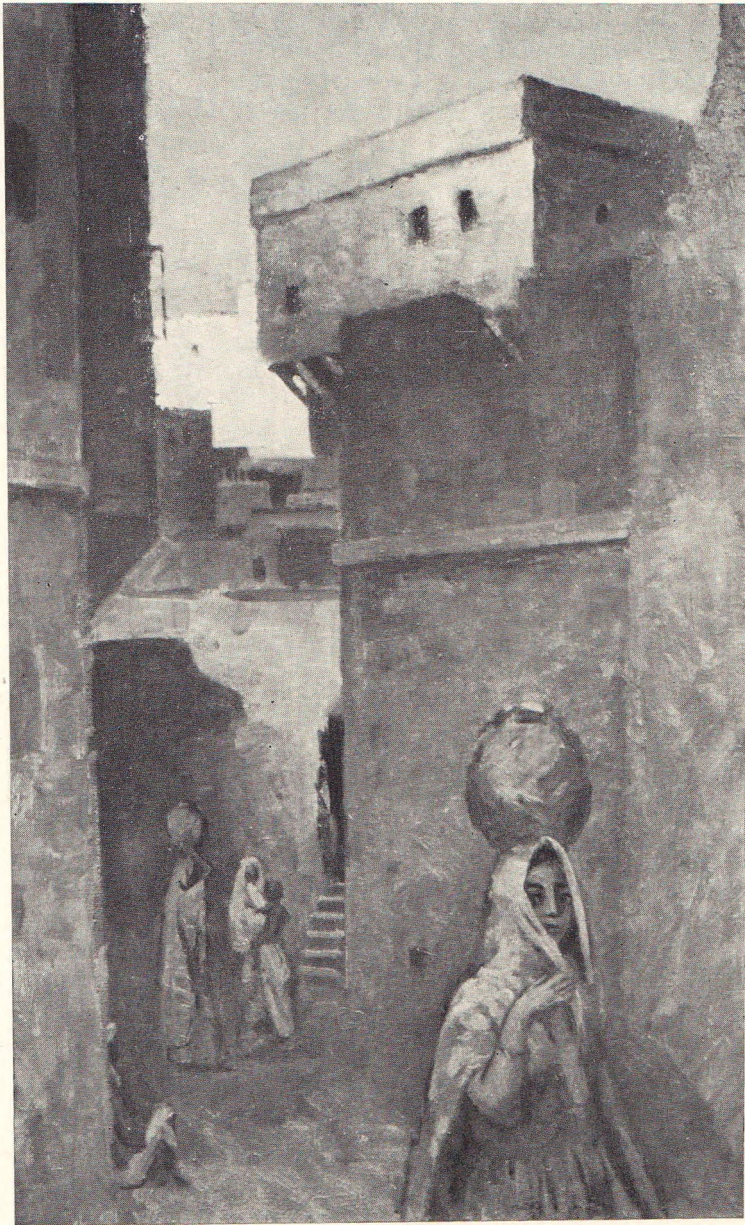
МУЖСКАЯ ГОЛОВА. ЭТЮД К КАРТИНЕ «ПЕСНЯ КУЛИ». 1957

писать, пока смогу держать кисти в руках, не только потому, что собранного материала и впечатлений, засевших глубоко в сердце, хватает до конца жизни, но потому еще, что считаю эту тему общественно важной и нужной. В самом деле: разве не важно возбудить в зрителе симпатию, любовь к индийскому народу и вообще к другому народу? В наше время, когда в капиталистических странах еще живы нравы колониализма и расизма, когда чувства национальной ограниченности, национальной розни приводят к войнам и другим бедствиям, в это время очень важно пробуждать в людях чувства дружбы, симпатии, братства к другому, «чужому» народу. И эти чувства, мне кажется, можно пробудить скорее всего показом хорошего, доброго, красивого в другом народе. А чтобы создать произведение, которое открывало бы душевную красоту этого «чужого» народа и вызывало бы в зрителе уважение и любовь к нему, недостаточно съездить художнику в месячную командировку и сделать в альбоме несколько десятков набросков. Надо не только хорошо знать и понимать страну и народ, надо самому полюбить их. Только тогда можно возбудить своими картинами такое же чувство в другом.

Из дневника 10 апреля
Москва

В залах Академии художеств развернута моя персональная выставка за 50 лет работы. Индийских работ пред-

ставлено около ста. Вчера я поинтересовался, как воспринимают их зрители. Сумел ли я передать в этих картинах свои чувства, и какой отклик вызывают они в зрителе?

Оказалось, что эти работы производят то самое действие, которого я добивался. Об этом свидетельствуют записи в книге отзывов. Вот некоторые из них: «Очень понравилась картина «Песня кули». Поистине, можно услышать музыку, глядя на эту милую пару, на их задумчивые лица, освещенные глубоким чувством».

«Поражают своим лиризмом индийские мотивы: «Песня кули», «Черная мадонна», «Независимая Индия». Большое спасибо».

«Картины С. Чуйкова об Индии, проникнутые любовью к людям Индии, воспитывают и в нас уважение и любовь к народу этой страны. Яркие краски не заслоняют этого главного».

«Если бы Чуйков не написал ничего больше, а только «Песню кули», то он мог бы уже считаться большим художником. Около этой картины можно стоять и стоять и не раз приходить снова».

ТРЕТЬЯ ПОЕЗДКА 1968 года
И МОЯ ВЫСТАВКА В ДЕЛИ И
МАДРАСЕ

В ДЕЛИ

В 1968 году, после закрытия моей персональной выставки в Ленинграде, куда она переехала из Москвы, часть ее (97 работ) была направлена в Индию (Дели и Мадрас). Половина картин этой выставки посвящалась Советской Киргизии, другая половина индийской теме. Сроки демонстрации выставки совпали с моей третьей поездкой в Индию в группе советских деятелей культуры, направлявшихся туда для получения премий имени Джавахарлала Неру.

По прибытии в Дели я узнал, что выставку мою открыли два дня тому назад, 9 ноября, не дождавшись меня, в новом выставочном зале Академии Лалит Кала. На следующий день ее посетил президент Индии Закир Хуссейн. Моя выставка занимала весь второй этаж, а на первом была развернута персональная выставка известного современного индийского художника Хеббара.

Придя на выставку, я неожиданно для себя остался вполне доволен тем, как работы развешаны. Выставочное помещение представляет собою круглую галерею с верхним светом. Одна стена этой замкнутой галереи была занята киргизской серией, другая, противоположная, — индийской. Лучшей экспозиции и желать нельзя было.

*Из дневника 13 ноября
Дели*

Сегодня наша делегация посетила президента Закир Хуссейна. Когда он, здороваясь за руку, прошел наш ряд и дошел до директора моей выставки В. Я. Назарова, то спросил его:

— Ну что, ваша выставка не закрылась еще?

(В этом здании обычно выставки открываются на 3—5 дней.)

— Нет, нет. Работает.

— А ее автор еще не приехал?

— Приехал. Он здесь.

— Который же? Проводите меня к нему, пожалуйста.

В сопровождении Назарова и переводчика он подошел ко мне и, пожимая снова руку своей сильной, плотной рукой, сказал:

— Поздравляю вас с успехом. Спасибо вам за прекрасную живопись и за добрые чувства к нашему народу.

14 ноября, в день рождения Дж. Неру, Индира Ганди в торжественной обстановке, в огромном переполненном зале вручила нам премии имени Неру. Выступали К. П. Ш. Менон, советский посол Н. П. Пегов и от нашей делегации Мирзо Турсун-заде.

Ораторы горячо и взволнованно говорили о мире, о дружбе между нашими народами, о братстве народов. А когда в Индии говорят об этих вещах, то чувствуешь волнующую искренность и убежденность говорящего.

Делегация наша состояла из семи лауреатов премии Дж. Неру. Большинство было с женами, только Мирзо Турсун-заде с дочерью. Ежедневно мы участвовали в двух или трех митингах и встречах. Гирлянды цветов, ласковые, приветливые улыбки, объятия и... речи, речи, речи. Горячие, сердечные

слова дружбы, любви потоком лились на нас. И волнуяще и утомительно. Меня беспокоило то, что я не имел возможности ни рисовать, ни бывать на своей выставке, так как должен был участвовать во всех мероприятиях как член делегации лауреатов.

В день рождения Индиры Ганди мы, вся делегация, поехали к ней поздравлять. Все лауреаты-индологи захватили свои книги для подарка имениннице, а я снял с выставки пейзаж «На крышах Самарканда», так как мы знали, что она, как и ее великий отец, очень любит этот древний город.

Индира Ганди была очень довольна нашими сувенирами и с застенчивой улыбкой сердечно благодарила нас.

Удивительная женщина эта выдающаяся дочь Индии. Всегда ровная, спокойная, сосредоточенная и трогательно чуткая. При кажущейся мягкости характера, она мужественно и отважно стоит на том, во что верит, и стоит как гранитная скала в волнах бушующего вокруг нее океана страстей. Принимала она нас у себя дома в 9 часов утра.

У ворот собралась порядочная толпа бедно одетых индийцев, пришедших тоже к ней на прием. Инвалид-привратник устанавливал очередь и наводил порядок. Никакой охраны нигде не было видно.

Мы посетили могилы (вернее, мемориальные плиты) Ганди, Неру, Шастри и возложили цветочные гирлянды.

НЕЗАВИСИМАЯ ИНДИЯ.
ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЧАСТЬ
ТРИПТИХА «ОНИ ХОТЯТ ЖИТЬ». 1967

* * *

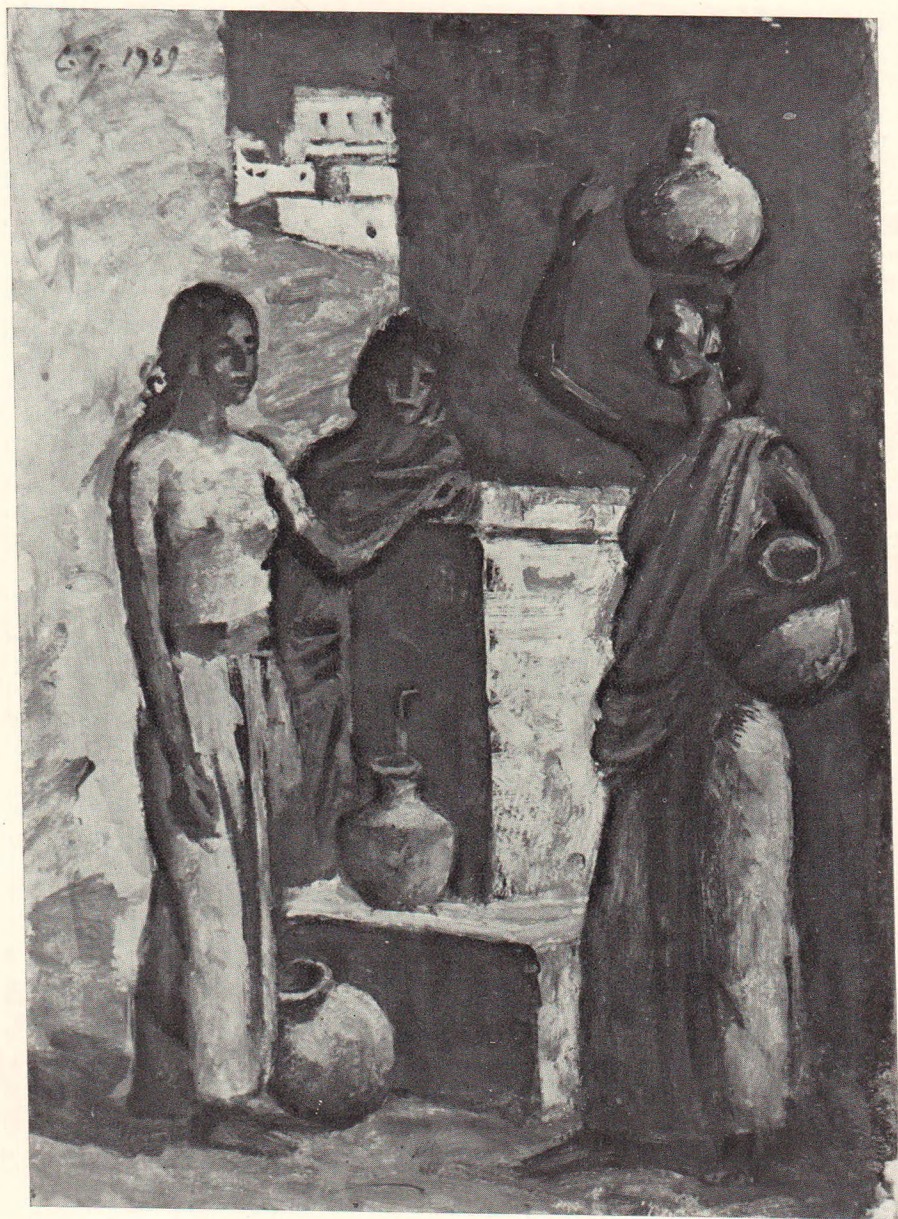
Амрит, узнав, что я в Дели, разыскал и пригласил к себе в гости. Оказалось, что он выбран в члены парламента и переселился из Раджастана в Дели.

Он и Раджкумари радушно встретили нас. Девочка одиннадцати лет тоже приветствовала нас и показала нам много своих рисунков. Это была та самая Рита, которую в 1957 году Амрит нянчил, когда Раджкумари позировала мне для портрета. Ей было тогда 3 месяца.

Новый член парламента остался верен себе: он жил так же скромно в небольшой квартирке со спартанской обстановкой, как и в Джайпуре, будучи рядовым журналистом. Он следовал примеру выдающихся деятелей Индии (говорили, что после смерти премьер-министра Б. Шастри у его семьи не было средств к существованию).

* * *

Потом мы полетели в «турне» по стране: Агра, Мадрас, Траванкор-Кочин, Бомбей. На юге субконтинента по штату Керала проехали на машинах и всласть насмотрелись в пути на тропическую природу. Сильное впечатление произвело посещение крайней точки Индостана мыса Кумари. Тут Индийский океан во всей своей мощи и великолепии раскрывает богатырские объятия. Хотелось всматриваться и увидеть в океанском просторе остров Цейлон. В Бомбее волнующими были две встречи. На митинге, устроенном в нашу честь отделением Индийско-советского культурного общества, я попал в объятия Джасвант Сингха... Эта встреча была вдвойне приятна, так как мой

друг основательно поправился и вместо худощавого человека нездорового вида, каким он был, меня тискал плечистый и мускулистый богатырь.

Вторая встреча была с одним из моих любимых писателей Индии Кришаном Чандром. В день его рождения наша делегация поехала к нему с поздравлениями. В доме «новорожденного» было много гостей, и после нашего приезда образовался, в сущности, небольшой «домашний» митинг. ...Хозяин после перенесенной серьезной болезни выглядел сильно похудевшим и постаревшим по сравнению с тем, каким я его встречал в Москве в пятидесятых годах.

Удивительна его деликатность и внимательность: встретив нас у входа, поздоровавшись и усадив в холле, он сказал прочувствованное приветствие, в котором перечислил все наши фамилии и назвал все труды, за которые мы были удостоены премии Дж. Неру. Мы не остались в долгу: немало теплых слов и сердечных пожеланий юбиляру было произнесено в тот вечер. На редкость милый, душевный и обаятельный человек этот талантливейший Кришан Чандр.

Два дня в Бомбее были перенасыщены встречами, митингами, беседами, и мне не удалось посетить места, с которыми связаны волнующие воспоминания: очень хотелось побывать на Кафф-Парейде, где мы жили, пройтись по набережной Маринер драйв, по базару «Галаба» и т. д.

Из Бомбея делегация вылетела в Москву, а я в Мадрас, куда из Дели была отправлена моя выставка.

В МАДРАСЕ

Огромный город Мадрас сочетает в себе старое с новым, восточное с европейским. Изумительна величественная университетская набережная, трогательны перенаселенные толпой улицы старых кварталов, незабываемы торжественные лунные ночи на песчаном пляже, где люди, истомленные дневной духотой, сидя на песке, дышат прохладой, любуются луной и слушая музыкальный шум прибоя.

Меня же захватило другое: мадрасские женщины одевают сари иначе, чем на севере страны. Здесь они еще больше похожи на античные скульптуры женщин в пеплумах... Правая рука и плечо у них остаются обнаженными, и конец сари, перекинутый через левое плечо, обматывается вокруг талии, образуя бесподобные складки.

Хотя я знал этот вариант ношения сари, все же теперь, находясь в Мадрасе, при виде потока подлинно античных фигур на улицах пришел в восторг, как от радостного открытия. Так хотелось писать их, этих пластичных, «скульптурных» женщин, но надо было заниматься организацией выставки.

За отсутствием в городе специального выставочного помещения под выставку было отведено здание музея художественного колледжа, представляющего собой один большой зал с колоннами. Директор колледжа, скромный, любезный и заботливый Кришна Рао, срочно освободил и слегка переоборудовал зал, мы развесили картины, и 28 ноября выставка была открыта.

Я часто приезжал на выставку и с удовольствием находил зал полным зрите-

лей. Посещаемость была гораздо более активная, чем в Дели.

Студенты колледжа, начинающие художники постоянно толкались в зале. Сперва они от неожиданности как-то оторопели, увидев реалистическую живопись... Но с каждым днем лица их прояснялись и они все с большим и большим интересом рассматривали работы. Дело в том, что в классах колледжа, как я убедился, преподавали если не абстракционизм, то нечто близкое к нему. Студенты были убеждены, что реализм существовал в живописи какого-то далекого прошлого, а в наше время такого искусства нигде нет и не может быть. Большинству из них никогда не приходилось видеть реалистических картин. Мои работы должны были быть восприняты ими как анахронизм. Но очень скоро молодые художники прониклись к нам симпатией и даже по своей инициативе установили дежурства на выставке... Дежурные давали какие-то объяснения рядовым зрителям, призывали их записывать свои отзывы в книге.

Молодые педагоги колледжа тоже с большим интересом отнеслись к выставке, несмотря на то что сами работают в духе абстракционизма.

Однажды они устроили для меня просмотр своих работ и просили, чтобы я сказал о них свое мнение. Тут у нас произошел знаменательный разговор.

— Как вы знаете, я сам работаю в другом плане, следовательно, не могу отнестись положительно к вашему направлению, — сказал я. — Вы очень талантливы, но работы ваши никому не понятны и, следовательно, не могут быть интересны. Они ничего не говорят зрителю.

— Вы считаете наш метод ошибочным? — спросил молодой педагог с бородкой.

— Да. Ошибочность его видна уже из того, что в ваших работах нет ничего индийского. И в Париже, на Монмартре изготавливают для туристов точно такие работы. И в каждом городе Западной Европы. А где же ваши национальные черты?

— В последнее время я тоже стал задумываться над этим, — говорил молодой художник. — Мне пришло в голову, что если в произведении искусства нет национальных черт, то что-то тут не так... Лично мне хотелось бы быть национальным художником, но в то же время современным. Вот в этой работе я попытался соединить эти вещи. Посмотрите.

Он подвел меня к одной из своих картин и пальцем указал на тонкую контурную линию силуэта древнеиндийской скульптуры богини. Линия эта едва различимо просвечивала из-под жидкого слоя абстрактной живописи.

— Как вы считаете, можно таким способом разрешить проблему?

— Нет, конечно.

— Почему же?

— Да потому хотя бы, что реалистический силуэт богини и абстрактная живопись соединены здесь механически. Они между собой не смешиваются, как масло с водой.

— А как же нужно поступить, чтобы стать современным и в то же время национальным художником?

— Рецепта готового я не знаю, а думаю, что если вы — человек современный, то есть не отсталый, закоснелый в каких-то отживших понятиях, которому чуждо и непонятно все современ-

ВЕСЕЛЫЕ ПОДМЕТАЛЬЩИЦЫ. 1963

ДЕВУШКА В КРАСНОМ САРИ. 1970

ное, то искренне сделанные работы обязательно будут современными, так как отразят ваш духовный мир. И если вы в душе индеец и все индийское вам дорого, то и это скажется в работах, и они будут индийскими, национальными, если вы будете до конца искренним в передаче своих мыслей и чувств. — Вероятно, так оно и есть, — согласился автор картины. — Но... богатые люди покупают только абстрактные работы... А это у нас — единственный источник заработка... Или иди на службу, то есть бросай живопись.

* * *

Похоже, что за время, прошедшее с 1952 года, модернистские течения в современном искусстве Индии расширили свое влияние.

В этих условиях можно было ожидать, что выставка моя придется «не ко двору», что она не только не будет иметь успеха, но, возможно, будет раскритикована модернистами и непонята зрителем. Но опасения мои оказались напрасными: не только рядовые зрители, но даже художники, работающие сами в плане модернизма, тепло приняли выставку и называли мой реализм «современным реализмом». Когда же я ознакомился с записями зрителей в книге отзывов, я почувствовал себя глубоко взволнованным и счастливым.

Вот некоторые из отзывов: «Эта выставка — настоящая связь, соединяющая культуру и дружбу народов Индии и СССР».

«...Мои лучшие пожелания художнику, написавшему эти картины. Да поможет ему бог создать еще много таких чудесных картин!»

«Можно почувствовать биение доброго и сострадающего сердца художника».

«Это действительно праздник для глаз и для души, долгожданный праздник, пришедший сюда, как летний дождь после засухи, после долгого периода абстрактного искусства. Эти поэмы в цвете — лучшие культурные послы между Индией и СССР».

«Он первый художник, который изобразил наших простых людей в их истинном свете, не совершая несправедливости к изображаемым темам». «Его знание индийской жизни прекрасно».

Я без стыда привожу здесь эти похвалы, так как они говорят о многом.

Прежде всего они ярко, правильно и глубоко характеризуют индийцев: они отзывчивы на все доброе, они с поразительной чуткостью поняли, почувствовали братскую любовь художника и благодарно откликнулись на нее.

Отзывы эти говорят также о том, что гуманистическая идея интернационализма, жажда дружеских отношений носят в атмосфере современности.

Говорят они и о тоске по реалистическому искусству, которое единственно способно выражать эти идеи.

И конечно, говорят о том, как по-братски относится народ Индии к советскому художнику, ко всему советскому.

*Из дневника 4 декабря
Мадрас*

Жара стоит ужасная. Хотя градусник показывает 37 градусов в тени, при большой влажности воздуха ее переносить трудно. Душно, все время поте-

ешь, и от взмокшей рубахи идет пар... В номере отеля воздух кондиционирован, а выйдешь на улицу — как в парную баню войдешь. А дома-то почти не приходится быть, только ночуешь. Хуже всего бывает в нашем черном, накалившем автомобиле: внутри его температура, конечно, выше 40 градусов, и ехать можно только с настежь открытыми окнами. А они дают пронизывающий сквозняк. Так как я сажусь в машину всегда мокрый и горячий, то удивительно, как я еще не простудился...

В Мадрасе у меня было меньше митингов и встреч, и я попытался наладить в оставшиеся семь дней писание этюдов. По-прежнему мне больше всего хотелось писать женщин и детей. Простые, бедные женщины с детьми на руках или с ношей, в ветхих сари, облегающих, «лепящих» фигуру, были здесь пластичнее и живописнее всего, что я видел до сих пор. Поразительно сочетание будничности, естественности, обыденности с классической, античной гармонией форм.

Удалось написать несколько этюдов женщин и девочек, а также этюд девочки с маленьким братцем на руках («Дети Мадраса»).

Конечно, меня терзала досада и горькое сожаление, что мало удалось сделать, а пора уезжать.

Накануне отъезда, когда мы уже занимались демонтажом выставки, в зал вошли две девушки. Одна из них, очень смуглая, стройная, с трогательными глазами, была как олицетворение моего замысла. На всякий случай мы с переводчиком подошли к ней и спросили,

не сможет ли она попозировать мне полтора часа завтра утром. Оказалось, что она — студентка нашего колледжа, на выставку зашла не первый раз и с удовольствием попозирует для этюда. Радости моей не было границ. До наступления следующего утра я с волнением думал о предстоящей работе, видел девушку в своем воображении, видел готовый уже этюд... и боялся, что почему-либо сеанс не состоится и этюд останется только в моем воображении.

Но на этот раз судьба была ко мне благосклонна: девушка пришла. Она была в белой блузке и пламенно-красном сари. С ее темно-шоколадным лицом и шеей это сочетание было изумительно, и я, дрожа от волнения, приступил к работе там же, в выставочном зале, под грохот молотков и визг пилы. Огромные прекрасные глаза девушки смотрели на меня. В этих кротких, детски ясных глазах было столько чистоты и тишины, столько робкого любопытства и застенчивости, что я еще раз (в который раз!) сказал себе: «В них видна душа Индии. Сумей передать хотя бы часть этого глубокого и сложного содержания, и ты выразишь душу Индии».

Обычно я навсегда запоминаю весь процесс писания этюда: как усаживал натуру, как начинал этюд, кто подходил с вопросами, как вела себя натура, как отдыхали, о чем говорили... На этот раз я так был захвачен, так волновался, что ничего не помню, как будто во время работы был без сознания... Помню только, как мы договаривались накануне и как прощались после работы, когда нас фотографировали. Я работал с таким напряжением, что

НОВОБРАЧНЫЕ ИЗ КАСТЫ «НЕПРИКАСАЕМЫХ». 1974—1976

ЖЕНЩИНА С РЕБЕНКОМ И КУВШИНОМ. 1963

этот полуторачасовой этюд оказался более законченным, чем многие мои длительные работы, и находится теперь в Третьяковке.

Все же и в Мадрасе не обошлось без встреч и бесед. Самой интересной была встреча с активом отделения Индийско-советского культурного общества. Выступавших было много. Горячо и взволнованно говорили о дружбе между нашими народами и очень тепло о моей выставке.

В конце заседания меня окружили его участники, и один из них, крепко пожимая мою руку, сказал:

— Знаменательно, что в то время, как в некоторых странах стреляют в людей за то, что они не белые, а «цветные», советский художник воспекает их достоинство и красоту.

* * *

Побывал я в знаменитом Махабалипуре. Это своеобразный и высокохудожественный памятник древности.

Поразительной красоты барельефы украшают огромные гранитные глыбы, разбросанные в Махабалипуре. В одной из них высечена часовенка, а снаружи она оформлена чудными барельефами, изображающими обнаженных богов и богинь. Особенно обрадовался я барельефу, давно знакомому мне по репродукциям и любимому. Я с наслаждением делал с него зарисовки в карманном альбомчике.

Другой камень-колосс испещрен сотнями человеческих фигур и фигур животных, высеченных с ошеломляющим мастерством и талантом. Полюбовался и остальными памятниками старины в окрестностях Мадраса.

По пути мы часто останавливались в деревнях и беседовали с крестьянами. В беседе с одним крестьянином выяснилось, что его жене 19 лет, а старшему сыну 7 лет... Мы спросили, в каком же возрасте она вышла замуж? Оказывается — одиннадцати лет...

*Из дневника 5 декабря
Мадрас*

На днях директор национальной художественной галереи обратился ко мне с просьбой подарить какую-либо из моих работ с выставки. Я предложил ему выбрать из тех, что принадлежат мне, и он остановился на «Веселых подметальщицах» и «Мама и дочка». Зная о том, что музеи в Индии пока пополняются только за счет пожертвований и подарков, я решил передать галерее обе облюбованные им работы. Сегодня в торжественной обстановке в присутствии представителей Министерства образования и нашего посольства состоялась церемония передачи картин.

В полдень следующего дня мы уже были в Дели. Нам предстояло провести последнюю ночь на индийской земле и завтра в 7 часов утра вылететь на Родину. С утра я себя плохо чувствовал, но оказалось, что к 3 часам меня и директора выставки В. Я. Назарова ждут в Министерстве образования. Нас принял один из руководителей министерства и после приветствия и вручения памятных подарков спросил, знаю ли я их современных художников.

— Как же, многих знаю лично и по работам. А с некоторыми состою в дружбе.
— Как вы расцениваете их творчество?
— Они, как правило, очень талантливы, но мне кажется, что многие из них стоят на ошибочных позициях и делают не то, что нужно. Они работают в плане модернизма и абстракционизма, а такое искусство ведь никому не понятно и, следовательно, ничего не дает. Нужно ли оно?

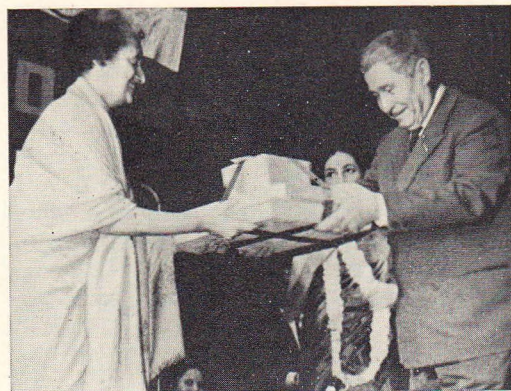
— Мистер Чуйков, вы не должны очень строго судить наших художников: мы ведь пока ничего у них не покупаем, а им надо жить, семью кормить... Покупают у них только богатые люди и покупают главным образом абстракционистские работы...

— Значит, деньги ваших богатых людей содействуют тому, чтобы народ остался без современного искусства?

— Ведь абстракционистские произведения народные массы не смотрят, и, следовательно, современное искусство для них почти не существует, а знают и любят они только древнее искусство в храмах. Оно им понятно и дорого.

— А как вы относитесь к творчеству Амриты Шер-Гил?

— Произведения этой замечательной художницы как раз подтверждают правильность моих слов: ее популярность с каждым годом растет. Хотя она рано умерла и количественно не так много успела создать, ее имя широко известно и любимо. Ее реалистические картины, посвященные простым людям Индии, их чаяниям и судьбам, понятны и близки всем. Шер-Гил стала вашим классиком, но... к сожалению, это направление имеет мало последователей.
— Да, вы правы. Но я надеюсь, что они появятся.

ВОЗЛОЖЕНИЕ ВЕНКА НА МЕМОРИАЛЬНУЮ
ПЛИТУ ШАСТРИ

ЭТЮД С МАЛЕНЬКОЙ НАТУРЩИЦЫ

ДРУЖЕСКИЕ ОБЪЯТИЯ

ИНДИРА ГАНДИ ВРУЧАЕТ С. А. ЧУЙКОВУ
ПРЕМИЮ ИМЕНИ ДЖАВАХАРЛАЛА НЕРУ

— Я тоже уверен в этом.

Придя вечером в отель, я свалился от жестокого сердечного приступа. Врач отменил завтрашний наш отъезд и уложил меня в постель на четыре дня. Оказалось, что мое вчерашнее состояние «беспамятства» во время сеанса в Мадрасе было следствием не только творческого возбуждения (или вдохновения)... У меня было воспаление легкого с температурой и на фоне его сердечный приступ.

* * *

И вот опять в Москве. Собственно, зимой в Москве, а летом в родной Киргизии. На родине я снова езжу по колхозным полям, в горы, в степь, пишу этюды. А в московской мастерской на основе этих этюдов работаю над картинами из жизни киргизских колхозников.

Но образы Индии, запавшие в душу, теснятся в голове, множество замыслов рождаются один за другим и требуют осуществления. И я работаю одновременно и над ними.

Тема эта неисчерпаема, ибо я понимаю ее не как описание страны, а как показ, выражение прекрасного в человеке, в людях Индии, их красоты, доброты, нравственной чистоты. Написал я несколько вариантов на тему «Женщины у колонки», небольшую картинку «Дети Мадраса», «Индийский кули», «Студентки» и другие.

В особенности не дает мне покоя задача показать прекрасное в людях отверженных, несправедливо обиженных. Снова и снова мысль возвращается к судьбе «неприкасаемых». Какая невероятная, загадочная и мрачная, траги-

ческая судьба многомиллионной массы людей труда, тысячелетия живших в атмосфере презрения и отчужденности. Я часто вспоминаю свою джайпурскую подметальщицу... В ее взгляде были страх и обида, недоверие и упрек... Когда я приступал к работе над этюдом с нее в 1952 году, вся прислуга нашего отеля собралась смотреть. Из-за незнания языка было трудно объяснить ей, какую позу она должна принять. Поэтому мне пришлось, усаживая ее, не раз брать за руку и за щиколотку босой ноги. Хор изумления всякий раз оглашал двор...

Как? Иностранец, европеец прикасается к нечистой, «бханги», которой даже они брезгуют! Зрители были ошеломлены, и сама подметальщица не меньше. Она была озадачена, смущена и даже испугана... Не обвинят ли ее за это нарушение обычая... Несчастливая девушка запомнилась мне на всю жизнь. Еще печальнее было зрелище позировавшей мне в Бенаресе уборщицы с ребенком на руках. За все время работы она, стоя понурившись, ни на мгновение не подняла глаз на меня. Невозможно без содрогания думать о судьбе этих обездоленных, ни в чем не повинных людей, обреченных быть отверженными и презираемыми.

Одним из первых законов новой Индии был закон об отмене кастового деления. Но... в быту, в сознании людей, в привычках и обычаях кастовое деление и нетерпимость еще ох как сильны! Сегодня в стране ведется трудная, повседневная борьба за освобождение сознания народа от мрачного и жестокого пережитка.

Когда пишутся эти строки, автор уже второй год работает над картиной «Но-

вобрачные из касты «неприкасаемых». Ему могут сказать: «Зачем теперь писать на эту тему? Ведь кастовое деление отменено и сегодня уже не является проблемой». Нет, является. Сейчас, когда государственная власть свое дело сделала, наступило время действовать искусству, воздействовать на сознание, на души людей, перевоспитывать их. А в этом деле искусство — самая большая сила.

В современной индийской литературе создано уже немало талантливых сочинений, полных участия и сострадания к этим обездоленным, произведений, утверждающих человеческие права «неприкасаемых». И они оказывают сильное воздействие на умы, делают важное, благородное дело.

В моих «Новобрачных», как и в «Песне кули», только две головы: его и ее. Изображение этих двух голов должно выражать многое: и многострадальную историю народа, и жажду жизни, и мечту о счастье, и, может быть, окно, открытое в светлое будущее... Мне скажут: «Слишком многого вы хотите от двойного портрета...». Да, конечно, это трудно, но я считаю, что только решая такие задачи, можно говорить об образе и, следовательно, об искусстве. В противном случае, то есть когда в картине нет такого сложного и трудного человеческого содержания, она — не искусство, а просто описание фактов или предметов.

Теперь мне кажется, что если я сумею показать трагическую судьбу этих отверженных, их мечту и стремление к лучшему, показать их нравственную красоту, то тем самым я выражу «ду-

шу» Индии, самую ее суть... Но тут же вспоминаю, что чуть ли не каждую картину я начинал с этой же мыслью: и «В пути», и «Подметальщицу из Джайпура», и «Молодого кули», и «Песню кули» и т. д.

Да, но как же иначе? Какую же другую цель как не выражение «души» изображаемого явления может ставить перед собой художник?

Для мужской головы я взял за основу этюд 1952 года «Голова кули», сделанный в Дарджилинге. Мне всегда казалось, что этот этюд хорошо передает сложность и драматизм образа рабочего-кули. Изможденное лицо усталого человека с лихорадочным взглядом больших, печальных глаз говорит о тяжелом, изнуряющем труде, о нелегкой, полуголодной жизни.

Женскую голову с глазами, полными слез, и робкой, еле заметной улыбкой, я пишу, вспоминая свою джайпурскую подметальщицу и последний мадрасский этюд девушки с кроткими глазами 1968 года — «Девушка из Мадраса». Надо добиться, чтобы картина вызывала чувство активного братского сочувствия, сопереживания, которое не обидело бы моих индийских зрителей, а наоборот, — за которое они бы меня благодарили, говоря, что «в картинах чувствуется биение доброго и сострадающего сердца».

Итак, братское сострадание и гневный протест против неравенства и угнетения человека человеком — такова задача новой картины.

Надеюсь, что она будет не последней в индийском цикле, что цикл этот будет пополняться, пока я живу и работаю.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Разделение страны на Индию и Пакистан было произведено в 1947 гду по религиозному признаку и сопровождалось массовым переселением мусульман из Индии в Пакистан, а индусов из Пакистана в Индию.

² С и к х — член одной из крупнейших религиозных сект Индии.

³ Д х о т и — мужская одежда, состоящая из куска материи.

⁴ Д ж а в а х а р л а л Н е р у. Открытие Индии. М., 1955, стр. 46, 67.

⁵ К р и ш а н Ч а н д р. Свадьба. Избранное. Л., 1955, стр. 113.

СПИСОК ПРОИЗВЕДЕНИЙ
С. А. ЧУЙКОВА,
ВОСПРОИЗВЕДЕННЫХ В КНИГЕ

В пути. 1954. ГТГ. Москва
Девушка-индуска. 1952. ГТГ. Москва
Столяр-сикх в розовом тюрбане. 1952. ГРМ. Ленинград
Молодой кули. Этюд. 1952. ГРМ. Ленинград
Улочка в индийской деревне. 1952. ГРМ. Ленинград
Подметальщица из касты «неприкасаемых» 1952. ГРМ. Ленинград
На улице Джайпура. 1952. Художественная галерея имени Т. Г. Шевченко. Алма-Ата
Воспоминание о Джайпуре. 1953. ГТГ. Москва
В Джайпуре. 1952. ГТГ. Москва
Утро в Джайпуре. 1952. ГРМ. Ленинград
Девочка-индуска. 1952. ГТГ. Москва
Бенарес. Сушка белья на берегу Ганга. 1952. Львовская картинная галерея
Студентка из Калькутты. 1952. ГТГ. Москва
Девочка-кули. 1952. Собственность художника
Голова кули. 1952. ГТГ. Москва
Вершина Канченджанга. 1952. ГРМ. Ленинград
Гималаи. 1954. ГТГ. Москва
Маленькая продавщица цветов. 1953. ГТГ. Москва
Мать с ребенком. Этюд к картине «В пути». 1952. Государственная картинная галерея. Ереван
В пути. Деталь. 1954.
Индийская невеста. 1954. Киевский музей русского искусства
Мальчик, играющий на дудке. 1952. ГРМ. Ленинград
На набережной в Бомбее вечером. 1954. ГТГ. Москва
Кули, играющий на дудке. 1952. Частное собрание
В Индии. 1967. Союз советских художников СССР. Москва
На улице Фрер-Роуд. 1952. ГТГ. Москва
Чистильщик обуви. 1957. Свердловская областная картинная галерея

Песня кули. Первый вариант. 1954. Музей изобразительных искусств. Фрунзе
Женщина из Мадраса (Колониальное прошлое). 1952. ГТГ. Москва
Работница. Этюд. 1957. Азербайджанский государственный музей искусств имени Р. Мустафаева. Баку
Кули, ожидающий работу. 1957. Киевский музей русского искусства
Старый Дели. Улица Чандни Чоук. 1957. Собственность художника
Квартал в Старом Дели. 1957. Новосибирская областная картинная галерея
Продавцы цветов в Бенаресе. 1957. Собственность художника
Панорама Бенареса. 1957. Государственный художественный музей имени А. Н. Радищева. Саратов
Женщина с ребенком. 1957. ГРМ. Ленинград
Портрет Раджкумари. 1957. ГРМ. Ленинград
Джайпур. 1957. Эстонский государственный художественный музей. Таллин
Голова девушки. Этюд к картине «Песня кули». 1957. Собственность художника
Заклинатели змей. 1957. Государственная картинная галерея. Ереван
Вечернее раздумье. Правая часть триптиха «О простых людях Индии». 1957. ГРМ. Ленинград
Песня кули. Центральная часть триптиха «О простых людях Индии». 1959. ГРМ. Ленинград
Мирные будни. Левая часть триптиха «О про-

стых людях Индии». 1960. ГРМ. Ленинград
Женщины Индии. 1964. Собственность художника
Женщины Мадраса. 1973—1975. Собственность художника
Девушка с кувшином. 1968. Собственность художника
Мужская голова. Этюд к картине «Песня кули». 1957. Собственность художника
Индийский мотив. 1961. Собственность художника
Воспоминание об Индии. 1964. Собственность художника
Эскиз к картине «Независимая Индия». 1966. Собственность художника
Независимая Индия. Центральная часть триптиха «Они хотят жить». 1967. Союз советских художников. Москва
Девушки у колонки. 1969. Собственность художника
Маленькая няня. 1968. Собственность художника
Девушка из Мадраса. 1968. ГТГ. Москва
Веселые подметальщицы. 1963. Национальная художественная галерея. Мадрас
Девушка в красном сари. 1970. Музей изобразительных искусств. Фрунзе
Дети Мадраса. 1968. Ужгородский художественный музей
Новобрачные из касты «неприкасаемых» 1974—1976. Собственность художника
Женщина с ребенком и кувшином. 1963. Музей изобразительных искусств. Фрунзе

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ	5
ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ	7
ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА В ИНДИЮ. 1952 ГОД	13
ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ	15
МОСКВА — БУДАПЕШТ — ВЕНА — РИМ	20
ИНДИЯ	28
В ДЕЛИ	36
НАША ВЫСТАВКА В ДЕЛИ	46
ПО ДОРОГЕ В ДЖАЙПУР	58
ДЖАЙПУР	64
ДЕЛИ, БЕНАРЕС, КАЛЬКУТТА	86
ПОЕЗДКА В ГИМАЛАИ	98
СНОВА КАЛЬКУТТА	108
В БОМБЕЕ	116
ПОСЛЕДНИЕ ДНИ В ИНДИИ	134
СНОВА В ИТАЛИИ	142
ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ЗАМЫСЛОВ	154
ВТОРАЯ ПОЕЗДКА. 1957 ГОД	165
ОПЯТЬ В ИНДИЮ	167
ПОЕЗДКА В БЕНАРЕС	174
В ДЖАЙПУРЕ	180
ТРЕТЬЯ ПОЕЗДКА 1968 ГОДА И МОЯ	
ВЫСТАВКА В ДЕЛИ И МАДРАСЕ	203
В ДЕЛИ	205
В МАДРАСЕ	212
ПРИМЕЧАНИЯ	227
СПИСОК ПРОИЗВЕДЕНИЙ С. А. ЧУЙКОВА,	
ВОСПРОИЗВЕДЕННЫХ В КНИГЕ	228

Чуйков С.

- 487 Образы Индии. Книга. М., «Изобразительное искусство», 1976. 232 стр. с ил.

Книга — живой рассказ о современной Индии, иллюстрируемый рисунками, репродукциями с картин из советских и зарубежных музеев. Вместе с автором — народным художником СССР С. А. Чуйковым читатель путешествует по стране, наблюдает ее жизнь, любуется ее природой, участвует в сложном и увлекательном процессе создания художником его произведений.

Книга рассчитана на самого массового читателя. Интересна она и для специалистов.

ЧУЙКОВ Семен Афанасьевич
ОБРАЗЫ ИНДИИ

Редактор *Е. Головнина*

Художник-оформитель *А. Федотов*

Художественный редактор *Е. Волков*

Технический редактор *А. Токер*

Корректор *Л. Жарковская*

Цветные клише выполнены

В. Берегатовой и В. Давидюк

Сдано в набор 18/IV-75. Подписано в печать
10/III-76. А-11059. Бумага мелов. 120 г.
Формат 70×90/16. Объем 14,5 печ. л. 16,97
усл. печ. л., 13,9 уч.-изд. л. Изд. № 2-96.
Тираж 25 000. Зак. 6681. Цена 2 р. 02 к.

«Изобразительное искусство»
Москва 129272. Сущевский вал, 64

Московская типография № 5
Союзполиграфпрома при Государственном
комитете Совета Министров СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, Мало-Московская, 21.